В.А. Петухов

**К ИССЛЕДОВАНИЮ
ПЛАНОВОЙ ЭКОНОМИКИ**

Москва
2021

УДК 330.342.173

ББК 65.054

ПЗ1

Рецензенты:

Щербakov В.Н. – доктор экономических наук, профессор Департамента экономической теории Финансового университета при Правительстве РФ;

Алленых М.А. – кандидат экономических наук, доцент Департамента экономической теории Финансового университета при Правительстве РФ.

Петухов В.А.

П29

К исследованию плановой экономики: монография. – М.: Издательский дом Академии Естествознания, 2021. – 268 с.

ISBN 978-5-91327-692-6

DOI 10.17513/np.473

В истории человечества наиболее сложными из товарных отношений являются товарные отношения в плановой экономике. Для их анализа автор применяет свой прием, который позволяет легко определить, что является товаром в любой экономической системе. Далее, последовательно развивая этот прием, автор определяет, что в плановой экономике товарами являлись рабочая сила со стороны рядовых граждан и предметы потребления, необходимые для нормального восстановления этой рабочей силы, со стороны государства. На основе этого обмена возник мир наличного рубля, где деньги выполняли ряд определенных функций. Однако в плановой экономике средства производства не становились товарами и не вступали в сферу обмена. Благодаря этому возник мир безналичного рубля, где рубли выступали только как счетные, калькуляционные деньги для средств производства. Далее автор показывает, как разрешить такие сложные проблемы как «фиктивная» купля-продажа между государственными предприятиями и неконвертируемость национальных валют социалистических стран. Затем автор объясняет причины, по которым существовала четкая граница между миром наличного и миром безналичного рубля. Анализ относится, в первую очередь, к периоду 1970-х – начала 1980-х гг. В этой части показано, что основы человеческой экономики исходят из принципов, заложенных уже в животном мире. Далее показывается, что плановая экономика вполне может рассматриваться как новый тип капитализма, который благодаря отсутствию внутренней конкуренции является экономически неэффективным по сравнению с развитыми капиталистическими странами.

ISBN 978-5-91327-692-6

© В.А. Петухов, 2021

© ИД «Академия Естествознания»

© АНО «Академия Естествознания»

V.A. Petukhov

**TO THE STUDY
OF THE PLANNED ECONOMY**

Moscow
2021

УДК 330.342.173

ББК 65.054

П31

Reviewers:

Shcherbakov V.N. – Doctor of Economics, Professor of the Department of Economic Theory of the Financial University under the Government of the Russian Federation;

Allenikh M.A. – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economic Theory of the Financial University under the Government of the Russian Federation.

Petukhov V.A.

П29 To the study of the planned economy: monograph. – M.: Publishing House of the Academy of Natural Science, 2021. – 268 p.

ISBN 978-5-91327-692-6

DOI 10.17513/np.473

In the history of mankind, the most complex market relations are market relations in a planned economy. To analyze them, the author applies his own technique, which makes it easy to determine what is a commodity in any economic system. Further, consistently developing this technique, the author determines that in a planned economy, goods were labor on the part of ordinary citizens and consumer goods necessary for the normal restoration of this labor force on the part of the state. On the basis of this exchange, the world of the cash ruble arose, where money performed a number of specific functions. However, in a planned economy, the means of production did not become commodities and did not enter the sphere of exchange. Thanks to this, the world of a non-cash ruble arose, where rubles acted only as counting, calculating money for the means of production. Further, the author shows how to solve such complex problems as «fictitious» buying and selling between state enterprises and the inconvertibility of the national currencies of socialist countries. Then the author explains the reasons why there was a clear boundary between the world of cash and the world of the non-cash ruble. The analysis refers primarily to the period of the 1970s – early 1980s.

The fifth part shows that the foundations of the human economy are based on the principles already laid down in the animal kingdom. Further, it is shown that the planned economy may well be regarded as a new type of capitalism, which, due to the absence of internal competition, is economically ineffective in comparison with developed capitalist countries.

ISBN 978-5-91327-692-6

© V.A. Petukhov , 2021

© Russian Academy of Natural History

© Publishing House «Academy of Natural History»

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	7
ЧАСТЬ 1. ТОВАРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ПЛАНОВОЙ ЭКОНОМИКЕ	14
1. Исходный пункт анализа товарно-денежных отношений в любой экономической системе.....	14
2. Что является товаром в плановой экономике?	16
ЧАСТЬ 2. МИР НАЛИЧНОГО РУБЛЯ	24
1. Простой вид обмена	24
2. Развернутый вид обмена.....	34
3. Функции наличного рубля в виде меры стоимости и средства обращения	40
4. Функция наличного рубля как средства накопления.....	43
5. Функция наличного рубля как средства платежа.....	46
6. Функция наличного рубля как мировых денег	49
ЧАСТЬ 3. МИР БЕЗНАЛИЧНОГО РУБЛЯ	53
1. Функции безналичного рубля в виде идеальных денег и средства обращения.....	53
2. Функция безналичного рубля как средства накопления	72
3. Функция безналичного рубля как средства платежа	72
4. Безналичный рубль в роли мировых денег	77
ЧАСТЬ 4. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МИРА НАЛИЧНОГО РУБЛЯ И МИРА БЕЗНАЛИЧНОГО РУБЛЯ.....	82
ЧАСТЬ 5. ОСОБЕННОСТЬ ПОЛУЧЕНИЯ ПРИБЫЛИ В ПЛАНОВОЙ ЭКОНОМИКЕ.....	86
1. О природе прибыли.....	86
2. Получение «прибыли» как результат взаимодействия различных «биологических» и «небиологических механизмов»	98
3. Важная особенность получения прибыли в плановой экономике	112
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	118
ПРИЛОЖЕНИЯ	121
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ	267

CONTENTS

INTRODUCTION	143
PART 1. COMMODITY RELATIONS IN THE PLANNED ECONOMY	149
1. The starting point of the analysis of market relations in any economic system	149
2. What is a commodity in a planned economy?	151
PART 2. WORLD CASH RUBLE	158
1. A simple type of exchange	158
2. The expanded type of exchange	167
3. Functions of the cash ruble in the form of a measure of value and means of circulation	172
4. The function of the cash ruble as a means of accumulation	175
5. The function of the cash ruble as a means of payment	178
6. The function of the cash ruble as world money	181
PART 3. WORLD OF A CASHLESS RUBLE	184
1. Functions of a cashless ruble in the form of ideal money and means of circulation	184
2. The function of cashless ruble as a means of accumulation	200
3. The function of cashless ruble as a means of payment	201
4. Cashless ruble in the role of world money	205
PART 4. INTERACTION OF THE WORLD OF CASH RUBLE AND THE WORLD OF A CASHLESS RUBLE	210
PART 5. THE PECULIARITY OF MAKING A PROFIT IN A PLANNED ECONOMY	214
1. About the nature of profit	214
2. Obtaining “profit” as a result of the interaction of various “biological” and “non-biological mechanisms”	224
3. An important feature of making a profit in a planned economy	237
REFERENCES	242
ANNEX	246
INFORMATION ABOUT THE AUTHOR	267

ПРЕДИСЛОВИЕ

В основе данной работы частично лежит монография «Экономика абсурдов или абсурд экономики?»¹, написанная в 1990 г. автором совместно с Глуховым Виталием Ивановичем. Прошло 30 лет, и автор считает необходимым с учетом накопленного опыта взглянуть другими глазами на поставленные проблемы (а также на ряд новых проблем, например, – на природу прибыли).

Для экономии времени читателя автор применяет свой прежний прием, а именно, – в данном предисловии на нескольких страницах будет показана суть данной работы. Читатель потратит всего несколько минут, а не будет вынужден читать всю работу. Заинтересовавшись он может читать дальше основной текст и соответствующие приложения. Итак, если взять все известные истории человечества типы экономических систем, то в плановой экономике существуют самые сложные товарно-денежные отношения, которые известны человечеству. Самые яркие примеры вышеуказанных отношений – существование двух денежных миров, в которых деньги выполняют разные функции, «фиктивная» купля-продажа между государственными предприятиями, неконвертируемость национальной валюты, четкая граница между двумя денежными мирами и т.д. Автор предлагает простой и изящный прием, который позволяет логически понять данные товарно-денежные отношения как стройную систему. Необходимо подчеркнуть, что анализ основан в основном на данных советской экономики периода 1970-х – начала 1980-х гг.

Сначала нужно определить, что является товаром в плановой экономике. Автор считает, что для этого необходимо одновременное существование двух условий:

- 1) разделение труда;
- 2) данное разделение труда должно существовать между независимыми собственниками.

¹ Петухов В.А. Глухов В.И. Экономика абсурдов или абсурд экономики? монография. – Свердловск: ИМЦ «Информ», 1990. – 62 с.

Автор приводит ряд примеров, иллюстрирующих это положение. Далее автор определяет кто является собственником чего, и между какими собственниками существует разделение труда.

Если взять четыре основных фактора производства, то государственному аппарату принадлежали земля, капитал и предпринимательская способность, а рядовому гражданину – его рабочая сила. Между ними по обоюдному интересу возникло разделение труда. Рядовой гражданин, не имея средств производства, охотно поработает на кого-то по трудовому соглашению для того чтобы обеспечить себя и свою семью жизненными средствами (едой, одеждой, жильем и т.д.). С другой стороны, государству нужно было обеспечить свои фабрики и заводы рабочей силой. Возникают товарные отношения, – рядовой гражданин на время продает государству свою рабочую силу, а государство в обмен дает ему жизненные средства. Рабочая сила и жизненные средства становятся товарами. Развитие данного обмена приводит к появлению наличного рубля, который начинает выполнять роль средства обращения в сфере обмена рабочей силы на жизненные средства (т.е. это средства, которые необходимы наемному работнику для нормального восстановления своей рабочей силы на данном этапе развития общества). Так возникает мир наличного рубля. Функционирование наличного рубля в качестве средства обращения приводит к тому, что начинают работать и остальные функции наличного рубля (средство накопления, средство платежа, мировые деньги).

Но рядом существует иной мир, где все средства производства производятся, функционируют и гибнут в рамках одного собственника – государства. Эти средства производства на рынок внутри страны не поступают. Для средств производства деньги работают только как счетные, калькуляционные деньги, но не работают в качестве средства обращения (т.е. на них нельзя купить средства производства). Это было отлично известно всем советским хозяйственникам, которые знали, – для обеспечения процесса производства главное – получить материальные фонды (оборудование, сырье, топливо и т.д.). В то же время безналичные рубли, не обеспеченные фондами, ничего не значили. (Вообще неработоспособность денег как средства обращения для средств производства вызвана тем, что между государственными предприятиями не возникают товарные отношения, т.к. одно из 2-х вышеуказанных условий возникновения товарных отношений отсутствует, – а именно, данные предприятия принадлежат одному

собственнику – государству. Довольно очевидно, что собственник не может торговать сам с собой.)

Функционирование безналичных рублей в качестве идеальных, счетных денег и одновременно их неработоспособность в качестве средства обращения породило проблему «фиктивной купли-продажи» между государственными предприятиями. Экономисты, видя передвижение средств производства между государственными предприятиями, при том что эти средства имели денежную оценку, утверждали, – это купля-продажа, это товарные отношения. Но далее они были вынуждены признать, что это только видимость купли-продажи, в действительности это планомерное распределение ресурсов внутри одного собственника – государства. Неработоспособность безналичного рубля как средства обращения для средств производства вызывает неработоспособность последующих функций – средства накопления, средства платежа, мировых денег. Накопление безналичных рублей практически не интересовало директоров советских предприятий, т.к. на них нельзя было приобрести средств производства (директоров и снабженцев гораздо больше интересовали различные дефицитные материальные фонды). Деньги не функционировали и как кредит, что явно видно по полному отсутствию банкротств государственных предприятий в плановой экономике. Национальная валюта всех социалистических государств была неконвертируемой. (Исключение составляла Югославия, т.к. благодаря наличию групповой собственности там существовал определенный рынок средств производства, благодаря чему югославский динар признавался развитыми странами частично конвертируемой валютой).

Данный авторский анализ дает ответ на практический вопрос – что нужно было сделать, чтобы советский рубль стал конвертируемым? Логическая цепочка будет выглядеть так, – чтобы функция мировых денег заработала нужно, чтобы заработала функция средства обращения для средств производства. А для этого нужно чтобы возникли товарные отношения между государственными предприятиями. Ранее автором были указаны 2 условия при одновременном существовании которых неизбежно возникают товарные отношения. Т.к. разделение труда между государственными предприятиями уже существовало, то осталось сделать их независимыми собственниками (групповая, частная собственность). Возникшие товарные отношения между бывшими госпредприятиями после приватизации привели

к тому, что рубль стал выступать в роли средства обращения для средств производства, а это привело к тому, что рубль начал выполнять в том числе функцию и мировых денег. Практика подтвердила это предположение. Национальные валюты всех бывших соцстран, которые разрушили монополию государства на средства производства, стали конвертируемыми (польский злотый, российский рубль, чешская крона и т.д.). В двух странах, где сохранилась монополия государства на средства производства (Куба и Северная Корея), национальная валюта является до сих пор неконвертируемой.

Граница между двумя денежными мирами – миром наличного рубля, где происходит обмен рабочей силы на жизненные средства, и миром безналичного рубля, где безналичный рубль выступает только как счетные, калькуляционные деньги для средств производства, разделена и строго контролируется государством. Наличные рубли не могут переходить в сферу средств производства и покупать их, а безналичные рубли на счетах госпредприятий не могут использоваться для приобретения жизненных средств. Существование данной границы необходимо для нормального функционирования данной экономической системы, а устранение этой границы ведет к развалу данной системы.

Существование двух денежных миров – уникальное явление в экономике человечества, и оно вызвано тем, что только в плановой экономике существует монополия государства на средства производства.

Далее автор исследует природу прибыли и выясняет, что всякое живое существо (включая и человека) занимается поиском пищи применяя очевидный принцип – минимум затрат при достижении максимального результата. А так как в основе деятельности коммерческой фирмы лежит удовлетворение потребностей человека, который является организатором данной фирмы, то данная организация использует тот же принцип, – минимум затрат и максимум дохода (выручки). Разница между доходами и расходами составляет прибыль фирмы. Тем самым становится очевидным единство принципов экономики в животном и человеческом мирах. (Примечание. Известный экономист Дуглас Норт отмечает, что западные социобиологи и экономисты предпринимают совместные усилия для изучения параллелей между основными способами эволюционного развития животных и аналогичными моделями поведения человека, а в результате этого многие западные экономисты пришли к выводу, что данный подход не только

заслуживает внимания, но и дает возможность сделать важные выводы о поведении человека).

Следовательно, у любого живого существа при добыче пищи возникает своеобразная «прибыль» (или «убыток»), равная разнице между результатом и затратами. Эти затраты и результаты можно выразить как затраты энергии (в калориях), либо как часы, необходимые для добычи пищи. Например, рысь затратила на добычу небольшой косули 10 часов и потратила при этом энергию равную 1000 килокалорий. Эта 1000 килокалорий будет восполнена 0,5 кг мяса (возьмем, что данное мясо косули содержит 2000 ккал на кг мяса), а остальное мясо (например, оставшиеся 10 кг чистого мяса) будет содержать 20000 ккал, что позволит рыси не охотиться (при прочих равных условиях) в течение остальных 20 суток. Тем самым «прибыль» рыси составит 10 кг мяса (т.е. 20000 ккал), или 20 свободных от охоты дней.

Далее автор сравнивает животных (а потом также и человека) с «биологическими механизмами», а иные неодушевленные вещи с «небиологическими механизмами» для того чтобы яснее показать, что влияет на величину «прибыли» в животном мире. Так летний сезон в умеренных широтах Северного полушария в целом (температура, количество влаги, тепла, травы, зелени, насекомых и т.д.) является «небиологическим механизмом», который заметно уменьшает затраты на добывание пищи и тем самым увеличивает «прибыль» в животном мире. Практически то же самое происходит и в человеческой экономике, – благоприятный климат, богатые почвы, достаточное количество осадков (т.е. тот же «небиологический механизм») дают фермеру дополнительную прибыль (дифференциальную ренту №1).

Другой интересный пример – бобровые плотины. Эти умные животные строят плотины, которые помимо остальных плюсов позволяют бобрам заметно снизить свои затраты (время и энергию) при транспортировке веток различных деревьев, которые служат для них кормом. Перемещение этого корма до жилища по воде значительно менее трудоемко чем перемещение его по суше на то же расстояние. При рациональной организации плотины затраты на ее строительство с лихвой окупаются выгодой от последующего сокращения затрат при транспортировке корма водным путем. В итоге семья бобров получает «прибыль» от функционирования подобного «небиологического механизма». То же самое верно и для фермера, который улучшает свою землю: строит мосты, плотины, дороги, хозяйственные постройки

ки, занимается мелиорацией земли и т.д. Построив мост, который функционирует с выгодой для фермера, фермер сначала окупает затраты на мост, а потом он начинает получать дополнительную прибыль, которую экономисты называют дифференциальная рента №2. И в этом случае (как и в животном мире) мост можно считать «небиологическим механизмом», приносящим его владельцу прибыль.

Прибыль в животном мире может приносить и взаимодействие друг с другом различных «биологических механизмов». Так, например, специалисты отмечают, что гусеницы серебристой бабочки живут в колониях остробрюхих муравьев, и они выступают в роли «дойных коров», т.к. муравьи кормят гусениц, а они в свою очередь выделяют определенный сок, которым питаются муравьи. Эта ситуация постоянно повторяется из поколения в поколение, что свидетельствует о том, что выгода от такого содержания этих «дойных коров» превышает затраты на их содержание. В человеческой экономике та же картина, – содержание коровы или лошади говорит о том, что данный «биологический механизм» дает рационально ведущему дело фермеру доход больше чем затраты на него (т.е. создает прибыль).

Однако самый большой интерес вызывает ситуация, когда животные применяют орудия труда, причем это впервые (по всей видимости) случилось еще до появления приматов, а тем более самого человека. Есть такая птица – дятловый выюрок, которая является почти единственной птицей, которая добывает пищу при помощи созданных ей самой орудий труда. Более того выюрок способен даже дополнительно обрабатывать свои орудия – укорачивать слишком длинные палочки и обламывать разветвления на палочках. С помощью палочки (или шипа) она добывает из-под коры деревьев личинок жуков, причем в зависимости от ситуации она действует палочкой то как рычагом, то как копьём. По своей сути эта палочка – «небиологический механизм», и возможно один из древнейших прародителей последующих «небиологических механизмов», созданных потом человеком в виде многочисленных ловушек, машин, механизмов, станков, роботов и т.д.

Вкратце остановимся на экономической целесообразности применения данной палочки (или шипа). Вполне очевидно, что палочка увеличивает количество добытых личинок – в противном случае палочка бы не применялась. Затраты на изготовление палочки для выюрка ниже дополнительного результата в виде дополнительных личинок. Например, затраты на изготовление палочки равны

10 минутам (или энергии, например, содержащейся в 1/50 личинки), а палочка может с перерывами работать несколько часов и добывать дополнительно двух личинок (т.е. получать энергию, содержащуюся в этих двух личинах). Налицо «прибыль» выюрка от рационального применения палочки (этого «небиологического механизма»). (Выражаясь марксистским языком можно сказать, что «меновая» стоимость данного «механизма» (т.е. 10 минут работы птицы) меньше чем его потребительная стоимость (т.е. несколько часов функционирования палочки)). В человеческом обществе наблюдается аналогичная картина, – предприниматель для получения прибыли использует такие «небиологические механизмы» (станки, механизмы, оборудование и т.д.), стоимость приобретения которых ниже стоимости, которую создает в процессе функционирования данный механизм. Здесь опять соблюдается вышеуказанный принцип – минимум затрат и максимум результата.

Итак, «прибыль» в животном мире и прибыль в мире людей создается различными «биологическими» и «небиологическими механизмами». (такой подход также позволяет легко и изящно решить сложный теоретический вопрос экономической теории – см. основной текст).

Далее автор переходит к анализу плановой экономики и отмечает, что здесь получение прибыли имеет важную особенность, – а именно, она целиком попадает в карман одного собственника (государства). Это происходит благодаря монополии государства на средства производства, что в свою очередь ведет к отсутствию конкуренции внутри страны.

Если определить капиталистическое производство как производство, которое обладает двумя важными признаками: 1) рабочая сила становится товаром; 2) производство ведется как расширенное воспроизводство, – то становится довольно очевидным, что плановая экономика (классическим примером которой является советская экономика) является новым типом капитализма. Здесь в роли монополиста-капиталиста выступает государство, а наемными работниками являются рядовые граждане страны.

Вышеуказанное отсутствие конкуренции внутри страны при капиталистическом способе производства напрямую вело к экономическому загниванию и отставанию от развитых капиталистических стран. А это в свою очередь привело к историческому проигрышу в экономическом соревновании.

ЧАСТЬ 1

ТОВАРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ПЛАНОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

1. Исходный пункт анализа товарно-денежных отношений в любой экономической системе

Товарно-денежные отношения в плановой экономике являются самыми сложными в истории человечества – существование двух денежных миров, в которых деньги выполняют разные функции, «фиктивная» купля-продажа между государственными предприятиями, неконвертируемость национальной валюты и т.д. В других экономических системах товарные отношения являются значительно более простыми. В натуральном хозяйстве (традиционной экономике) они отсутствуют (главный принцип данной экономики «сам произвел – сам потребил»). В рыночной экономике товарно-денежные отношения тоже весьма очевидны, – по существу происходит обмен товара на товар (принцип – «ты мне – я тебе»), и их суть и функции денег подробно изложены исторической школой происхождения денег. (Надо отметить, что многие западные экономисты вполне обоснованно считают самой важной из функций функцию обращения, ибо если она перестает работать, то не работают и последующие функции денег – средство платежа, средство накопления и мировые деньги. Это соображение хорошо поможет в дальнейшем анализе). Современная смешанная экономика в основе своей имеет рыночную экономику, и там тоже товарные отношения работают аналогично. В плановой же экономике все более запутано, – например, вы могли в магазине купить обувь, но самолет купить не могли.

Возникает закономерный вопрос, – зачем исследовать плановую экономику, которая уже является прошлым. Автор видит несколько причин:

- это является историей России и многих других стран;
- история дает российским экономистам уникальный шанс и делает вызов;
- накоплен огромный эмпирический материал, для обработки и исследования закономерности, сведения его в ясную систему.

Можно отметить, что для западных экономистов, не выросших «внутри» плановой экономики, многое является непонятным в отличие от тех, кто видел все это «вживую». Уникальность шанса и в том, что история человечества знает всего 4 типа экономических систем (традиционная экономика, рыночная экономика, плановая экономика, смешанная экономика), а советская экономика является классическим примером плановой экономики;

– данная тема является превосходным материалом в том числе для студентов-экономистов) для выработки экономической логики.

Для анализа вышеуказанных товарных отношений в плановой экономике автор предлагает простой способ, автор дает лишь одно исходное предложение и логически его развивает. Автор ставит вопрос – как определить, что является товаром в любой экономической системе? Ответ автора: **необходимо разделение труда между независимыми собственниками**. Независимыми в том смысле, что они не знают над собой никакой иной власти, кроме стихии добровольного обмена друг с другом. Нужно остановиться подробнее на этом предложении, т.к. потом это поможет легко решить ряд сложных вопросов. Автор утверждает, что только при существовании этих двух условий возникают товарные отношения (принцип рынка «ты мне – я тебе»). Если одно из условий отсутствует, то товарные отношения не возникают.

Автор предлагает рассмотреть это на примерах. Возьмите в одну руку ручку, а в другую тетрадь. Есть ли в этом случае разделение труда между вашими руками? Да есть, – одна рука держит ручку, а другая тетрадь. А теперь задайте вопрос – а могут ли эти две руки вступить в товарные отношения и начать торговать друг с другом? Нет не могут. Почему? Потому что они не являются независимыми собственниками, они принадлежат одному собственнику – вам. А собственник сам с собой торговать не может при всем желании (конечно, если собственник четко определен, и права собственности не являются размытыми, – как например, в отношении трестов в Советской России в период нэпа).

Другой пример. Посмотрите на свое тело, – есть ли в нем разделение труда между различными органами? Да есть, – сердце качает кровь, печень вырабатывает определенные ферменты. Может ли ваше сердце предложить вашей печени, – у меня много хорошей богатой кислородом крови, а у тебя много ферментов, – давай меняться. Нет не может, т.к. сердце и печень не являются независимыми собственниками, а принадлежат вам, а собственник сам с собой торговать не может.

Возьмем противоположный пример: независимые собственники есть, но между ними отсутствует разделение труда, например, – вы и ваш сосед по даче. Вы изредка видите друг друга через забор, вы независимые собственники, вы ведете свое независимое хозяйство, но между вами нет разделения труда, и значит в товарные отношения друг с другом вы не вступаете. Одно из условий возникновения товарных отношений также отсутствует.

Но продолжим пример с дачниками, – вы хороший специалист по выращиванию огурцов, и у вас этих огурцов народилось много и вы не знаете куда их девать. А ваш сосед по даче отличный специалист по яблокам, и у него та же картина, – не знает куда девать лишние яблоки. У вас возникает очень разумная мысль как превратить огромный минус в огромный плюс, – пока огурцы в хорошем состоянии не обменять ли их мне на яблоки соседа? У соседа возникает аналогичная мысль. Вы с ним встречаетесь у забора, оговариваете пропорции обмена, и вот здесь у забора возникает настоящий рынок, когда возникает разделение труда между независимыми собственниками. (Ряд дополнительных рассуждений по проблеме плана и рынка и исторических примеров по этому вопросу см. Приложение 1).

После всего вышеизложенного можно по достоинству оценить теоретическое положение Н. Шмелева: «Рынок и общественное разделение труда неразъемны»². Он сам опровергает свое утверждение в этой же статье, хотя и не замечает этого. Признавая, что рынка в СССР нет, а всякий советский человек знает, что в плановой экономике существует разделение труда, Шмелев показывает, что общественное разделение труда и рынок – разъемные вещи. Для Н. Шмелева разделение труда приводит только к купле-продаже, а если действительность не соответствует этому, то это объясняется тем, что рынок изгоняется палкой, что идеалисты ломают экономические законы и т.д.

2. Что является товаром в плановой экономике?

Исходя из положения, что товарные отношения неизбежно возникают при разделении труда между независимыми собственниками, необходимо при плановой экономике определить кто собственником чего является и между какими собственниками существует разделение труда. Возьмем четыре классических фактора производства – земля, капитал, предпринимательская способность, труд.

² Шмелев Н.П. Либо сила, либо рубль // Знамя. – 1989. – № 1.

Земля в Советском Союзе реально принадлежала государству (государственному аппарату), хотя формально на бумаге она являлась достоянием всего народа. (Статья 11. Конституции СССР. «Государственная собственность – общее достояние всего советского народа, основная форма социалистической собственности. В исключительной собственности государства находятся: земля ее недра, воды, леса»). Академик ВАСХНИЛ В.А. Тихонов так оценил ситуацию «Государство у нас выступает в качестве собственника всех решающих средств производства, включая природные ресурсы – землю, ее недра, воды, леса. В руках государства концентрируются финансовые ресурсы»³.

Теперь определим в чьей собственности находился капитал, т.е. фабрики, заводы и т.д.? Ответ тот же – в реальности в собственности государственного аппарата. Рядовой гражданин только номинально на бумаге был совладельцем данной собственности.

Следующий вопрос – кто был собственником предпринимательской способности в брежневском Советском Союзе? Государственный аппарат в лице Госплана, – он определял где строить заводы, какую выпускать продукция, какие устанавливать цены и т.д. Если же рядовой гражданин пытался проявить сам предпринимательскую способность, – что-то произвести или продать без разрешения государства, то ему грозила статья в Уголовном кодексе за частнопредпринимательскую деятельность. Это наиболее ярко в классическом виде проявлялось в Центральной России, но на Кавказе и в Прибалтике (а тем более в Польше) ситуация была во многом иная.

Академик Л.И. Абалкин сделал следующий вывод: «Хозяином собственности является тот, кто ею реально, а не формально распоряжается, кто принимает о ней решения, кто отправляет функцию хозяина этой собственности. И вывод напрашивается такой: собственник – административный аппарат»⁴. Академик ВАСХНИЛ В.А. Тихонов так определил ситуацию: «Ведомственные монополии срослись с государственным аппаратом, и мы имеем дело сейчас уже не с отдельными отраслевыми монополиями. У нас сложился строй государственно-монополистической экономики»⁵.

Б.Н. Ельцин писал: «Власть в стране принадлежит партийно-бюрократическому аппарату, в жертву которому нас издавна учили при-

³ Тихонов В.А. // Литературная газета. 3 августа 1988 г.

⁴ Абалкин Л.И. Стратегия обновления // Огонек. – 1989. – № 13.

⁵ Тихонов В.А. // Новый мир. – 1989. – № 5.

носить личное благополучие и достоинство»⁶. В газете «Советская Россия» отмечалось: «Подсчитано: хозяйства и предприятия огорожены своего рода забором из 13 тысяч различных инструкций, ограничений, запретов»⁷.

Автор ставит следующий вопрос – кто являлся собственником рабочей силы рядовых граждан? Обычно здесь существует два варианта ответа – она принадлежала государству или она принадлежала самим гражданам. Если бы она принадлежала государству, то Советский Союз был бы разновидностью рабовладельческого или феодального общества.

Автор предлагает вспомнить обычную картину из классической русской литературы. Выходит барин на крыльцо, а за ним управляющий. Внизу стоит толпа крепостных. Барин говорит – пятеро мужиков на покос, остальных конюшню чинить, девок на двор огурцы солить. Было ли такая ситуация в брежневском Советском Союзе? Нет, этого не было. Рядовые граждане сами решали где им работать. Захотел – завербовался и поехал работать на Север, где тракторист при прокладке газопроводов получал 1200 рублей в месяц при средней зарплате в средней полосе России 160р. Либо пошел работать на рыболовецкий сейнер на полгода. Рыбаки в Калининграде за полгода работы на сейнерах в Тихом океане привозили домой по 4000-5000 рублей.

Автор считает необходимым отметить, что реальность была богаче описанной сухой схемы. Так после окончания вуза было принудительное распределение на три года. Если вы работали на оборонную промышленность где-нибудь в «почтовом ящике», то возможность свободного передвижения и выбора места работы заметно снижалась.

Но в целом в брежневское время подавляющее большинство рядовых граждан было владельцами своей рабочей силы в рамках страны, – захотел поехал на заработки на Дальний Восток, на БАМ, на Север, захотел уехал по состоянию здоровья в благодатный Краснодарский край поближе к морю, захотел устроился в рыболовецкий флот в Калининграде.

Итак, в собственности государства в брежневское время были средства производства, земля, ее недра, леса и поля, а также предпринимательская способность. В собственности рядового гражданина его рабочая сила. Но такое распределение собственности возникло не потому что это кто-то решил.

⁶ Ельцин Б.Н. // За индустриальные кадры. – Свердловск: УПИ, 5 января 1989 г.

⁷ Советская Россия. 2 июля 1987 г.

Оно возникло в результате ожесточенной борьбы. Взглянем на историю. В конце гражданской войны в России в 1920г. встал вопрос, – как поднимать производство? Экономика была в состоянии разрухи, или как говорил Ленин – в состоянии избитого до полусмерти человека. Лев Троцкий предложил – армию не распускаем, а преобразуем ее в трудовые армии. Одна – в Шатуре торф копать, другая (в которой был Павка Корчагин) – под Киев лес валить, третья – на солончаках в Крыму соль добывать, четвертая – Волховстрой достраивать и т.д. Уклоняющихся от подобной повинности считать дезертирами трудового фронта с соответствующими тяжкими последствиями.

Иными словами, Советская власть попыталась превратить свободных граждан бывшей Российской империи в полурабов, полукрепостных. (Подробнее взгляды лидеров большевиков по этому вопросу см. Приложение №2).

Частично подобные трудовые армии пытались организовать в Петрограде зимой 1920-1921гг. Принудительный труд, нищенский паек, само качество работы вызывали глубокое возмущение у питерских рабочих, прекрасно помнивших предреволюционные времена с их товарным изобилием, весьма высоким уровнем жизни, и свободой выбора в том числе и места работы. Закономерно возникал вопрос – для чего делали революцию?

Люди стали возмущаться – Кронштадтское восстание, тамбовское восстание, десятки других восстаний. Зимой 1920-1921гг. в Москве проходило совещание работников металлургической отрасли. Рабочие прямо говорили лидерам большевиков, – мы требуем отмены продразверстки, отмены трудовых армий, свободы торговли, свободы печати и т.д. по списку. У лидеров большевиков хватило ума понять, – если они будут дальше упираться, то их сметут. Поэтому скрепя сердце они сказали, –продразверстка отменяется, трудовые армии отменяются, крестьяне могут свободно на рынке продавать излишки своего хлеба, частный капитал допускается, концессии иностранного капитала допускаются и т.д.

Иными словами, был достигнут определенный исторический компромисс, – в собственности у рядовых граждан их рабочая сила и их личное имущество, а в собственности государства основные средства производства. Такое положение потом возникло практически во всех социалистических странах. Человека никто не мог заставить все время, всю жизнь работать на одном предприятии. Он имел общепри-

знанное право (и оно было закреплено в Трудовом кодексе) поставить в известность начальство в двухнедельный срок о том, что он увольняется и по окончании этого срока уйти с работы. (Примечание. Здесь не могу удержаться от того, чтобы не привести прекрасную картину 20-х годов, описанную Ильфом и Петровым в «Золотом теленке», где инженер Талмудовский энергично объясняет свой уход с работы. И свое право на смену работы – см. Приложение №3. Ряд официальных документов и высказываний по вопросу перелива рабочей силы см. Приложение №4).

Даже в довоенных 1939-1941 гг., когда в СССР проходила резкая милитаризация экономики и людей закрепляли за их местом работы, можно найти многочисленные приказы и постановления о «летунах», когда люди находили много способов сменить место работы. То есть масса рядовых граждан и тогда полагала, что они сами являются собственниками своей рабочей силы и поэтому могут работать там, где считают нужным. Можно также отметить, что в брежневское время такое ограничение в передвижении рабочей силы как прописка в ряде крупных городов не была особым препятствием для знающих людей.

Итак, автор полагает, что собственники в брежневском Советском Союзе определены. Но для возникновения товарных отношений необходимо еще найти разделение труда между независимыми собственниками. (тут необходимо напомнить, что для появления товарных отношений необходимо разделение труда между независимыми собственниками).

Теперь можно представить себя в роли независимого гражданина, который сам выбирает место работы, но сам себя прокормить не может, т.к. у него нет необходимых для этого средств производства. Его первоочередная задача, – накормить, обуть и одеть себя и свою семью, обеспечить крышу над головой. Поэтому он с охотой поработал бы временно на кого-то по трудовому соглашению для того чтобы получить взамен жизненные средства (еду, обувь, одежду, жилье и т.д.). Государство находится в похожей ситуации, – есть фабрики и заводы, но без живой рабочей силы они не могут функционировать. Поэтому вполне логично предположить, что оно бы охотно предоставило часть своих материальных ресурсов для приобретения людских ресурсов.

Возникает взаимный интерес – независимый гражданин готов поработать за определенную плату, а государство готово ему эту плату предоставить взамен на его рабочую силу. Начинает работать принцип

«ты мне – я тебе», или, иначе говоря, возникает рынок, возникают товарные отношения, которые являются результатом разделения труда между независимыми собственниками.

Итак, товарами в плановой экономике становятся рабочая сила со стороны независимых граждан и жизненные средства (т.е. предметы потребления, – еда, одежда, жилье и т.д. – все что необходимо для нормального воспроизводства рабочей силы на данном этапе развития общества) со стороны государства.

В целом государство выступает по отношению к остальной части общества как собственник и распорядитель подавляющей части богатства нации. В собственности же остальной части общества находится не что иное, как собственность на свою способность к труду, на свою рабочую силу, которую оно вынуждено продавать государству, чтобы иметь средства к существованию.

Итак, налицо следующая ситуация: с одной стороны, многомиллионные массы рядовых граждан, не владеющих ничем, кроме своей способности к труду и поэтому вынужденных, для поддержания своего существования продавать ее в обмен на жизненные средства, принадлежащие государству; с другой стороны, государство, как монопольный собственник средств производства, стремящееся получить рабочую силу в обмен на жизненные средства для сохранения процесса производства. Данный способ соединения непосредственного производителя со средствами производства определяет в главных чертах характер всего общества.

При существующих отношениях купля-продажа возникает между непосредственными производителями, как независимыми собственниками своей рабочей силы, и государством, как собственником средств производства. Материальные ресурсы, не вступающие в обмен на рабочую силу и потребляемые внутри государства, распределяются планомерно. Данные материальные ресурсы в обмен не вступают и поэтому товарами не становятся (это подробно будет рассмотрено при дальнейшем анализе).

Итак, авторский под ход привел на «порог» первого денежного мира – мира наличного рубля. Вкратце сначала автор хочет описать сущность данного мира, а потом перейти к более подробному изложению.

Первоначально во время гражданской войны в России обмен рабочей силы на предметы потребления (жизненные средства необходимые для воспроизводства человека) происходил непосредственно

в виде пайков. Их количество составляло около 30. Причем если человек работал, например, на добыче торфа в Шатуре, то ему нужен был более усиленный паек, т.к. затраты физических сил были большими, а если он сидел в каком-то советском учреждении в Москве, то он был согласен на более скромный паек. В целом система была следующей – если трудишься много физически, то получаешь более весомый паек, а работаешь физически поменьше, то и паек получишь поменьше.

Иная ситуация возникала, если человек был членом государственной системы (заведующим, директором, начальником главка, наркомом и т.д.). Здесь он получал в зависимости от того какую ступеньку он занимал в государственной иерархии, – чем выше, тем на большие жизненные блага он мог рассчитывать. Наиболее полно и ярко данная система сложилась потом при Сталине. В своих мемуарах Лев Троцкий писал, что самым первым ощущением, которое у него возникало, когда говорили о русской революции 1917–1920 гг., был вкус кетовой икры (кета – красная рыба, икру которой до революции экспортировали в Европу, а потом во время революции стало не до экспорта). Это можно констатировать как исторический факт – когда население во время гражданской войны голодало, чиновники советского государственного аппарата могли не беспокоиться по поводу таких житейских мелочей как еда и прочее.

Однако автор считает нужным вернуться к взаимоотношениям государства и рядового гражданина. После окончания гражданской войны стало очевидно, что для нормального воспроизводства рядового гражданина и его семьи пайка (и даже ряда пайков) явно недостаточно. Одной семье нужны тетрадки для ребенка в школе, другой – тетрадки не нужны, но нужны ботинки, третьей – нужна скрипка для девочки, четвертой – нужны определенные лекарства и т.д. Количество данных нужных вещей очень велико и намного превосходит то ограниченное количество жизненных средств, которое есть даже в хорошем пайке.

Это большое количество данных вещей, которые вступают в обмен и становятся товарами, приводит к тому, что возникает необходимость во всеобщем эквиваленте – деньгах. Или как писал Адам Смит – где появляется много товаров, там в конце концов возникает и шелест денег. Так появился наличный советский рубль. (Примечание. Рубль существовал и во время гражданской войны в виде так называемых совзнаков, но т.к. тогда господствовало стремление к уничтожению де-

нежных отношений и к прямому распределению в виде пайков, то рубль занимал незначительную позицию в то время).

С переходом к нэпу зарплата в основном стала выдаваться в денежной форме, а не в виде пайков, т.е. наличный денежный рубль стал работать в качестве средства обращения на рынке обмена рабочей силы на жизненные средства. Но тут важно подчеркнуть, что он не работал в качестве средства обращения для средств производства. (Здесь литература хороший помощник – достаточно вспомнить Остапа Бендера, который, получив миллион наличных рублей от Корейко, мог свободно платить за себя и Шуру Балаганова в ресторане, но когда он захотел купить самолет, то летчики от него просто отмахнулись, – настолько нелепым было данное предложение в советской стране).

Как было сказано раньше многие западные экономисты считают, что функция денег как средства обращения является главной, так как если она не работает, то не работают и последующие функции (средство накопления, средство платежа, мировые деньги). Это полностью соответствует экономической логике. Отсюда можно сделать следующий вывод, – если наличный советский рубль выполнял функцию средства обращения, то и остальные функции наличного рубля должны были работать. Так возникает мир наличного рубля с соответствующими функциями. Перейдем к более подробному его рассмотрению.

ЧАСТЬ 2

МИР НАЛИЧНОГО РУБЛЯ

1. Простой вид обмена

Для простоты анализа предположим, что производится один продукт – допустим, хлеб. И этот хлеб, созданный непосредственными производителями на государственных средствах производства, отчуждается государством на правах собственника. В данном примере, как и в реальной действительности, мы видим, что у непосредственных производителей, создавших определенные потребительные стоимости, государство отчуждает за определенную плату данные стоимости, в нашем примере – хлеб, и противопоставляет их самим производителям.

Итак, на одной стороне – непосредственные производители, которые отработали определенное время для производства хлеба, а на другой – государство, являющееся собственником этого хлеба. Если придать данным отношениям между двумя независимыми собственниками овеществленное выражение, то это будет выглядеть так: с одной стороны – А часов комбайнера, В часов тракториста, С часов бухгалтера и т.д. (предположим, что каждый работает по 8 часов), с другой стороны – хлеб, как однородная потребительная стоимость, принадлежащая государству.

Эти две противостоящие стороны, тем не менее заинтересованы друг в друге и представляют собой одно целое, которое не может существовать без обмена жизненных средств на рабочую силу со стороны государства и рабочей силы на жизненные средства со стороны непосредственного производителя. В этом обмене постоянно в наличии два главных элемента: жизненные средства, которые представляют собой потребительные стоимости, необходимые для поддержания существования рабочей силы, и рабочая сила, как способность к труду.

Жизненные средства (в нашем примере хлеб) имеют двойственный характер и выступают как единство потребительной стоимости и стоимости. (Здесь автор хочет заметить, что в данном случае при анализе стоимости вполне подходит распространенный в России марксистский анализ, но по другим вопросам, – особенно по вопросу о природе прибыли, у автора совершенно иные, отличные от марксистских, взгляды).

Этот двойственный характер хлеба порождается двойственностью создавшего его труда. Труд как конкретный труд производит потребительную стоимость хлеба. Тот же труд, как затраты труда вообще, есть абстрактно-всеобщий, простой, средний труд, который создает стоимость хлеба. Это труд, «который в состоянии выполнять каждый средний индивидуум данного общества, это – определенная производительная затрата человеческих мышц, мозга и т.д.»⁸. Они оба являются лишь двумя моментами, двумя сторонами одного и того же трудового процесса. Один и тот же труд имеет двойственный характер – по форме он является конкретным, по содержанию есть физиологические затраты человеческого организма. Труд шахтера, как конкретный труд, отличается от труда токаря, но по сути их труд есть лишь расходование физических сил своего организма. Так и в хлебе конкретность труда проявляется в том, что произведен именно хлеб, именно эта потребительная стоимость, удовлетворяющая определенную потребность. В отличие от конкретного труда, создавшего осязаемую потребительную стоимость, простой труд, затраченный на производство хлеба, пока невозможно воспринять ни одним из органов чувств. Мы знаем пока лишь, что для производства хлеба необходимы затраты человеческого труда в физиологическом смысле, т.е. затраты человеческих мышц, нервов, мозга и т.д. В то же время затраты на производство хлеба, как и любой потребительной стоимости, вступающей в обмен, не являются произвольными, а определяются общественно-необходимым рабочим временем, которое есть «то рабочее время, которое потребуется для изготовления какой-либо потребительной стоимости при наличных общественно-нормальных условиях производства и при среднем в данном обществе уровне умелости и интенсивности труда»⁹.

Исходя из того, что хлеб вступает в обмен, можно было сразу заявить, что он является товаром, т.е. единством потребительной и меновой стоимости. Но в процессе обмена еще необходимо выяснить, как стоимость приобретает форму меновой стоимости, как жизненные средства и рабочая сила становятся товарами.

То положение, что непосредственный производитель отчужден от средств производства и не распоряжается продуктами своего труда,

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. 2-е изд. Т. 13. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1959. – С. 17.

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. 2-е изд. Т. 23. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1960. – С. 47.

и создает предпосылку рассматривать его как рабочую силу. Рабочая сила также является единством потребительной стоимости и стоимости. Стоимость рабочей силы есть не что иное, как «стоимость жизненных средств, необходимых для поддержания жизни его владельца»¹⁰. Ранее автор уже говорил о жизненных средствах, которые представляют собой ни что иное как предметы потребления, т.е. еда, одежда, жилье и т.д. – все что необходимо для нормального воспроизводства рабочей силы на данном этапе развития общества.

(Примечание. Для простоты анализа автор не будет в дальнейшем рассматривать те жизненные средства, которые финансировались из общественных фондов (образование, медицина)).

Потребительная же стоимость рабочей силы есть «совокупность физических и духовных способностей, которыми обладает организм, живая личность человека, и которые пускаются им в ход всякий раз, когда он производит какие-либо потребительные стоимости»¹¹. Не владеющий ничем, кроме своей рабочей силы, непосредственный производитель вынужден продавать ее, чтобы в обмен приобрести хлеб. Непосредственного производителя, как покупателя, в хлебе интересует его потребительная стоимость, а не стоимость. А своя рабочая сила, как продавца, интересует его с точки зрения стоимости, а не потребительной стоимости. И наоборот: государство, как покупателя, в рабочей силе интересует ее потребительная стоимость, а в хлебе государство, как продавца, интересует его стоимость.

Вернемся к нашему примеру с хлебом. Для наглядности предположим, что на производство 160 кг хлеба было затрачено 160 часов конкретного труда (8 часов тракториста, 8 часов водителя и т.д. – всего 160 часов). И часть этого хлеба, достаточного для воспроизводства рабочей силы (допустим, 80 кг), направляется государством на оплату рабочей силы. Один получает больше хлеба, другой меньше. Внешне и для государства, и для производителей это выглядит так:

оплата 8 ч тракториста = 8 кг хлеба

оплата 8 ч бухгалтера = 2 кг хлеба

оплата 8 ч техника = 2 кг хлеба

(и т.д.)

оплата 8 ч водителя = 4 кг хлеба

Всего 160 часов труда оплачены 80 кг хлеба.

¹⁰ Там же. С. 181.

¹¹ Там же. С. 178.

Но фактически:

4 ч тракториста = 8 кг хлеба

4 ч бухгалтера = 2 кг хлеба

4 ч техника = 2 кг хлеба

(и т.д.)

4 ч водителя = 4 кг хлеба

Всего на производство 80 кг хлеба затрачено 80 ч труда.

Здесь государство обменивает на 80 кг хлеба 160 часов труда производителей, которые произвели за это время 160 кг хлеба. Производители получили только часть произведенного ими продукта, не весь продукт. Государство, покупая рабочую силу, использует ее дольше, чем это необходимо для ее воспроизводства: Все дело заключается в том, что государство, как и всякий покупатель, не оплачивает потребительную стоимость товара, т.е. потребительную стоимость рабочей силы, а оплачивает лишь стоимость товара, т.е. стоимость рабочей силы. Оплатив стоимость рабочей силы, государство теперь как собственник потребляет ее по своему усмотрению. Стоимость, создаваемая потреблением рабочей силы, больше чем стоимость этой же рабочей силы. Производителю оплачивается только стоимость его рабочей силы в виде стоимости жизненных средств, созданных за 4 часа его труда, но не потребительная стоимость его способностей к труду, не стоимость, создаваемая в процессе потребления его рабочей силы, т.е. не стоимость жизненных средств, созданных за 8 часов его труда.

Автор считает важным подчеркнуть свой взгляд на данную ситуацию. Государство как собственник и организатор процесса производства так старается рационально организовать этот процесс, чтобы результат (т.е. количество хлеба) был больше чем затраты (т.е. хлеб, уплачиваемый наемным работникам). Поэтому прибыль (в данном примере как прибавочная стоимость, равная разнице между потребительной стоимостью и меновой стоимостью рабочей силы) принадлежит организатору производства – государству. Можно прибыль рассматривать (это всегда делается на практике) как «остаточный доход», т.е. разницу между доходами и затратами. В современной бухгалтерии в коммерческой фирме прибыль от основной деятельности за месяц оценивается на 90-м счете как сальдированный результат кредита и дебета данного счета.

Государство вполне может оценивать наемных работников как некие «биологические механизмы», которые выполняют определенную

полезную работу и создают нужный результат, но при этом требуют затрат для своего нормального воспроизводства. Если эти затраты меньше чем полученный доход, то возникает прибыль, и этот процесс производства можно продолжать и дальше. Тот же самый подход применим и по отношению к станкам, механизмам, рабочему скоту и т.д.

Станки, разного рода механизмы, рабочий скот также работают и создают полезный результат, но и они требуют затрат для своего нормального воспроизводства, – топлива, масла, регулировки, технического обслуживания (сезонное обслуживание, ТО-1, ТО-2), сена, ухода, хорошей воды, крыши над головой и т.д. Поэтому автор считает, что в плане создания прибыли принципиальных различий между наемными работниками, механизмами, рабочим скотом и другими разного рода «биологическими и небиологическими механизмами» нет. Подробнее взгляды автора на данный важный вопрос изложены в его монографии «Анализ стоимости и исследование экономической цикличности»¹².

Однако вернемся к процессу простого обмена хлеба на рабочую силу. Действительное выражение стоимости рабочей силы (4 ч тракториста = 8 кг хлеба) внешне проявляется как оплата потребительной стоимости рабочей силы (оплата 8 ч тракториста = 8 кг хлеба). Между государством и производителем происходит обмен разными стоимостями: государство оплачивает стоимость рабочей силы, производитель оплачивает стоимость хлеба. Непосредственный производитель продал свою способность к труду на определенное время, и к ее целенаправленному потреблению он уже не имеет отношения как независимая личность. При продаже своей рабочей силы рядовому гражданину необходимо получить ее стоимость в виде жизненных средств, потребление которых позволит ему восстановить до прежнего, нормального уровня свою способность к труду. И чем больше затраты рабочей силы, тем больше нужно потребить жизненных средств, а значит, тем выше и стоимость рабочей силы.

В процессе обмена между отдельными производителями и государством происходит приравнивание рабочей силы индивидуумов к хлебу – этой однородной потребительной стоимости:

4 ч тракториста = 8 кг хлеба
.....
4 ч водителя = 4 кг хлеба

¹² Петухов В.А. Анализ стоимости и исследование экономической цикличности: монография. – М.: Креативная экономика, 2019. – 192 с.

Если раньше говорилось, что простой труд, создающий стоимость, невозможно воспринять никаким из органов чувств, то теперь после обмена стоимость различных рабочих сил, приравненных к однородной потребительной стоимости – хлебу, получает свое вещественное, осязаемое выражение. Противоположность между конкретным трудом и абстрактно-всеобщим трудом, ранее скрытая от нас, теперь становится явственной. Потребительная стоимость хлеба становится эквивалентом, выражающим свою противоположность – стоимость, а именно, стоимость рабочей силы. Хлеб как потребительная стоимость становится овеществлением, материализацией стоимости. Таким образом, стоимость – приобретает эквивалентную форму стоимости – этого зародыша меновой формы стоимости.

Товар рабочая сила – как единство потребительной стоимости и стоимости, в процессе обмена удваивает свое существование. Стоимость рабочей силы выражается в потребительной стоимости хлеба. Стоимость, или абстрактно-всеобщий труд, предстает как особая вещь. Но так как потребительная стоимость есть продукт конкретного труда, то здесь конкретный труд становится выражением своей противоположности – абстрактно-всеобщего труда. Причем конкретный труд индивидуума, создавшего потребительную стоимость хлеба, служит выражением абстрактно-всеобщего труда того же самого индивидуума. Стоимости рабочих сил, выражаясь теперь как вещные, качественно однородные части хлеба, в то же время становятся и количественно сравнимыми величинами. Так, если 8 кг хлеба в 2 раза больше, чем 4 кг хлеба, то значит и стоимость рабочей силы тракториста в 2 раза больше стоимости рабочей силы водителя.

Здесь стоимость рабочей силы в результате обмена проявляется уже как нечто весьма осязаемое – хлеб и тем самым принимает эквивалентную форму – начальную форму меновой стоимости. Всегда, когда люди производили потребительные стоимости, они производили и стоимости, но только при купле-продаже стоимость принимает форму меновой стоимости, т.е. выражается через потребительную стоимость, которая противостоит ей в обмене, и получает свое вещественное, натуральное выражение.

Если до сих пор упор делался на форму стоимости, то теперь рассмотрим величину стоимости. Величина стоимости не зависит от формы выражения. Вес человека и Земли можно выразить по-разному (в кг, тоннах, граммах и т.д.), но, тем не менее, отношение их

масс остается величиной постоянной. Количественные пропорции (4 ч тракториста = 8 кг хлеба) зависят именно от величины простого труда, от величины стоимости. 8 кг хлеба содержат столько же простого труда, сколько содержится в 4 ч работы тракториста, или сколько необходимо для восстановления рабочей силы тракториста после 8 ч работы. Величина стоимости при обмене остается неизменной, хотя стоимость и приобретает специфическую форму выражения – форму меновой стоимости.

Количественные пропорции, зависящие от величины стоимости, остаются теми же, меняется лишь выражение; а именно, оно теперь проявляется в форме меновой стоимости. Так величина простого труда, необходимого для воспроизводства рабочей силы тракториста, остается той же, так же как и величина простого труда, необходимого для воспроизводства рабочей силы водителя; и их соотношение равно 2:1, но после обмена то же соотношение принимает иную форму выражения – 8 кг хлеба:4 кг хлеба, а именно, форму меновой стоимости. Пропорция осталась той же, только выражена иначе. Здесь надо ясно представлять себе, что такое сравнение стоимостей рабочих сил через эквивалент – хлеб идет лишь косвенно, а не прямо, так как производитель покупает хлеб не для того, чтобы его продать и купить рабочую силу. Рабочая сила не противостоит в обмене рабочей силе. Купля-продажа идет не между самими рядовыми гражданами (которые не владеют ничем, кроме своей рабочей силы), а между рядовыми гражданами и государством. Каждый рядовой гражданин имеет перед собой лишь одного покупателя – государство.

Может возникнуть закономерный вопрос – а если государство неверно определит интенсивность труда, например, тракториста, и приравняет 4 часа его труда к 4 кг хлеба. В этом случае начнется отток людей в другие профессии, и для поддержания процесса производства государство вынуждено будет увеличить оплату тракториста (в нашем упрощенном случае увеличить количество хлеба). Конечно, здесь не принимаются во внимание другие экономические стимулы: возможность получения жилья, снабжение, поездки за границу и т.д.; а также административные меры, препятствующие свободной смене производителями своей работы: прописка, закрытые районы и т.д. В этом случае рассматривается распределение хлеба как единственное средство государства для оплаты рабочей силы.

Переоценка интенсивности живого труда идет постоянно, вслед за переливом людей в другие профессии и зависит также от измене-

ния необходимости этой профессии для процесса производства. Вот что говорит по этому поводу Н. Петраков, член-корреспондент АН СССР: «...ситуация – бегут рабочие с шахт, считают, что заработок не компенсирует тяжести труда... Бегут люди? Давайте резко поднимем зарплату. Стал человек получать мешок денег и решил, что за это стоит, пожалуй, вкалывать, прекратился отток рабочей силы. Цель достигнута»¹³. Именно благодаря этим переливам непосредственных производителей оплата рабочей силы производится в целом в соответствии с действительной интенсивностью (сложностью) их труда, а не зависит от воли государства.

Рассмотрим подробнее каким образом происходит изменение пропорций в стоимостных равенствах в зависимости от величины стоимости товаров:

1) Интенсивность труда остается той же, стоимость 1 кг хлеба изменяется. Допустим, что количество производимого хлеба увеличилось в 2 раза, а т.к. затраты труда прежние, то и стоимость 1 кг хлеба стала в 2 раза меньше. Учитываем, что государством для воспроизводства рабочей силы в обмен бросается половина всего хлеба (160 кг).

Если раньше мы имели:

4 ч тракториста = 8 кг хлеба

4 ч бухгалтера = 2 кг хлеба

.....

4 ч водителя = 4 кг хлеба

то теперь это будет выглядеть так:

4 ч тракториста = 16 кг хлеба

4 ч бухгалтера = 4 кг хлеба

.....

4 ч водителя = 8 кг хлеба

Государство эмпирическим путем проб и ошибок вынуждено прийти к таким соотношениям, ибо при других пропорциях начнется отток людей. Если же для воспроизводства рабочей силы государству будет достаточно бросить в обмен 80 кг хлеба как и прежде (т.е. 1/4 часть произведенного продукта), то будем иметь:

2 ч тракториста = 8 кг хлеба

2 ч бухгалтера = 2 кг хлеба

(и т.д.)

2 ч водителя = 4 кг хлеба

¹³ Петраков Н. // Изобретатель и рационализатор. – 1989. – № 4.

Очевидно, что стоимость рабочей силы воспроизведена за 2 ч работы, а не за 4 ч как прежде. Значит, теперь уже продукт 6 ч (240 кг), а не 4 ч труда останется в собственности государства после оплаты рабочей силы.

2) Интенсивность труда изменяется в равной мере у всех производителей, стоимость 1 кг хлеба та же. Например, интенсивность труда у всех выросла в 2 раза и количество произведенного хлеба тоже в 2 раза, т.е. стоимость 1 кг хлеба осталась той же. На оплату рабочей силы государством бросается половина всего произведенного хлеба (160 кг). Соотношения будут следующими:

4 ч тракториста = 16 кг хлеба

4 ч бухгалтера = 4 кг хлеба

(и т.д.)

4 ч водителя = 8 кг хлеба

Каждый час труда непосредственного производителя теперь содержит в 2 раза больше простого труда и по стоимости равен вдвое большему количеству хлеба, килограмм которого содержит прежнее количество стоимости.

3) Интенсивность труда и стоимость 1 кг хлеба меняются одновременно. Этот случай будет просто применением случаев 1 и 2.

А теперь исследуем стоимостные соотношения при изменении интенсивности труда не всех производителей, а одного. Предположим, что интенсивность труда водителя выросла в 2 раза, при прежней интенсивности труда у всех остальных. Количество производимого хлеба то же, и половина его (80 кг) направляется государством для обмена на рабочую силу. Примем также, что в производстве по прежнему участвовало 20 человек, и каждый работал по 8 часов (8 ч x 20 = 160 ч). Оплата 17 производителей, кроме тракториста (8 кг), бухгалтера и техника (по 2 кг) – по 4 кг хлеба каждому.

Очевидно, что стоимость, заключающаяся в 1 кг хлеба увеличится, за счет возрастания интенсивности труда одного водителя. Так как стоимость, создаваемая им за 4 часа труда прежней интенсивности, составляла 1/20 от стоимости 80 кг хлеба, то теперь 4 ч его труда создают в 2 раза большую стоимость, а поэтому стоимость 80 кг хлеба увеличилась на 1/20. Каждый кг хлеба теперь содержит стоимости на 1/20 больше, чем до изменения интенсивности труда этого водителя. Для тех производителей, интенсивность труда, которых прежняя,

стоимостные пропорции становятся иными, так как изменилась стоимость 1 кг хлеба. (Случай 1)

Соотношения были:

4 ч тракториста = 8 кг хлеба

4 ч бухгалтера = 2 кг хлеба

4 ч техника = 2 кг хлеба

4 ч комбайнера = 4 кг хлеба

(и т.д.)

Соотношения стали:

4 ч тракториста = $7 \frac{13}{21}$ кг хлеба

4 ч бухгалтера = $1 \frac{19}{21}$ кг хлеба

4 ч техника = $1 \frac{19}{21}$ кг хлеба

4 ч комбайнера = $3 \frac{17}{21}$ кг хлеба

Для нашего водителя возрастает как стоимость, создаваемая за 4 ч работы (левая часть стоимостного соотношения), так и стоимость кг хлеба (правая часть соотношения). Это случай 3.

Теперь: 4 ч нашего водителя = $7 \frac{13}{21}$ кг хлеба.

И в целом, после этого изменения интенсивности труда одного водителя, соотношения будут выглядеть так:

4 ч тракториста = $7 \frac{13}{21}$ кг хлеба

4 ч нашего водителя = $7 \frac{13}{21}$ кг хлеба

4 ч бухгалтера = $1 \frac{19}{21}$ кг хлеба

4 ч техника = $1 \frac{19}{21}$ кг хлеба

4 ч любого из остальных 16 производителей = $3 \frac{17}{21}$ кг хлеба.

Государство, стремясь избежать перелива рабочей силы, для того чтобы не остановилось производство, вынуждено эмпирическим путем приходить именно к этим стоимостным пропорциям, конечно, при неизменности других факторов. То есть мы видим, что эти пропорции устанавливаются не произвольно, а в зависимости от величины стоимости, содержащейся в товарах. Во сколько раз возрастает (уменьшается) стоимость рабочей силы (левая часть соотношения), во столько же раз возрастает (уменьшается) стоимость обмениваемого на нее хлеба (правая часть соотношения). И наоборот.

Значит, эти две разные величины стоимости, противостоящие в обмене, находятся в прямо пропорциональной зависимости, что внешне

проявляется следующим образом – во сколько раз интенсивность труда данного производителя больше (меньше) интенсивности труда других производителей, во столько же раз он получает больше (меньше) хлеба по сравнению с этими же производителями. Так, стоимость рабочей силы (затраты рабочей силы) нашего водителя выросла в 2 раза, и стоимость хлеба, получаемого им в обмен, выросла соответственно в 2 раза. А внешне это проявляется так, что затраты рабочей силы водителя выросли в 2 раза по сравнению с затратами комбайнера, и, соответственно, в 2 раза выросло количество получаемого им хлеба (7 13/21 кг) по сравнению с хлебом, получаемым комбайнером (3 17/21 кг).

Если же взглянуть на эту зависимость, припомнив, что хлеб является вещественным выражением стоимости рабочей силы, то и здесь ясно видно, что во сколько раз больше затраты рабочей силы (стоимость рабочей силы) какого-либо производителя по сравнению с другими производителями, во столько же раз больше хлеба он получает по сравнению с ними.

С одной стороны, 7 13/21 кг хлеба получаемые водителем, вдвое больше, чем 3 17/21 кг хлеба, получаемые комбайнером. С другой стороны, 7 13/21 кг хлеба, являясь эквивалентом стоимости рабочей силы водителя, показывают, что эта стоимость в 2 раза больше, чем стоимость рабочей силы комбайнера, которая в свою очередь выражена эквивалентом 3 17/21 кг хлеба. Но надо заметить, что с изменением интенсивности труда оплата меняется не сразу. Только спустя некоторое время после изменения интенсивности труда начинается отток людей, а значит, начинает меняться и оплата. Поэтому можно сказать, что стоимость рабочей силы оплачивается в вышеуказанной зависимости не в каждый данный момент работы определенного производства, а лишь в течении значительного срока, лишь в среднем.

2. Развернутый вид обмена

В действительности же государство в обмен на рабочую силу направляет все разнообразие жизненных средств, необходимых для ее нормального воспроизводства. Этот обмен между государством и наемными работниками можно представить как два противостоящих ряда, где в одном ряду находятся различные рабочие силы, а в другом все разнообразие потребительских стоимостей. Здесь обмен происходит между рядами и не существует внутри ряда. Все это можно выразить двумя уравнениями:

Первое уравнение:

$$\left. \begin{array}{l} 8 \text{ кг хлеба} = \\ 1 \text{ кг сахара} = \\ \dots\dots\dots = \\ 1 \text{ сорочка} = \\ X \text{ товара} = \end{array} \right\} \begin{array}{l} 4 \text{ ч тракториста} = \\ = \text{оплате } 8 \text{ ч работы} \\ \text{тракториста} \end{array}$$

Как видим, в роли эквивалента стоимости жизненных средств выступает потребительная стоимость рабочей силы, противостоящая им в обмене, но не вся, а только та часть потребительной стоимости, которая создает стоимость, равную стоимости жизненных средств, идущих на куплю рабочей силы. Через эквивалент, которым является определенная рабочая сила, получает самостоятельное выражение стоимость хлеба, сахара и т.д. Внешне это выражается как оплата рабочей силы. Эквивалент дает возможность сравнивать по стоимости различные жизненные средства (хлеб, сахар и т.д.). Этот эквивалент создает лишь форму стоимости, а не величину стоимости. Величина стоимости не меняется, меняется ее форма проявления. Это становится еще более очевидным, если взять несколько систем уравнений:

$$\left. \begin{array}{l} 8 \text{ кг хлеба} = \\ 1 \text{ кг сахара} = \\ \dots\dots\dots = \\ 1 \text{ сорочка} = \end{array} \right\} 4 \text{ ч тракториста}$$

$$\left. \begin{array}{l} 4 \text{ кг хлеба} = \\ 0,5 \text{ кг сахара} = \\ \dots\dots\dots = \\ 1/2 \text{ сорочки} = \end{array} \right\} 4 \text{ ч комбайнера}$$

Несмотря на то, что происходит смена эквивалента, количество простого труда, необходимого для производства 8 кг хлеба, равно количеству простого труда, необходимого для производства 1 кг сахара, и в любой из этих систем уравнений (8 кг хлеба и 1 кг сахара; 4 кг хлеба и 0,5 кг сахара) отношения сохраняются как 8:1.

Второе уравнение:

$$\left. \begin{array}{l} 4 \text{ ч тракториста} = \\ 8 \text{ ч комбайнера} = \\ \dots\dots\dots = \\ 16 \text{ ч бухгалтера} = \\ X \text{ ч определенной рабочей силы} = \end{array} \right\} 8 \text{ кг хлеба}$$

Здесь хлеб становится эквивалентом различных рабочих сил, то есть стоимости рабочих сил, выражены в потребительной стоимости хлеба. Когда на множество рабочих сил обменивается только хлеб, то, очевидно, что он вступает в обмен гораздо чаще, чем рабочая сила определенного производителя. Именно поэтому в обмене закрепляется хлебная карточка, а не удостоверения на оплату X часов работы каждого определенного производителя. Хлеб выступает как эквивалент стоимости различных рабочих сил, в потребительной стоимости которого сравниваются различные рабочие силы. С вступлением в обмен сахара, соли и т.п. стоимость рабочих сил начинает выражаться уже в нескольких эквивалентах (в нескольких видах карточек). Каждый вид карточки (карточка на хлеб, на сахар и т.п.) в силу этого является неразвитым, частичным эквивалентом, который фиксирует определенную стоимость рабочей силы.

После того как жизненных средств стало производиться больше, чем необходимо для минимального поддержания существования (как при карточной системе на подавляющее большинство жизненных средств, когда рабочая сила воспроизводится в хиреющем состоянии), появляется необходимость индивидуального выбора жизненных средств для каждого производителя, что позволяет восстановить свои индивидуальные затраты. Хотя, для отдельных индивидуумов различия в этом выборе весьма велики, но для миллионных масс рядовых граждан эти количества жизненных средств являются на данном этапе устойчивыми величинами.

Оплата каждого рядового гражданина, как усредненного потребителя, ведет к отказу признавать часть навязываемых жизненных средств за оплату. В то же время, что для одного будет обузой, для другого будет не хватать. Следовательно, с развитием обмена возникает необходимость оплаты рабочей силы производителя таким образом, чтобы он мог, индивидуально выбирая, потреблять те жизненные средства, которые необходимы для восстановления его индивидуальной нормальной жизнедеятельности. При этом общая стоимость жизненных средств, потребляемых определенным индивидуумом, будет равна стоимости его рабочей силы. Но для этого необходим такой эквивалент, который бы обменивался на любую рабочую силу и на любое жизненное средство, и, кроме того, обладал произвольной делимостью.

Как уже показано, все товары делятся на два противостоящих ряда – жизненные средства и рабочие силы, то есть рабочая сила не стоит в од-

ном ряду со всеми другими товарами. Хотя и жизненные средства, и рабочая сила являются товарами, они обмениваются только друг на друга. Обмен происходит между рядами товаров и не существует внутри ряда. Таким образом, одни жизненные средства не обмениваются на другие жизненные средства, а значит потребительная стоимость одного жизненного средства не может стать выражением стоимости другого жизненного средства. То же самое верно и в отношении рабочих сил.

Если взглянуть на процесс обмена товаров при зарождении товарного производства, то картина была несколько иная. Любой товар (конечно же необходимый покупателю продукт) мог быть обменен на любой товар, а значит, в роли эквивалента стоимости одного товара выступала потребительная стоимость любого другого товара. И в частности, потребительная стоимость одного жизненного средства могла становиться, при обмене, эквивалентной формой стоимости другого жизненного средства. Дальнейшее развитие товарного производства привело к тому, что роль товара, на который могут быть обменены все остальные товары, т. е. роль всеобщего эквивалента, стало играть золото. Определенный товар – золото, с натуральной формой которого срослась форма всеобщего эквивалента, превратился в деньги.

В плановой же экономике, так как товар жизненное средство не обменивается на товар жизненное средство, в роли товара-эквивалента, на который бы обменивались все рабочие силы и все жизненные средства, не может выступать ни один из товаров, в этих двух рядах. Эквивалент, на который бы обменивались все рабочие силы и жизненные средства, и который в силу этого стал бы всеобщим эквивалентом, находится вне этих товаров. Поэтому в роли всеобщего эквивалента начинает сразу выступать наличный рубль.

То, что деньги в нашем обществе есть всеобщий эквивалент, опосредствующий лишь обмен жизненных средств на рабочую силу, ярко выражается в том, что на них невозможно купить средства производства, для них деньги не выступают как средство обращения.

В наши дни в развитых капиталистических странах деньги, хотя и утратили связь с золотым стандартом, являются всеобщим эквивалентом, то есть на них можно приобрести все, что производится в обществе (средства производства, различное сырье, землю, индивидуальные средства потребления и т.д.) В плановой же экономике на деньги можно приобрести только жизненные средства и рабочую силу. В этом главное отличие денег развитых капиталистических стран от советских рублей.

Итак, в результате развития обмена между непосредственным производителем и государством возникает универсальная карточка, опосредствующая этот обмен. Отсюда возникает следующее соотношение:

$$\left. \begin{array}{l} X \text{ кг хлеба} = \\ Y \text{ кг сахара} = \\ В \text{ сорочек} = \end{array} \right\} \quad Д \quad \left\{ \begin{array}{l} = A \text{ ч тракториста} \\ = B \text{ ч комбайнера} \\ = C \text{ ч техника} \end{array} \right.$$

Денежная оплата рабочей силы выступает как заработная плата. Здесь подразумевается, что деньги, на которые можно купить жизненные средства, есть единственный рычаг государства. Хотя в действительности это сложнее: кроме прямой оплаты, через деньги, может быть оплата через ряд льгот – более быстрое получение жилья, лучшее снабжение, ранний выход на пенсию, районный коэффициент и т.д. Поэтому труд одинаковой интенсивности может оплачиваться различными суммами денег. Многие молодые люди были согласны работать определенное время на малооплачиваемой, напряженной работе, лишь бы скорее получить жилье. Также здесь подразумевается, что перелив людей осуществляется свободно, и пока не рассматриваются административные меры, препятствующие этому. (Подробнее об подобных административных мерах см. Приложение № 5)

В зависимости от развития обмена между наемными работниками и государством, покупка рабочей силы может принимать форму прямого распределения жизненных средств (карточки трижды становились всеохватывающей системой: «военный коммунизм», слом нэпа и коллективизация, война), а также форму сочетания денежной оплаты с карточками (как это произошло в начале 90-х годов), или же только денежной оплаты.

Теоретический ход анализа возникновения денег совпадает с их историческим развитием. «Продукты выдавались рабочим и служащим по карточкам и твердым ценам, а в конце 1920 г. – бесплатно. Бесплатно выдавалась также производственная одежда, бесплатными были коммунальные услуги и транспорт. По исчислениям С.Т. Струмилина, в 1920 г. заработная плата натурой была в 12 раз больше ее денежной части... В целях привлечения и закрепления рабочей силы на военных заводах выдавались красноармейские, а на ударных предприятиях повышенные продовольственные пайки»¹⁴. «Только во 2-й половине 1918 г.

14 История социалистической экономики СССР в 7 т. / Акад. наук СССР, Ин-т экономики; ред. И.А. Гладков и др. – М.: Наука, 1976–1980. Т. 1: Советская экономика в 1917–1920 гг. – 1976. – С. 360.

по району Центральной России на красноармейский паек было переведено 250 предприятий с общим числом рабочих 247140»¹⁵.

Следует заметить, что во время гражданской войны в советской республике было около 30-ти видов пайков. «В январе 1922 г. денежная часть зарплаты в процентах к общему заработку промышленных рабочих составляла по всей стране 19,3%, в начале 1923 г. она достигла уже 80%, по Москве соответствующие цифры составляли 37,8% и 96,8%, по Петроградской губернии 31,9 и 88,3%. Однако в отдельных городах даже в сентябре 1923 г. удельный вес натуральной части в совокупной зарплате еще оставался высоким»¹⁶. «Переход к денежной оплате труда начался со второй половины 1921 года. До завершения денежной реформы фактически существовала смешанная (натуральная и денежная) форма оплаты труда. Приводимые ниже данные иллюстрируют процесс денатурализации заработной платы. В январе 1922 г. удельный вес натуральной зарплаты в процентах к общему заработку промышленных рабочих составлял по всей стране в среднем 77,5, в январе 1923 г. – 21,7, а в сентябре 1923 г. – 8,9%. В Петрограде в сентябре 1923 г. натуральная доля упала до 1,2%, а в Москве она исчезла полностью»¹⁷. 5-й съезд профсоюзов ближайшей задачей тарифной политики выдвинул переход от смешанной формы зарплаты «к чисто денежной форме оплаты труда»¹⁸.

Если рассматривать развитие ситуации в дальнейшем, то основа явления осталась той же – государство и непосредственные производители, как независимые собственники, обмениваются только такими потребительными стоимостями, в которых они испытывают потребность, а поэтому товарами становятся только жизненные средства и рабочая сила. Государству требуется рабочая сила для сохранения производственного процесса, а наемному работнику – жизненные средства. В условиях господства государственной собственности рамки купли-продажи значительно сужаются, так как в обмен не вступают средства производства.

¹⁵ Коваленко Д.А. Оборонная промышленность Советской России в 1918–1920 гг. / АН СССР. Ин-т истории СССР. – М.: Наука, 1970. – С. 207–208.

¹⁶ История социалистической экономики СССР в 7 т. / Акад. наук СССР, Ин-т экономики; ред. И. А. Гладков и др. – М.: Наука, 1976–1980. Т. 2: Переход к НЭПу. Восстановление народного хозяйства СССР, 1921–1925 гг. – 1976. – С. 107.

¹⁷ Русская промышленность в 1923 г. Ежегодник ВСНХ (Отчет к 11-му Съезду Советов СССР). – М., 1924. – С. 126.

¹⁸ Профсоюзы СССР: документы и материалы: 1905–1963 гг.: в 4-х томах. Т. 2. – М.: Профиздат, 1963. – С. 329.

3. Функции наличного рубля в виде меры стоимости и средства обращения

Из вышеизложенного анализа явно видно, что в мире наличного рубля деньги выполняют функцию меры стоимости. Вы можете не иметь денег, но ценники на прилавках государственных магазинов ясно указывают, что булка серого хлеба стоит 16 копеек, а булка белого – 20 копеек. Бутылка водки стоит 3 рубля 62 копейки, а велосипед – 35 рублей. Более состоятельная публика знает цену нового автомобиля «Москвич 412» – 5 000 рублей. Они же знают цены кооперативных квартир, – например, в Свердловске в 1989г. однокомнатная кооперативная квартира в районе «Уралмаша» стоила примерно 5000 рублей (первоначальный одноразовый взнос около 20% от стоимости).

Товара в магазине может и не быть, он в дефиците, и есть только на «черном рынке». Но и цены этого рынка тоже известны, а значит наличный рубль для разного рода жизненных средств (еды, одежды, мебели, квартир, легковых машин и т.д.) выполняет свою первую функцию – функцию меры стоимости.

Как средство обращения рубль тоже исправно функционирует. Конечно, в этом случае предполагается, что рынок достаточно насыщен необходимыми товарами, которые нужны для нормального повседневного воспроизводства рядового гражданина и его семьи. При покупке товара не нужно никаких персональных документов, – достаточно отдать универсальный обезличенный всеобщий эквивалент – советский наличный рубль. Работают формулы:

$$\begin{aligned} &T \text{ (рабочая сила)} - Д - T \text{ (жизненные средства)} \\ &T \text{ (жизненные средства)} - Д - T \text{ (рабочая сила)}. \end{aligned}$$

Но этот рубль действует только в сфере обмена жизненных средств на рабочую силу. Как только он попадает в сферу оборота средств производства, его покупательная способность пропадает.

Наличный рубль исправно выполняет свою роль средства обращения, когда существует почти идеальная ситуация, – товаров в государственных магазинах и по количеству, и по ассортименту, и по качеству достаточно для покрытия существующего спроса со стороны населения.

Но, во-первых, в реальной ситуации государство, планируя выпуск товаров народного потребления, как правило, производит их меньше чем планирует. Но в то же время оно выплачивает запланированную зарплату – ту, которая необходима для покупки планируемых товаров,

а не тех, которые в меньшем количестве реально появляются на прилавках магазинов. Это превышение зарплаты над ценами создает видимость приличной жизни – мол, денег то хватает, да только необходимый товар все никак не могу купить в магазине.

Во-вторых, государство, даже производя товары народного потребления в достаточном количестве, очень часто неправильно рассчитывает структуру потребления. Вследствие этого одни товары могут не пользоваться спросом и годами лежать на прилавках магазинов, а другие товары будут в дефиците. (Примечание. Из своего детства ясно помню, как в книжном магазине, где работала моя мама, годами стояли на полках постановления ЦК КПСС, другие официальные документы партии и правительства. Через три года их списывали, и они шли в макулатуру. В то же время в дефиците были А. Дюма, в еще большем дефиците Пикюль. Поэтому зачастую данный дефицит продавался с «нагрузкой», – берете Дюма, но вместе с ним нужно купить что-то из неходовой литературы.)

Из-за неправильно рассчитанной структуры потребления зарплата и цены производимых товаров могут быть равны, но цены покупаемых товаров будет меньше зарплаты. Тогда, с одной стороны, появятся неотоваренные деньги, а, с другой стороны, залежалые товары. Государство реагирует на покупательский спрос населения неизмеримо более медленно, чем частный предприниматель.

В-третьих, даже при правильно рассчитанной структуре потребления, но при неправильно рассчитанных объемах производства, одни товары будут пылиться на складах и регулярно списываться, а другие будут находиться в большом дефиците. Иначе говоря, даже при правильной структуре потребления может существовать карточная система. Это происходит в том случае, когда душевое потребление жизненно необходимых продуктов падает ниже критического уровня. И эта карточная система становится тем обширнее чем больше существует дефицитных, жизненно необходимых товаров. В этом случае наличный рубль (который является ничем иным как универсальной карточкой, на которую можно приобрести любое жизненное средство бросаемое государством в обмен) возвращается назад к своим истокам, к своей первоначальной форме – карточке на конкретный товар, и может выступать как покупательное средство лишь вместе с карточкой (талоном) на определенный товар, например, талоны на мыло, сахар и т.д., либо запись в какой-либо очереди на покупку мебели, холодильника и т.д. и т.п.

Наличие дефицита, на определенные жизненные средства на одной стороне и неотоваренных наличных денег на другой приводит к снижению жизненного уровня, так как приобретение дефицитных товаров сопряжено с переplatой и блатом (на этой почве процветала советская торговая мафия). Официальные же расчеты жизненного уровня зачастую не учитывали существующего дефицита, а поэтому значительно приукрашивали положение дел, предполагая, что данный перечень товаров можно свободно купить в магазине по государственной цене.

Что же касается карточной системы (карточки трижды становились всеохватывающей системой: «военный коммунизм», слом нэпа и коллективизация, война), то существование карточек зависит не от высоких или низких цен на товары, а от количества производимых товаров, от того упал ли душевой уровень потребления жизненно важных товаров настолько, что без карточек стало очень трудно приобрести их в государственных магазинах.

Рассмотрим это несколько подробнее. Ясно, что если совокупный уровень цен пользующихся спросом товаров повышается лишь за счет увеличения производства этих товаров, то возможностей для возникновения карточек становится все меньше. Карточки могут быть отменены и в том случае, когда сокращается спрос в результате прямого повышения цен. При падении производства товаров народного потребления государство вынуждено переходить к карточной системе или повышать цены на часть товаров (обычно это товары, относящиеся к предметам роскоши), чтобы сбить спрос.

Это можно было наблюдать в последние годы плановой экономики. Уменьшение объемов производства привело к тому, что начали пропадать товары первой необходимости. Сначала они исчезали из государственной торговли время от времени, потом эти перерывы стали настолько часты и продолжительны, что возникла угроза физическому воспроизводству рабочей силы. Чтобы этого не произошло, начали вводить карточки на самые необходимые продукты. Автор все это видел своими глазами, когда жил в то время в Свердловске.

Также можно отметить, что о несоответствии денежной массы и товарной массы вследствие низкого качества продукции можно написать целую главу. (О соотношении товарной и денежной масс в других социалистических странах, а также о истории данной диспропорции в СССР смотри Приложение №6).

4. Функция наличного рубля как средства накопления

Ранее автор говорил о том, что функция денег как средства обращения многими экономистами считается главной, т.к. если она не работает, то не работают и последующие функции (средство накопления, средство платежа, мировые деньги). Но если функция денег как средства обращения работает, то перечисленные функции тоже должны работать.

Ранее было показано, что наличный рубль работает как средство обращения. Значит теоретически можно предположить, что он работает и в качестве средства накопления. Практика советской действительности подтверждает это теоретическое предположение. Все, кто жил в то время, подтвердят, что, например, муж с женой накопили денег на телевизор, а потом его купили, накопили на мебель и купили ее и т.д. Своим студентам, кто не помнит этого времени, я советую поговорить с своими бабушками и дедушками, мамами и папами. К тому же это можно увидеть и в фильмах того периода. Из современных студентов, как ни странно, многим нравится старый советский фильм «Иван Васильевич меняет профессию». Помните, говорю я им, как Милославский забрался в квартиру Шпака. Что говорил Милославский, обращаясь лицом к камере и держа в руках большую пачку денег из тайного сейфа Шпака? Он говорил – граждане, храните деньги в сберегательной кассе (это была такая пародия на известный лозунг того времени). Зачем Шпак копил деньги? По фильму он на них покупал портсигары, камеры импортные и т.д. Пример Шпака говорит о том, что наличные рубли играли роль функции накопления. А почему? Потому, что наличный рубль работал в качестве средства обращения.

Для того чтобы производитель торговал своей рабочей силой как можно чаще, государство заинтересовано в том, чтобы свести к минимуму какие-либо другие источники его существования, которые дали бы возможность рядовому гражданину быть относительно независимым от государства. Это такие источники, как наследство, гонорары, деньги на сберкнижке, владение драгметаллами и т.п. Свободный гражданин, имеющий достаточно средств и относительную возможность не работать, имеет возможность размышлять и анализировать, путешествовать, делать самостоятельные выводы, т.е. становится потенциальной угрозой для государства в плановой экономике. (Примечание. Статья в виде ответственности за тунеядство (название-то какое придумали) имела в первую очередь целью недопущение появления прослойки людей, которые, имея право не работать на государ-

ство, могли бы организовывать свой бизнес, подрывая тем самым монополию государства на производственную деятельность и создавая ему конкуренцию. А так как частный предприниматель практически всегда ведет свои дела лучше, чем государственный чиновник, то контраст был бы очень впечатляющим).

Государство решительно борется с такими поползновениями к независимости, препятствуя по возможности появлению таких накоплений, ведь самое эффективное средство заставить индивидуума продавать свою рабочую силу – это лишить его возможности получить иными путями средства к существованию. Причем государством эта борьба ведется с многочисленными массами непосредственных производителей, но никак не с теми, кто выступает представителем этого самого госаппарата.

Старательно подсчитывая копейки в кармане у наемных работников, они в то же время поднимают сильный шум (конечно, принимая и более существенные меры), когда кто либо, как, например, следственная группа Гдяна и Иванова, пытается проделать то же самое с их карманами.

Состояние общества того времени можно считать еще благополучным, если сравнить с тем, что произошло после реформы цен в январе 1992 года, когда, кроме падения реальной заработной платы, обесценились в 10 раз и более накопления населения.

А теперь приведу пример характерных для государственного чиновника (С. Борисов, зам. министра финансов СССР) рассуждений по поводу цен на золото для населения. «Государство всегда стремится получить дополнительный доход, руководствуясь при установлении цен на него (золото) состоянием спроса и предложения. Поэтому если по существующей «низкой» цене население сдает золото в скупку, то есть ли смысл ее увеличить? Когда люди перестанут сдавать золото по нынешней цене, тогда можно будет ее и повысить опять-таки в соответствии с законом спроса и предложения. В общем плане хотел бы добавить, что во всей своей деятельности Минфин СССР неизменно заинтересован в получении дополнительных доходов, в том числе и от разницы между продажными и скупочными ценами на золото. И мы не стесняемся это признать, потому что берем эти деньги не для себя, а с единственной целью: в той или иной форме вернуть их народу. В этом одна из принципиальных основ нашей экономики. Но при этом государство всегда находится в определенной конфронтации с теми, от кого оно получает деньги...Но что поделаешь, государству деньги необходимы. То же самое можно сказать и по поводу цен: каждый покупатель всег-

да хотел бы уплатить за приобретаемый товар меньше, а каждый продавец стремится получить за него больше...Это имманентный закон экономической жизни. В диалектическом столкновении таких противоречивых тенденций и рождаются наши экономические категории, в том числе и цена на золото – продажная и скупочная»¹⁹.

Гражданину Борисову, так тонко защищающему государственные интересы, не мешало бы знать более прозаические вещи, имеющие прямое отношение к его профессии. Есть цена рыночная и есть цена монопольная. Рыночная цена возникает, когда многие покупатели торгуются с многими продавцами. Здесь отдельный продавец не смеет запросить слишком много, иначе он не продаст свой товар, а его сосед продаст, но несколько дешевле. Так же и отдельный покупатель не запрашивает слишком низкую цену, иначе товар купит другой покупатель, хотя и немного дороже. Монопольная же цена возникает, когда в роли продавца либо покупателя выступает один субъект экономики. У нас это одно лицо – государство. При торговле золотом с населением государство выступает то как единственный продавец, то, как единственный покупатель. В таких случаях у отдельного покупателя, желающего приобрести золото у государства, есть две возможности: либо покупай по установленной цене, либо не покупай вообще. Так же и отдельный продавец, сдавая свое золото государству, имеет две возможности: либо продавай по установленной сдаточной цене, либо не продавай вообще. А попытки найти других продавцов либо покупателей государство весьма строго карает.

Покупая золото по низкой и продавая по значительно более высокой цене, государство уменьшает накопления населения, снижая тем самым его жизненный уровень.

Высокие налоги на наследство и различные госпошлины тоже не способствуют образованию накоплений. (Примечание. Одной из причин заинтересованности государства в росте цен в странах рыночного социализма (Польша, Венгрия) состояла в том, что тем самым обесценивались вклады населения в сбербанках. В конце 1980-х годов к ним в этом плане примкнул и Советский Союз).

Стоит вспомнить и обмен денег в начале 1990-х годов в России, когда нужно было обменять старые деньги на новые в течение 3-х (!) дней. Это было летом, когда многие были в отпусках! Значительные суммы «старых» наличных рублей так и не были обменены на новые деньги, а в печати появились сообщения о том, что на свалках находи-

¹⁹ Борисов С. Ваши вопросы от 26.02.1988 // Аргументы и факты. – 1988. – № 9.

ли чемоданы таких денег, на которые всего неделю назад можно было купить все что было на прилавках. И при этом говорилось, что реформа проведена в том числе и с целью борьбы с нетрудовыми доходами. В данном случае государство быстро избавилось от заметных накоплений населения и тем самым уменьшило свои обязательства перед ним.

Важно сделать следующее замечание. Хотя государственный Сбербанк содействовал беспрепятственному переходу наличных денег в безналичный оборот, а проще говоря, принимал наличные деньги от населения и записывал соответствующие цифры в сберкнижку, но от этого эти наличные не переходили в мир безналичного рубля, это была всего лишь иная форма существования наличных денег. Цифры на сберкнижке все равно оставались обязательствами государства перед населением, – хотя и несколько видоизмененными по форме, но не по существу. Они все равно принадлежали миру наличного рубля.

5. Функция наличного рубля как средства платежа

Наличный рубль выполняет функцию средства обращения в мире наличного рубля, – в мире где происходит обмен рабочей силы рядовых граждан на жизненные средства, принадлежащие государству. Значит теоретически можно предположить, что наличный рубль выполняет и функцию платежа. Наблюдения за реальной практикой подтверждают это предположение. Люди в брежневском Советском Союзе могли купить в кредит телевизор, холодильник, мебель и т.д. Более того, они могли приобрести в кредит гораздо более важную вещь, – кооперативную квартиру. После оформления ряда документов нужно было внести первоначальный взнос (20-25%), а затем выплачивать остальную сумму определенными долями в течение ряда лет.

Если рассматривать картину в целом, то непосредственный производитель продает государству свою рабочую силу. Но стоимость его рабочей силы оплачивается лишь после того, как она уже функционировала в течение определенного срока (2 недели, месяц). Начало потребления рабочей силы государством по времени отделено от уплаты владельцу ее стоимости. Государство сначала потребляет рабочую силу, а потом уже ее оплачивает в виде зарплаты. Деньги, выплачиваемые государством, функционируют в данном случае как средство платежа, а, следовательно, владелец рабочей силы кредитует государство. Но для простоты можно предположить, что наемный работник одновременно с продажей своей рабочей силы получает ее стоимость.

Наличные рубли выполняют роль средства обращения между наемными работниками и государством, и как следствие, они выступают в роли средства платежа (кредита). Кредит предоставляется как населением государству, так и государством населению.

Рассмотрим сначала кредит государства населению. Очевидно, что кредит предоставляется в той сфере, где деньги играют роль средств обращения, то есть при покупке жизненных средств. Эти кредиты носят, как правило, целевой характер (на покупку дома, телевизора и т.д.). Данные займы действительно являются кредитами, так как они опосредствуют отношения между независимыми собственниками, а, следовательно, уговоров по поводу своевременной выплаты займов нет и в помине. (Примечание. В отличие от этой ситуации взаимоотношений между независимыми собственниками, деньги как средство платежа не работают при взаимодействии государства с его предприятиями, т.к. собственник не может вступать в кредитные отношения сам с собой при всем желании. Данная ситуация будет подробно проанализирована далее при рассмотрении мира безналичного рубля).

Кредит населения государству носит несколько иной характер. Ранее было выяснено, что наличные деньги являются для государства возвращенными его же собственными обязательствами, и что для государства за наличными рублями ничего материального не стоит. Следовательно, беря займы у населения наличные рубли государство ничего материального не приобретает.

Но здесь государство выигрывает в другом. Во-первых, государственный заем на длительное время «связывает» наличные деньги населения, а обязательства государства могут не выполняться еще довольно долгое время. Во-вторых, государство интересуется заем наличных денег у населения с точки зрения покрытия наличного дефицита госбюджета. Этот дефицит возникает в результате того, что наличных денег в государственной казне возвращается меньше, чем оно выдало в виде зарплат. Но объем заработной платы не уменьшился, а поэтому государство вынуждено изыскивать дополнительную сумму наличных. Их, конечно, можно и напечатать, что оно периодически и делает, но гораздо проще иной путь — занять эту сумму у населения посредством своей Сберкассы, куда люди несут свои неотоваренные рубли.

Займы государству со стороны населения до 1957 г. мало походили на кредит. По существу, это было принудительное изъятие неотоваренных наличных денег у населения. Выданные взамен наличных денег облигации различных государственных займов особо и не хранились

населением, так как мало кто верил, что по этим облигациям будут когда-нибудь выплачивать наличные деньги. Займы распространялись принудительно по подписке. Причем весьма характерны были следующие приемы: «В 1930 г. была проведена реформа государственного кредита. Одновременно с распространением займа «Пятилетка в четыре года» среди населения на него обменивались облигации займов индустриализации и укрепления крестьянского хозяйства...В 1936 г. ранее выпущенные займы (на срок 10 лет) обменивались на Государственный внутренний заем второй пятилетки (четвертый выпуск) сроком на 20 лет»²⁰.

С 1957 г. были отменены принудительные займы. «В соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О государственных займах, размещаемых по подписке среди трудящихся Советского Союза» начиная с 1958 г. был прекращен выпуск государственных займов, размещаемых по подписке среди населения. Погашение ранее выпущенных государственных займов было отсрочено до 1977 г.; предусматривалось производить его в течение 20 лет равными частями и закончить погашение в 1996 г.

На XXIV съезде КПСС было решено начать погашение займов, размещенных по подписке, в 1974 г., то есть на 3 года раньше первоначально установленных сроков. Досрочное погашение началось с 2-х процентного займа 1948 г., поскольку на него были обменены займы, размещенные по подписке в 1936-1946 гг. Затем был погашен Второй заем восстановления и развития народного хозяйства (выпуск 1947 г.) и другие займы в порядке их выпуска»²¹. Простой расчет показывает, что в этом случае принудительно отобранные деньги вернули владельцу (если он дожил) только через 38 (!) лет, а если учесть, что за это время было проведено две денежных реформы, то возвращение насильственно изъятых денег ставится под большой вопрос.

Добровольные займы населения государству тоже имеют свою особенность, обусловленную монопольным положением государства. Подавляющая масса населения имеет перед собой только одного заемщика – государство, которое благодаря этому устанавливает монопольный процент за кредит (до начала реформ и появления частного капитала государство выплачивало населению, за хранение денег в Сбербанке, 3%). Отдельные же граждане не имели, до конца советского времени, возможности производить широкие займы другим частным лицами, организовывать ссудные конторы и т.д. Во время Гор-

²⁰ Финансы и кредит СССР. – М., 1989. – С. 176.

²¹ Там же. С. 177, 178.

бачева стали происходить изменения в отношениях собственности, так государство стало терпеть других независимых собственников внутри страны, в том числе и независимые ссудные учреждения – кооперативные и коммерческие банки. Эта система государственной монополии начала трещать по швам, и государственные чиновники, как и партийные, поняв, что развал данной системы – это вопрос времени, быстро начали перекачивать партийные и государственные капиталы в различные коммерческие банки и другие независимые организации.

Дача в долг между независимыми собственниками неизбежно приводит к действительным отношениям кредита, а не к одной его видимости, как в отношениях государства со своими предприятиями. «Банки, функционирующие на паевой и акционерной основе, дифференцируют выдачу кредитов и проценты за пользование ими с учетом кредитоспособности заемщиков»²². «При несоблюдении кооперативом условий кредитного договора учреждение банка устанавливает конкретный срок погашения задолженности по ссуде и извещает об этом кооператив не позднее чем за 5 дней. В течение этого срока кооператив должен представить поручение на списание средств со своего счета в погашение ссуды. При отсутствии такого поручения банк может принять решение о взыскании ссуды в арбитражном порядке»²³. Реальность отношений кредита между независимыми собственниками подтверждается частыми банкротствами заемщиков, что реально наблюдалось на примере кооперативов в период перестройки.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что торговля капиталом в форме денег, как и всяким другим товаром, может осуществляться только между независимыми собственниками. В рамках же одного единого собственника такое невозможно, т.к. собственник не может сам с собой вступать в кредитные отношения.

6. Функция наличного рубля как мировых денег

В мире наличного рубля рубль функционирует в качестве средства обращения, т.е. работают формулы:

$$\begin{aligned} &T \text{ (рабочая сила)} - Д - T \text{ (жизненные средства)} \\ &T \text{ (жизненные средства)} - Д - T \text{ (рабочая сила)}. \end{aligned}$$

Поэтому должны работать и последующие функции, – в частности функция мировых денег.

²² Там же. С. 109.

²³ Там же. С. 200.

Рассмотрим это на конкретном наглядном примере. Представьте себя в роли западного немца из ФРГ, который приехал в качестве туриста в брежневскую Москву. Интересно ему что-либо приобрести в Москве? Конечно. В первую очередь это сувениры. Где их можно купить? – спрашиваете вы. Пожалуйста, езжайте в Измайловский парк, – отвечают вам. Сувениров там действительно много. Вы даете свои дойчмарки, но вам говорят – нет, торгуем только на рубли. (Примечание. В СССР была установлена уголовная ответственность за работу с иностранной валютой). Вы хотите зайти в обычный московский магазин и купить что-то для интереса. Вам говорят – давайте рубли. Вы хотите купить и привезти в Западную Германию русскую водку и икру. Тоже нужны наличные рубли.

Вы хотите съездить в Ленинград на несколько дней, – в кассе тоже нужно платить рублями. Вы хотите съездить по «Золотому кольцу» – та же картина. Поэтому у вас появляется интерес часть своих дойчмарок обменять на наличные советские рубли. Почему появился такой интерес? Потому что работает вторая функция денег (средство обращения), и поэтому в определенной мере работает функция денег как мировых денег.

Итак, вы говорите – хочу сменять часть своих дойчмарок на советские наличные рубли, как это можно делать? Вам говорят, – пожалуйста есть обменный пункт для иностранцев, и одна дойчмарка стоит 50 копеек (возьмем условный курс). Вы отправляетесь туда, но по дороге вы встречаете предприимчивых москвичей, которые говорят «Exchange» (обмен). Они предлагают продать вам рубли уже по курсу рубль–полтора рубля за марку. Понятно, что заключая данную сделку, вы становитесь заметно богаче. Так возник «черный» рынок валюты, и он продолжал существовать, несмотря на все репрессии советского государства. Почему существовал «черный» рынок валюты? Потому что наличный рубль работал в качестве средства обращения.

Возникает закономерный вопрос, – зачем какому-либо молодому человеку в брежневской Москве иностранная валюта? Если у него будет найдена эта валюта, то вполне вероятно, что его исключат из комсомола и вуза.

Тут автор считает необходимым привести характерные примеры. Например, вышеуказанный молодой человек приобрел на «черном» валютном рынке 1000 дойчмарок.

Что может заинтересовать молодого человека с такой суммой? Обыкновенная проблема молодого человека, – подарить любимой де-

вушке настоящие французские духи. Решение довольно простое, – идете к знакомому иностранному студенту из Алжира, который обучается в Москве, и который скоро поедет в очередной отпуск на родину, а там по каталогу можно заказать из Франции что угодно, – правда иногда возникали проблемы с цветом, – заказываешь один оттенок, а приходит товар несколько другого оттенка. Выбираете по каталогу этого знакомого студента нужные духи, договариваетесь по цене, платите дойчмарками, – и через пару месяцев дарите своей любимой настоящие французские духи.

Следующий пример, – хотите приобрести себе настоящие джинсы марки «Лэвис». Тут можно использовать другую возможность. В Москве существовали так называемые магазины «Березки» – первого и второго класса – назовем их так. В первом классе отовариваются иностранцы, а во втором советские граждане, работавшие за границей, но не потратившие там всю валютную заработанную валюту (в СССР им выдавались разменные чеки «Внешпосылторга» разного номинала. См. Приложение № 7).

Для простоты возьмем «Березки» первого класса. Зайти туда молодой человек не может, тем более с дойчмарками в кармане. Но это не большая проблема. Он находит через знакомых тех людей, кто работает непосредственно в данной «Березке» и за соответствующие комиссионные этот человек приобретает для вас нужные джинсы. Не беда если размер не тот. Молодой человек дает объявления, ищет таких же как он, ездит по квартирам, меряет и получает джинсы своего размера.

Далее это молодой человек хочет купить автомобиль «Волга», но всякие затруднения с очередями его не устраивают. В то время много евреев выезжало на Запад. Им было неинтересно продавать свое имущество (в т.ч. автомобили) за советские наличные рубли, которые на Западе не имели спроса. Молодой человек находил такого еврея, договаривался с ним по цене, платил дойчмарками, но в договоре они писали цену в рублях. Довольный еврей уезжал в западные страны с дойчмарками, а молодой человек с любимой девушкой катались на своей машине.

Автор хочет привести последний пример. Он родом из Калининграда (Кёнигсберга) в Прибалтике. Это незамерзающий порт, и поэтому главная база рыболовецкого флота. Рыболовецкие сейнеры ловили рыбу в основном в Тихом океане в районе холодного перуанского течения, – рыбы тогда там было очень много. Но экипаж надо менять примерно раз в полгода, – люди на тяжелой рыбацкой работе выматыв-

ваются. Но гнать сейнер через полмира до Калининграда экономически невыгодно. Поэтому судно подходило к ближайшему чилийскому порту, и экипаж судна самолетом летел домой, а навстречу ему летел новый свежий экипаж. Такие рейсы почти всегда были с пересадками и с остановками на несколько часов в аэропортах капиталистических стран, а это значит, что там всегда есть магазины дьюти-фри, которые торгуют на твердую валюту. Поэтому условный калининградец говорит близкому родственнику, который ходит в море: – на обратном пути домой купи мне сигарет «Мальборо», «Данхилл», «Ротманс», виски «Белая лошадь» и т.д. по списку. И условный калининградец через несколько месяцев имел ходовые западные товары, на которые можно было обменять очень многое.

Итак, наличный рубль в определенной мере играл роль мировых денег. (т.к. многие иностранцы меняли свою валюту в официальных обменных пунктах) и для государства, и для рядовых граждан на «черном» валютном рынке. Однако это не приводило к конвертации рубля, т.к. наличный рубль работал только в сфере обмена жизненных средств и рабочей силы и на него нельзя было купить средства производства, которые распределялись государством по фондам. Кроме того, надо учитывать небольшой ассортимент товаров народного потребления и зачастую их низкое качество, дефицит ряда товаров, а также ограничения на вывоз их из страны.

Ряд дополнительных соображений по данному вопросу, а также взаимоотношения рядовых граждан, зарабатывающих валюту за рубежом, и государства см. Приложение № 8.

Так как товар и деньги возникают только из обмена между независимыми собственниками, то в плановой экономике они возникают между собственниками рабочей силы и собственником всех средств производства – государством. Так возник мир наличного рубля, где деньги функционируют вышеописанным способом.

Но огромное количество продукции, производимой в обществе, – а именно, средств производства, не вступало в процесс обмена, они не становились товарами. Они создавались, эксплуатировались и гибли в рамках одного собственника – государства. Здесь был уже другой мир – мир безналичного рубля, где деньги функционировали по-другому. Перейдем к анализу этого другого мира.

ЧАСТЬ 3

МИР БЕЗНАЛИЧНОГО РУБЛЯ

1. Функции безналичного рубля в виде идеальных денег и средства обращения

Здесь для прояснения ситуации сразу стоит ответить на центральный вопрос, – вступают ли государственные предприятия в товарные отношения друг с другом? Для этого возвратимся к изложенному ранее исходному пункту анализа товарно-денежных отношений, который гласит, – для появления данных отношений необходимо одновременное существование двух условий, – **необходимо разделение труда между независимыми собственниками**. Разделение труда между государственными предприятиями несомненно существует, но они явно принадлежат одному собственнику – государству. Значит, товарных отношений между государственными предприятиями не существует. (Примечание. В данном случае собственник четко определен, но бывают ситуации, когда права собственности весьма размыты. Например, такая ситуация была в 1920-х годах в отношении трестов, которые обладали большой долей самостоятельности, и были серьезные опасения, что красные директора подомнут под себя государственный аппарат. Но в конце 1920-х годов этим директорам было ясно показано, что собственником всех средств производства являются не они, а государственный аппарат. На это похожа сегодняшняя ситуация с государственными концернами в РФ. С одной стороны, поскольку они действуют как независимые собственники, они вступают в товарные отношения друг с другом и другими независимыми собственниками, с другой стороны, поскольку они есть часть одного собственника, они поневоле планомерно распределяют ресурсы в рамках этого одного собственника – государства. Картина примерно следующая, – звонит Чубайс Сечину и говорит, – мне нужно 200 автомобилей. Нет проблем, – отвечает Сечин, – плати деньги. Но если Сечину звонят из администрации президента и говорят, – надо передать Чубайсу 200 автомобилей, то он отвечает, – передадим, только вот надо будет правильно оформить передаточные документы. В первом случае это купля-продажа, во втором, – планомерное распределение ресурсов в рамках одного собственника).

Если между государственными предприятиями нет товарных отношений, то легко понять, что деньги в качестве средства обращения для средств производства не работают. Практика полностью подтверждает это предположение. Любой советский хозяйственник твердо знал, — главное выбить материальные фонды (цемент, песок, оборудование, сырье и т.д.), а если у тебя на счете есть деньги, но фонды не выделены, то ты никто. А. Надежко, зам. министра автодорог РСФСР, пишет: «Нам выделяются... достаточные средства... Но вопрос в том, что мы можем получать за эти деньги? Отчаянно не хватает дорожных машин, да и техника, что есть, отечественного производства, очень плохого качества. От мирового уровня мы отстаем, лет на 20, может, и больше. То же самое с материалами, особенно с щебнем и битумом. Пока нам будут выделять технику и материалы по фондам, ситуация не изменится»²⁴. Василий Селюнин, известный писатель-публицист, который много лет работал корреспондентом «Социалистической индустрии» и хорошо понимал внутренний механизм советской экономики, отмечает как очевидный факт: «Мало ли, что предприятие заработало деньги — на них ничего не купишь без фондов, карточек, жди пока тебе выделят металл, цемент, кирпичи, оборудование»²⁵.

Итак, формула Т–Д–Т для средств производства не работала.

Средства производства не продаются и не покупаются, так как не меняют собственника, но тем не менее, имеют цену, то есть денежное выражение меновой стоимости. Почему же они, не являясь товарами, все-таки имеют цену? Данная противоречивость положения средств производства и является одним из камней преткновения в понимании существующих отношений.

Если взглянуть в сторону Запада, то на капиталистическом предприятии часть произведенных средств производства тоже не вступает в процесс купли-продажи, а планомерно используется внутри предприятия. «В то время, как советская и американская экономические системы кажутся диаметрально противоположными (централизованное планирование против свободно-рыночного капитализма), тем не менее, система централизованного планирования, на которую вы опирались до недавнего времени, во многих отношениях напоминает систему централизованного распределения ресурсов в большой компании, например, такой, как «Дженерал электрик», объединяющей широкий спектр промышленных предприятий и предприятий обслужи-

²⁴ Надежко А. // Московские новости. — 1989. — № 16.

²⁵ Селюнин В. Истоки. Шмелев Н. Авансы и долги. — М.: Правда, 1990. — С. 315.

живания. «Дженерал электрик» просто должна постоянно распределять ресурсы и планировать вперед»²⁶. Но в то же время другая часть средств производства идет на рынок, а значит, стоимость части, остающейся внутри монополии, легко устанавливается. Так же и крестьянин, ведущий натуральное хозяйство, продает только излишки своей продукции на рынке, но при этом, хотя большая часть его продукции не вступает в процесс купли-продажи, хорошо знает рыночные цены на оставшуюся продукцию. И там, и там часть средств производства становится товаром, т.е. вступает в обмен, куплю-продажу.

В нашем же случае всеохватывающей государственной собственности на средства производства, они вообще не продаются и не покупаются, т.е. не вступают в обмен и поэтому не являются товарами. Тогда естественно возникает вопрос: почему же они имеют цену?

Все дело заключается в том, что они используются для производства жизненных средств, обладающих меновой стоимостью, и, следовательно, входят в процесс купли-продажи идеально, в виде амортизационного износа.

Возьмем для примера большой ткацкий станок. Он производится в рамках государства, там же эксплуатируется и там же гибнет. На рынок он никогда не попадает и не становится товаром. Но ткань, производимая на нем, вступает в обмен на рабочую силу, где ткань имеет цену. Зная цену метра ткани и амортизационный износ ткацкого станка для производства этого метра, можно вычислить стоимость самого станка (тут дан упрощенный вариант ответа, – в реальности все несколько сложнее, т.к. стоимость одного метра ткани учитывает помимо амортизации стоимость сырья, зарплату, прибыль и т.д.). Станок как средство производства вступает в процесс купли-продажи лишь идеально, в виде амортизации, – поэтому и деньги для средств производства являются лишь идеальными, счетными деньгами, т.е. выступают в функции меры стоимости. Образно говоря, работа функции денег в виде меры стоимости есть отражение рыночных отношений в мире наличного рубля.

То, что деньги для средств производства выступают лишь в функции меры стоимости, а не как деньги, на которые их можно купить, ярко проявляется в том, что деньги госпредприятий, не обеспеченные фондами, так и остаются идеальными, счетными, калькуляционными деньгами. Поэтому для госпредприятий значительно важнее иметь

²⁶ Фрей Д., содиректор компании «Дженерал электрик», из доклада в АН СССР, ноябрь 1988 г.

не деньги, а сами средства производства, получаемые через фонды. Советские хозяйственники-практики прекрасно понимали, что в данных условиях гораздо важнее иметь материальные средства, получаемые через фонды Госплана и Госснаба, а не деньги. Е.И. Быстров, зам. председателя исполкома Моссовета, так описывает ситуацию: «Деньги мы имеем, а вот с обеспечением цементом, металлом, трубами, стеклом – дела, прямо скажу, напряженные»²⁷.

Вот что по этому поводу пишет известный экономист Н.П. Шмелев, в своей статье «Анатомия дефицита»: «...существующая ныне система планирования зиждется на двух принципах...Принцип второй – фондирование ресурсов.....Это, по сути, «карточная» система снабжения, в рамках которой можно рассчитывать на получение сырья, материалов, комплектующих изделий, оборудования только строго в соответствии с утвержденными лимитами»²⁸. Далее он продолжает: «Планирование производства в натуре (затрат и выпуска) носит название директивного. Это в принципе та система, которая существовала у нас последние полвека и господствует до сих пор, – плановое установление цен играет вспомогательную, подчиненную роль, ибо важнее всего не цены на производимую продукцию, а нормативы ее отоваривания (какое матттехснабжение можно получить под план, то есть под установленный объем производства в натуре)»²⁹.

Далее Н. Шмелев подводит определенный итог: «...все экономические стимулы, все хозрасчетные рычаги и методы воздействия на производство оказываются нерезультативными в условиях фондирования и директивного планирования номенклатуры, ибо при распределении ресурсов по карточкам деньги становятся всего лишь счетной единицей, утрачивая качество всеобщего эквивалента. Ведь реальным стимулом служат только такие деньги, которые можно отоварить, под которые, иначе говоря, выделены фонды. Когда же экономика фактически работает по принципу безденежного натурального обмена, когда миллионные прибыли, не подкрепленные разрядками Госснаба, не обладают никакой реальной покупательной силой, такие хозрасчетные инструменты, как цена, прибыль, налоги и др., девальвируются, теряют способность воздействовать на производство, оставаясь полезными разве что для бухгалтерского учета и анализа хозяйственной деятельности»³⁰.

²⁷ Быстров Е.И. // Москва. – 1989. – № 1.

²⁸ Селюнин В. Истоки. Шмелев Н. Авансы и долги. – М.: Правда, 1990. – С. 463.

²⁹ Там же. С. 481.

³⁰ Там же. С. 484.

Данная ситуация вообще нереальна и абсурдна для западного предпринимателя – деньги есть, а купить не можешь.

Понимание причин того, почему деньги в нашем обществе являются лишь идеальными, калькуляционными, счетными для средств производства, позволяет решить вопрос о имевшей широкий размах в свое время (примерно с 1960-х годов до 1990-х годов) дискуссии о оптовой торговле средствами производства. Для того чтобы ясно понять этот вопрос, обратимся еще раз к переходу материальных благ, как планомерному, так и в виде купли-продажи.

Очевидно, что государство, как собственник средств производства, не может не планомерно их использовать. Если взглянуть более широко, то любой собственник планомерно использует принадлежащие ему средства производства, жизненные средства, рабочую силу. Планомерное их использование внутри одного собственника есть неизбежный результат того, что они принадлежат одному собственнику, не меняют его. Так, в первобытной общине либо патриархальной семье, которые выступают как единый собственник, средства производства, жизненные средств и трудовые возможности распределяются планомерно. Или самый простой пример: отдельный человек, являющийся собственником каких-либо ценностей, расчетливо их использует, хотя эта расчетливость может выступать и как мотовство.

Зададимся вопросом – может ли собственник вступать в куплю-продажу с самим собой? Нелепость вопроса очевидна – собственник при всем желании не может торговаться сам с собой. Ваша левая рука не может вступать в торговые отношения с вашей правой рукой, ваше сердце не может торговаться с вашей печенью по поводу обмена крови на ферменты печени. Собственник может лишь планомерно использовать принадлежащие ему блага. В куплю-продажу он может вступать только с другими независимыми собственниками, но никак не с собой.

Посмотрим для разнообразия на Запад. Интересно, что сказали бы там окружающие о предпринимателе, который вздумал бы ввести куплю-продажу между подразделениями принадлежащей ему фирмы? Для того чтобы они действительно торговали между собой, ему необходимо было бы сделать эти подразделения независимыми собственниками. Но в этом случае он бы перестал сам быть собственником фирмы. Если же у него хватит здравого смысла остаться таковым, то купля-продажа между подразделениями его фирмы будет ничем иным как планомерным распределением средств в денежной форме. На каждом предприятии царит планомерность, точный расчет, хотя

они могут принимать различные формы. Так, например, во многих больших западных корпорациях их крупные подразделения переведены на полную самоокупаемость, что, конечно, не делает их независимыми собственниками, а только обеспечивает владельцам корпорации более легкое планомерное распределение средств внутри корпорации. Разделение труда в рамках одного собственника не ведет к купле-продаже. Разделение труда между независимыми собственниками ведет к купле-продаже.

Планомерность в использовании купленных средств производства и купленной рабочей силы у каждого предпринимателя, дополняется куплей-продажей между предпринимателями и куплей-продажей между предпринимателями и рабочими. Причем рабочий, купленные жизненные средства, как собственник, тоже использует планомерно.

Материальной основой плановой экономики является гигантская суперфабрика, принадлежащая государству, где все средства производства, являющиеся составными частями этой суперфабрики, не меняют собственника и поэтому распределяются планомерно. Государство, как собственник, подчиняется неписаному правилу любого собственника: худо-бедно, но необходимо планомерно использовать принадлежащие тебе блага. Для этого государством и составляются планы (годовые, пятилетние, перспективные и т.п.), а иначе госсобственность использоваться и не может.

Несмотря на вереницы пышных заявлений о самостоятельности государственных предприятий, которым в советское время все уже давно потеряли счет, государство, как собственник этих самых предприятий, не может не делать главный упор на планомерном использовании принадлежащих ему благ, не может не ставить перед своими нижестоящими инстанциями главное требование – выполнение плана в целях планомерного распределения своих ресурсов. (Вспомните характерный призыв советского времени – «План – это закон»).

Вот, что говорит о плане член-корреспондент АН СССР Н. Петраков: «У нас сквозная централизованная система инвестиций от Совмина к Госплану, от него растекается по министерствам, от них к предприятиям. А те своих средств практически не имеют или на них нельзя ничего купить»³¹. А вот что пишется по этому поводу в учебнике политэкономии времен горбачевской перестройки: «Государство посредством своих плановых и хозяйственных органов организует процесс социалистического производства в общественном масштабе, пла-

³¹ Петраков Н. // Изобретатель и рационализатор. – 1989. – № 4

номерно определяет его структуру и направления развития, обеспечивает поддержание пропорций общественного воспроизводства, формирует условия распределения общественного продукта и его обмена между различными звеньями народного хозяйства»³².

Обобщим немного вышесказанное. В отличие от стран частного капитала, где капиталист покупает средства производства и рабочую силу, и только после этого может их планомерно использовать, у нас государство покупает только рабочую силу, а потом совместно со средствами производства планомерно ее использует. При всеохватывающей государственной собственности на средства производства они не вступают в процесс купли-продажи, не становятся товарами. Итак, государство планомерно использует средства производства. Но как мы раньше выяснили, это планомерное распределение средств производства внутри одного собственника – государства принимает денежное выражение, причем деньги здесь являются лишь идеальными, счетными деньгами.

Эта денежная форма планомерного распределения средств производства обманывает очень многих экономистов. Денежное выражение их планомерного распределения между госпредприятиями принимается ими за куплю-продажу. «... производимый ими [предприятиями] продукт принимает форму товара. Он идет на удовлетворение общественных потребностей, проходя предварительно стадию обмена, купли-продажи»³³.

Но тут же заявляет о себе другая сторона этого отношения – планомерное распределение, и экономисты, разводя руками, тут же вынуждены признать, что эта купля-продажа какая-то фиктивная, только ее видимость. «Материально-техническое снабжение внешне выступает как купля-продажа, но в данном случае [читай – в случае всеохватывающей государственной собственности на средства производства] она носит формально-учетный характер. По существу же это форма прямого распределения ресурсов, а не товарного обращения»³⁴.

При распределении средств производства возникают два потока: материальный и денежный. А так как деньги для средств производства есть всего лишь идеальные, счетные деньги, то и денежный поток является лишь отражением, лишь следствием материального потока.

³² Политическая экономия: учебник для вузов / Медведев В.А., Абалкин Л.И., Ожерельев О.И. и др. – М.: Политиздат, 1988. – С. 378.

³³ Там же. С. 493.

³⁴ Там же. С. 517.

Деньги идут вслед за материальными потоками, а не наоборот. Попытки придать деньгам функцию покупательного средства, то есть придать денежному потоку первенствующее значение, быстро показывают свой утопизм.

Действительные экономические отношения данной формы собственности показывают свое всеилие и бессилие благих экономических пожеланий. Академик С.А. Ситарян, отвечая на вопрос, почему же экономическая реформа принесла столь неожиданные плоды, сказал: «Мы взялись за демонтаж командной системы, не подкрепив это введением соответствующего нового инструментария. Демонтаж в основном коснулся оборота и использования денежных ресурсов. А материальные потоки ресурсов остаются еще во власти жесткого государственного регулирования. Этот разрыв и является причиной сегодняшней разбалансированности в экономике»³⁵. Поэтому во многом прав зам. начальника отдела Госплана СССР Юнь О.М., утверждающий: «Средств [денег] должно оставаться, сколько нужно предприятию для реализации мероприятий, предусмотренных в пятилетнем плане»³⁶.

Изучив проект плана бюджета страны на 1990 г., член Верховного Совета СССР, Г. Фильшин приходит к выводу: «Итак, самостоятельной роли, как и раньше, бюджет не играет. Он опять ЛИШЬ СЛЕДСТВИЕ (так выделено в газете) проекта плана экономического развития»³⁷. А.И. Тизяков, бывший гендиректор Свердловского НПО «Машзавод имени М.И. Калинина», испытывавший на своем опыте идеалистические попытки придать счетным деньгам самостоятельное значение, справедливо требует: «Не пойти ли на то, чтобы на какое-то время все-таки сделать шаг назад и ввести командную систему? Министерства отошли от активных дел. Два раза их перестраивали, сейчас готовятся по третьему, и аппарат их уже не работает. Но мы с ними связаны – по фондам, материалам, комплектующим. Куда хочешь, туда и девайся»³⁸.

Теперь по достоинству можно оценить теоретические воззрения по данному вопросу доктора экономических наук, Павлова В.С., бывшего члена ГКЧП. «Сначала составлялся план: что нужно построить, реконструировать, развить и т.д. И уж под эти проектировки плана подгоняется бюджет...Сегодня финансирование «подгоняется» под

³⁵ Ситарян С.А. // Правда. 6 ноября 1989 г.

³⁶ Самофинансирование: замысел и действительность. – М.: Экономика, 1988. – С. 38.

³⁷ Фильшин Г. // Комсомольская правда. 13 октября 1989 г.

³⁸ Тизяков А.И. // Правда. 6 ноября 1989 г.

проектировки, деньги идут туда, куда направляем людей и ресурсы. А должно быть наоборот. Люди и материальные ресурсы должны двигаться туда, где есть деньги. Деньги – главное»³⁹. Гражданин Павлов хочет, чтобы при данной форме собственности поток материальных ресурсов следовал за денежным потоком, чтобы человек следовал за тенью. Но при данной форме собственности все будет наоборот, – деньги всегда будут следовать за материальным потоком, деньги всегда будут оставаться только калькуляционными, счетными единицами. Несмотря на столь понятное ведомственное желание Павлова В.С. играть первую скрипку, а Госплан СССР превратить в свою тень, Госплан может спать спокойно, – при данной форме собственности Минфин обречен быть его подручным.

Государство планомерно распределяет не только свои средства производства, но и купленную рабочую силу. Непосредственный производитель, продав свою рабочую силу на определенное время, уже не имеет отношения к ее использованию. Для него теперь безразлично, используют ли его для строительства «марсианских» каналов Минводхоза или для производства обуви, которую никто не покупает. Надоевшие всем стенания советского времени по поводу диктата производителя над потребителем есть лишь следствие планомерного распределения государством средств производства и купленной рабочей силы.

Вот как трактуется товарно-денежные отношения в учебнике политэкономии, вышедшем в период горбачевской перестройки. «В рыночные отношения вступают главным образом социалистические [читай – государственные] предприятия, а товарно-денежное обращение обслуживает движение благ, находящихся в общественной собственности, и реализацию трудовых доходов населения»⁴⁰.

«В той мере, в какой отдельные звенья социалистического хозяйства экономически обособлены, отношения между ними носят товарный характер. Они строятся на принципе стоимостной эквивалентности и осуществляются через рынок. Продукт труда, таким образом, превращается в товар, то есть в предмет купли-продажи, а само производство приобретает товарную форму»⁴¹.

«В силу общественного разделения труда и относительной экономической обособленности предприятий производимый ими продукт

³⁹ Павлов В.С. // Труд. 8 августа 1989 г.

⁴⁰ Политическая экономия: учебник для вузов / Медведев В.А., Абалкин Л.И., Ожерельев О.И. и др. – М.: Политиздат, 1988. – С. 513.

⁴¹ Там же. С. 371-372.

принимает форму товара... Таким образом, предприятие выступает в качестве социалистического товаропроизводителя»⁴².

«... рынок не носит всеобщего характера. Природные ресурсы и государственные предприятия как объекты общенародной собственности хотя и имеют денежную оценку, но на рынке не продаются и не покупаются.... Не является объектом купли-продажи при социализме и рабочая сила»⁴³.

«Социализм характеризуется органическим сочетанием планомерности и товарно-денежных отношений, вытекающим из особенностей социалистической собственности. Планомерность выражает единство и целостность социалистической экономики, а товарно-денежные отношения – относительную обособленность производителей»⁴⁴.

Подведем небольшой итог: источник товарно-денежных отношений – купля-продажа между государственными предприятиями, как бы они не назывались – общенародными, социалистическими и т.д. (Примечание. Попытки найти источник товарно-денежных отношений как результат обмена между государственными предприятиями явно видны в научной литературе уже с 1960-х годов).

Но насколько в данном учебнике все перемешано в отношении прав собственности на средства производства. На одной странице утверждается, как мы раньше видели, что государство распоряжается всеми средствами производства (то есть, что в плановой экономике существует государственная собственность на средства производства), на другой странице утверждается, что средствами производства распоряжается все общество в целом (общенародная собственность), а на третьей странице говорят о том, что предприятия вступают в куплю-продажу друг с другом; (что возможно только тогда, когда она являются независимыми собственниками своих средств производства, т.е. это возможно лишь при наличии частной и групповой форм собственности).

На одни и те же средства производства и государственная, и общенародная, и групповая форма собственности. Вот только непонятно, кто же на деле их собственник?

Примем последнее утверждение авторов о том, что предприятия вступают в куплю-продажу друг с другом. Но опять в действительности «акт реализации превращается в формальность»⁴⁵. А это означает

⁴² Там же. С. 493.

⁴³ Там же. С. 512.

⁴⁴ Там же. С. 375.

⁴⁵ Там же. С. 515.

лишь одно – между предприятиями существует планомерное распределение, возможное лишь когда они находятся в руках одного собственника. В нашем случае предприятия находятся в руках государства. Таким образом, если нет независимых собственников, владеющих средствами производства, (а для этого необходима групповая или частная собственность на средства производства, либо и то и другое вместе), то все эти «оптовые продажи», «купли-продажи» есть не что иное как планомерное распределение в денежном выражении, средств производства в рамках их собственника – государства.

Авторы учебника политэкономии если не знают, то чувствуют, что для существования товарно-денежных отношений необходимы независимые собственники. И они делают определенную попытку найти таких собственников в лице государственных предприятий, делая их «независимыми товаропроизводителями» с помощью слова – обособленность. Если следовать данной логике и провести сравнение с человеческим организмом, где существует разделение труда, то крайние пальцы обеих рук очень обособлены, – а значит, они могут вступать в товарные отношения друг с другом. В реальности, то что эти пальцы весьма обособлены не делает их независимыми от вас как их собственника, и они никогда не могут вступать в товарные отношения друг с другом.

Но где же в действительности те независимые собственники, купля-продажа между которыми и приводит к товарно-денежным отношениям? Что же мешает признать, что купля-продажа существует между непосредственными производителями, как собственниками рабочей силы, и государством, как собственником всех средств производства? Для чего нас постоянно уверяли в том, что средства производства находятся в распоряжении всего общества, а, следовательно, и рабочая сила не является товаром? Одно только признание, что рабочая сила в нашем обществе является товаром, не говоря уже о далеко идущих крайне неприятных выводах, будет очень неутешительным для «самого прогрессивного строя». Рядовой гражданин тогда может заявить, – погодите, я и при капитализме продаю свою рабочую силу (предпринимателю, либо группе акционеров) и при социализме продаю свою рабочую силу (государству как своеобразной акционерной компании). Какая мне тогда разница кому продавать? Я продам ее тому, кто больше заплатит. А мне явно больше заплатят в рыночной экономике чем в плановой. Поэтому видел я эту социалистическую плановую экономику в гробу.

Официальная советская политэкономия постоянно отрицала тот факт, что в плановой экономике рабочая сила является товаром, но тем не менее необходимо печально констатировать факт советской действительности – король-то голый, что в переводе на современный язык означает: производитель-то гол, как сокол, то есть не владеет ничем, кроме своей рабочей силы.

Но поищем то рациональное зерно, которое содержится в положении, что предприятия являются товаропроизводителями. Те из предприятий, которые производят жизненные средства, вступающие в куплю – продажу с владельцами рабочей силы, действительно являются товаропроизводителями. Государство в лице этих предприятий является товаропроизводителем и посредством государственной торговли покупает рабочую силу. Заметим, что предприятия, производящие жизненные средства, не предназначенные для купли-продажи, допустим, для рядового состава армии, не являются товаропроизводителями.

Небезынтересно отметить, как в вышеуказанном учебнике политэкономии пишется о распределении средств внутри капиталистической монополии: «Внутри монополистических объединений функционирует система планомерного монополистического регулирования, господствует «железный» закон строгого определения пропорций, централизованного распределения ресурсов и т.д. Большинство концернов стремится обеспечить условия, при которых крупные его подразделения могли бы действовать на началах полной самоокупаемости. В этих целях концерны обычно используют аналоги рыночных инструментов – устанавливают трансфертные (расчетные) цены на продукцию внутрифирменного оборота, вводят плату за предоставляемый отделением капитал, дают руководству отделений право распоряжаться «остаточным» доходом (в рамках определенных ограничений)»⁴⁶. Какое точное описание, только в меньшем масштабе, планомерного распределения ресурсов внутри советского государства как единого собственника. Государство в плановой экономике еще больше нуждается, так как владеет более значительными средствами производства, чем любая капиталистическая монополия, в переводе крупных предприятий, объединений на полную самоокупаемость. Именно поэтому, начиная с периода становления всеохватывающей государственной собственности и до конца советской власти, постоянно велись разговоры, ставились задачи и составлялись планы о переходе предприятий на самоокупаемость, самофинансирование и полный хозрасчет. Все

⁴⁶ Там же. С. 301.

это исходит не из благих пожеланий, а из необходимости облегчить управление, что нисколько не затрагивает саму государственную собственность. Это только иная форма планомерного использования государством принадлежащих ему средств производства.

Вообще надо заметить, что авторы данного учебника политэкономии очень хорошо описывают факты действительности: формальность купли-продажи, счетные деньги, положение с капиталистическими монополиями и т.д. Но когда они начинают подгонять действительность к идеологическим схемам, то наступает полная путаница, когда зачастую для разрешения противоречий между противоположными мнениями между ними ставится слово «диалектика».

Как итог своих теоретических воззрений авторский коллектив данного учебника выдает практическую рекомендацию: «Основное направление перестройки системы материально-технического обеспечения, как указал июньский (1987г.) Пленум ЦК КПСС, – решительный переход к оптовой торговле средствами производства, к купле-продаже не только по форме, но и по существу»⁴⁷.

Что значит переход к купле-продаже «по существу»? Это значит, что необходимы независимые собственники на средства производства (т.е. групповая, частная собственность), которые могли бы вступать в эту куплю-продажу не «формально», а «по существу». Но ведь в таком случае государство должно отдать значительную часть своих средств производства в групповую либо частную собственность. Но государство и не собирается этого делать, «Ведь за государственными органами в конечном счете остаются функции регулирования оптовой торговли и контроля за ней»⁴⁸. Призывая перейти к оптовой торговле средствами производства, перейти к купле-продаже по существу, государство, само, не осознавая этого, призывает к тому, чтобы забрать у него значительную часть средств производства и, следовательно, перейти к купле-продаже «по существу». Это может осуществиться только вопреки интересам данного государственного аппарата, а не благодаря ему.

Государство, как никто иной, заинтересовано в сохранении своей собственности на все средства производства; а так как распоряжаться ими как своей собственностью оно может только планомерно, значит и главный, кровный интерес государства состоит в сохранении купли-продажи «по форме», что является не чем иным, как денежной формой планомерного распределения средств производства.

⁴⁷ Там же. С. 517-518.

⁴⁸ Там же. С. 518.

Поэтому О.М. Юнь, зам. начальника отдела Госплана СССР, правильно предупреждает тех недалёковидных государственных мужей, которые искренне выступают за оптовую торговлю как действительную куплю-продажу, о том, что государство в этом случае начинает их терять как свою собственность: «Сейчас на оптовую торговлю переведены Минстройдормаш, организации науки, здравоохранения и др. Все они жалуются на оптовую торговлю. Территориальные органы Госснаба собирают заявки, а потом поступают по своему усмотрению – кому дают, а кому и нет. Это значительно хуже централизованного распределения: вопросы снабжения решает уже не государство, а каждая территориальная база. Вы допускаете оптовую торговлю в условиях дефицита. Но это только усилит неразбериху. Продукция достанется не тому предприятию, которому это нужно с точки зрения государственных интересов»⁴⁹. А вот что говорит Москаленко В.П., зам. генерального директора Сумского МНПО им. М.В. Фрунзе, по поводу этих экономических экспериментов: «Нормативы во всех этих министерствах [переведенных на новые условия хозяйствования] были подогнаны под план. Сделали очень просто: исходя из утвержденного плана был составлен финансовый план на пятилетку, и те предприятия, которым дали централизованные капиталовложения, получили и средства на их финансирование. Это назвали нормативом. У предприятий, которым не дали капиталовложений, средства изъняли через отчисления в министерство или в бюджет»⁵⁰.

Если бы плановая экономика функционировала и дальше, то новые многочисленные жалобы по поводу того, что опять предприятиям важны не деньги а фонды, что опять купля-продажа средств производства является формальной – были бы неизбежны, так как сохранилась бы всеохватывающая государственная собственность на средства производства.

Подведем небольшой итог по поводу оптовой торговли средствами производства, этого едва ли не самого любимого конька многих советских экономистов. Оптовая торговля средствами производства при всеохватывающей государственной собственности неизбежно будет формальной, будет не чем иным, как планомерным распределением средств производства, (для которых деньги выступают лишь в функции счетных, калькуляционных, идеальных денег), внутри одного собственни-

⁴⁹ Самофинансирование: замысел и действительность. – М.: Экономика, 1988. – С. 81.

⁵⁰ Там же. С. 10.

ка – государства. Оптовая торговля средствами производства между независимыми собственниками на средства производства будет не чем иным, как обменом между ними в виде купли-продажи.

Поприветствуем эту попытку государства, как собственника, торговать с самим собой, (причем уже не в первый раз), наравне с попытками барона Мюнхгаузена вытащить самого себя из болота за волосы. Воспримем же с должным юмором это горячее желание государства в плановой экономике – вступить в товарные отношения с самим собой.

Не менее запутанным является и вопрос о цене средств производства. По этому поводу в учебнике политэкономии дано лишь краткое замечание: «Природные ресурсы и государственные предприятия... имеют денежную оценку»⁵¹. Обоснование этого утверждения, видимо, предоставляется любознательным читателям.

Наверно, единственным в экономической литературе, кто прямо поставил вопрос о цене средств производства, является И.В. Сталин. Рассуждения его так точно отражают воззрения официальной политэкономии, что приведу их здесь подробно в виде длинной цитаты: «Во-первых,...они [средства производства] только распределяются государством среди своих предприятий. Во-вторых, владелец средств производства – государство при передаче их тому или иному предприятию ни в какой мере не теряет право собственности на средства производства, а наоборот, полностью сохраняет его [И. Сталин в отличие ряда советских экономистов справедливо полагает, что обособленность предприятий нисколько не делает их независимыми от собственника – государства, нисколько не способствует возникновению товарных отношений. П.В.]. В-третьих, директора предприятий, получившие от государства средства производства, не только не становятся их собственниками, а наоборот, утверждаются, как уполномоченные советского государства по использованию средств производства согласно планам, преподанным государством. [Сталин гораздо лучше многих экономистов выразил отношения собственности в советском обществе. П.В.] Как видно, средства производства при нашем строе никак нельзя подвести под категорию товаров. Почему же в таком случае говорят о стоимости средств производства, об их себестоимости, об их цене и т.п.?

По двум причинам.

Во-первых, это необходимо для калькуляции, для расчетов, для определения доходности и убыточности предприятий, для провер-

⁵¹ Политическая экономия: учебник для вузов / Медведев В.А., Абалкин Л.И., Ожерельев О.И. и др. – М.: Политиздат, 1988. – С. 512.

ки и контроля предприятий. Но это всего лишь формальная сторона дела. Во-вторых, это необходимо для того, чтобы в интересах внешней торговли осуществлять дело продажи средств производств иностранным государствам. Здесь, в области внешней торговли, но только в этой области, наши средства производства действительно являются товарами, и они действительно продаются. Выходит, таким образом, что в области внешнеторгового оборота средства производства, производимые нашими предприятиями, сохраняют свойства товаров, как по существу, так и формально, тогда как в области экономического оборота внутри страны средства производства теряют свойства товаров и выходят за пределы сферы действия закона стоимости, сохраняя лишь внешнюю оболочку товаров (калькуляция и пр.).

Чем объяснить это своеобразие?

Дело в том, что в наших социальных условиях экономическое развитие проходит не в порядке переворотов, а в порядке постепенных изменений, когда старое не просто отменяется начисто, а меняет свою природу применительно к новому, сохраняя лишь свою форму, а новое не просто уничтожает старое, а проникает в старое, меняя его природу, его функции, не ломая его форму, а используя его для развития нового. Так обстоит дело не только с товарами, но и с деньгами в нашем экономическом обороте так же, как и с банками, которые, теряя свои старые функции и приобретая новые, сохраняют старую форму, используемую социалистическим строем.

Если подойти к делу с точки зрения формальной, с точки зрения процессов, происходящих на поверхности явлений, можно прийти к неправильному выводу о том, что категории капитализма сохраняют будто бы силу в нашей экономике. Если же подойти к делу с марксистским анализом, делающим строгое различие между содержанием экономического процесса и поверхностными явлениями, — то можно прийти к единственному правильному выводу о том, что от старых категорий капитализма сохранилась у нас главным образом форма, внешний облик, по существу же они изменились у нас коренным образом применительно к потребностям развития социалистического народного хозяйства»⁵².

Насчет внешней торговли необходимо заметить, что даже в период горбачевской перестройки СССР, занимая где-то около одной пятой ча-

⁵² Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР. — М.: Государственное издательство политической литературы, 1952. — С. 52–54. — URL: http://ciml.250x.com/archive/stalin/russian/1952_stalin_ekonomicheskie_problemy_socializma_v_ssr.pdf.

сти в мировом промышленном производстве, обходился несколькими процентами в мировой торговле. Причем в 1987г. львиную часть в экспорте занимало сырье (топливо и электроэнергия – 46,5%, руды и концентраты – 8,5%, химические продукты, удобрения и каучук – 3,4%), а машины, оборудование, транспортные средства – 15,5%⁵³. Следовательно, небольшая продажа средств производства на внешнем рынке не служила причиной того, что все средства производства на внутреннем рынке имели цену, которая часто резко отличалась от мировой. «Сегодня в СССР некоторые цены занижены в 100 и более раз»⁵⁴.

Еще одна причина, по которой средства производства имеют цену, это якобы необходимость их подсчета и калькуляции. Но непонятно, почему этот подсчет идет именно в счетных, идеальных деньгах? Почему не в часах рабочего времени, столь любимых марксистами, а в деньгах, которые, наоборот, столь ими нелюбимы? Почему не в натуральных единицах или иных каких-либо условных единицах? Следуя логике И. Сталина примитивное африканское племя в наше время тоже, если бы захотело, вполне могло бы использовать деньги как меру стоимости для калькуляции своих средств производства, ведь оно тоже производит их контроль и расчет.

Видно, что человек усвоил лишь выводы политэкономии, а не саму эту науку, и поэтому, когда самому нужно делать анализ чего-то нового, то на нас обрушиваются ничего не проясняющие фразы о новой «сущности» и старой «форме». Возникает вопрос, – а почему новая «сущность» не изменила старую «форму»? А почему калькуляция и учет средств производства идет в деньгах, а не в часах рабочего времени? А почему при движении к отмиранию денег (как это декларируется марксистами) эта старая «форма» так живуча и держится так долго (и держалась до конца советской власти) и т.д.?

Как тут не вспомнить молодого Энгельса: «... не голые выводы, а, наоборот, изучение – вот что нам больше всего нужно: выводы – ничто без того развития, которое к ним привело, – это мы знаем уже со времен Гегеля, и выводы более чем бесполезны, если они превра-

⁵³ Внешняя торговля СССР в 1987 г. статистический сборник. – М.: Финансы и статистика, 1988. – С. 18 (таблица IX). – URL: http://istmat.info/files/uploads/17074/vneshnyaya_torgovlya_sssr_v_1987_godu.pdf.

⁵⁴ Леонтьев В.В. (лауреат Нобелевской премии) // Аргументы и факты. – 1989. – № 23.

щаются в нечто самодовлеющее, если они не становятся снова посылами для дальнейшего развития»⁵⁵.

Сталин тут похож на человек, который бодро выдает давно известные и заученные формулы и выводы по поводу того, почему летает воздушный шар. Возникает впечатление, что это умный человек, но когда его спрашивают, почему плавают спасательный круг, он долго мямлит в том духе, что для утопающеготак удобнее, — поэтому спасательный круг и плавают.

В таком же положении находились и многие советские политэкономы. Они могли бойко пересказать выводы классической политэкономии, но когда необходимо стало анализировать новые явления, неизвестные ранее, то они зачастую начинали тонуть в безбрежном океане общих фраз типа: «Они [товарно-денежные отношения] интегрируются в единую систему социалистических производственных отношений, становятся ее органической составной частью. Именно в данном своем качестве товарно-денежные отношения и соответствующие им формы включаются в механизм планомерного регулирования экономики»⁵⁶. «Рынок служит важным инструментом обеспечения планомерного процесса социалистического воспроизводства. Рыночные методы регулирования экономики включаются в единый механизм социалистического планового хозяйствования и действуют в его рамках»⁵⁷.

Многие помнят притчу о том, как слепцы представляли каждый себе слона. Один пощупал хвост и сказал, что слон — это что-то тонкое и веревкообразное, другой пощупал ногу и сказал, что слон — это нечто толстое и столбообразное. Но, оказывается, у притчи есть продолжение. Рассматривая планомерное распределение средств производства, для которых деньги есть лишь идеальные, счетные деньги, одни экономисты, видя их денежное выражение, утверждают — смотрите, это же рынок, предприятия вступают в куплю-продажу друг с другом. Другие экономисты налегают на плановое распределение, — вы, что не видите, это же план, ведь вся купля-продажа носит формально-учетный характер, и по существу это форма прямого распределения ресурсов. Страсти накаляются, и для того, чтобы свести все это к какому-нибудь полюбовному соглашению, появляется учебник политэ-

⁵⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. 2-е изд. Т. 1. — М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. — С. 585.

⁵⁶ Политическая экономия: учебник для вузов / Медведев В.А., Абалкин Л.И., Ожерельев О.И. и др. — М.: Политиздат, 1988. — С. 374.

⁵⁷ Там же. С. 513.

кономии периода горбачевской перестройки. Слепцам по поводу слона популярно объясняется, что веревкообразное и столбообразное не противостоят друг другу, для их противопоставления нет ни теоретических, ни практических оснований.

Поясняется, что веревкообразное и столбообразное тесно связано между собой, но в то же время они обладают определенной самостоятельностью: тонкое диалектически взаимодействует с толстым и наоборот, а значит, слон есть реальное диалектическое единство толстого и тонкого. Спорящих экономистов стремятся примирить следующими рассуждениями: «... план вовсе не противостоит рынку, не отгораживается от него, а использует его в интересах общества. Таким образом, для противопоставления плана и рынка в качестве несовместимых явлений нет каких-либо теоретических и практических оснований... Из сказанного никак не следует вывод об отсутствии противоречий плана и рынка. Ведь они не только тесно связаны между собой, но и обладают каждый определенной самостоятельностью. Именно в силу своеобразия и специфических закономерностей этих двух сторон социалистического хозяйства рыночные отношения, как правило, в той или иной мере корректируют плановые наметки. В то же время с помощью планового воздействия происходит поворот рыночной конъюнктуры в нужном для общества направлении. В этом противоречивом взаимодействии проявляется реальная диалектика плана и рынка»⁵⁸.

Оказывается, что существующую проблему очень легко можно решить с помощью красивых и туманных фраз, с помощью слова «диалектика», вставленного между двумя противоположными мнениями.

Туманно обычно говорят о предмете, когда не имеют о нем ясного представления. В свое время Ренэ Декарт писал: «Каждый должен быть твердо убежден, что не из многозначительных, но темных, а только из самых простых и наиболее доступных вещей должны выводиться самые сокровенные истины... Надлежит начинать с методического исследования самых простых вопросов и открытыми и известными путями всегда приучаться как бы играючи проникать в их сокровенную истину, ибо мы увидим, что таким образом мы можем постепенно, но с быстротой, превосходящей все наши ожидания, и с одинаковой легкостью выводять из очевидных принципов множество положений, которые с первого взгляда кажутся весьма трудными и темными»⁵⁹.

⁵⁸ Там же. С. 513-514.

⁵⁹ Декарт Р. Избранные произведения. – М.: Политиздат, 1950. – С. 116.

2. Функция безналичного рубля как средства накопления

Здесь все очевидно, – если безналичный рубль не работает в качестве средства обращения, то он не будет работать и в качестве средства накопления. Директору советского предприятия нет смысла копить деньги на счету своего предприятия, ведь на них он не может купить средства производства. Также было установлено правило, чтобы на счету предприятия оставался только определенный лимит, – все остальное забиралось в вышестоящий бюджет.

Не было смысла копить безналичные и с целью увеличения заработной платы сотрудникам, – на предприятии вышестоящими органами был установлен строго нормированный фонд оплаты труда, который не имел отношения к количеству средств на счете предприятия (более подробный анализ взаимоотношений мира наличного рубля и мира безналичного рубля будет дан в конце работы).

Вот накопление дополнительных материальных ресурсов, – это иное дело. Особенно это касалось дефицита, – тут можно было зная ходы и выходы сделать многое. Посмотрите комедию «Живите в радости» (1978г.) и там многое узнаете на эту тему. Так герой Леонида Куравлева слушает как зам. начальника по снабжению треста «Управление «Спецмостстрой»» Волнушкин говорит по телефону примерно следующее, – мы бы вам за эти трансформаторы сто мостов построили.принесете гарантийное письмо на поставку 3 трансформаторов считайте, что внеплановый мост у вас уже построен.

Заметьте, Волнушкин просит не денег, они его не интересуют, ему нужно «выбить» фонды, «выбить» материальные ресурсы.

3. Функция безналичного рубля как средства платежа

Рассмотрим теперь безналичный рубль как средство платежа для средств производства. Эта проблема уже по сути разрешена, – доказав, что деньги не являются средством обращения для средств производства, автор тем самым доказал, что наш рубль не выступает роли кредита. Ведь функция кредита есть лишь продолжение функции средства обращения. Если на деньги нельзя купить средства производства, то их нельзя купить и на деньги, взятые в кредит.

Если отвлечься от кредита, опосредованного деньгами, взглянуть на природу кредита вообще (то есть кредитование материальными ресурсами, рабочей силой и т.д. без посредства денег), то становится ясным, что собственник не может сам себя кредитовать в любой фор-

ме, впрочем, как и торговать с самим собой. Если же под этим углом зрения посмотреть на наше государство, то становится очевидным, что оно ни в какой форме не может кредитовать принадлежащие ему предприятия.

Для примера проведите наглядный эксперимент, – представьте, что вы государство, а ваша левая рука ваша собственность под названием «колхоз». Вы дали своей руке деньги с тем чтобы она их подержала. А рука взяла деньги и потеряла. Может такое быть? Может. Можете ли вы сказать своей руке, – пока деньги не вернешь кормить не буду. Нет не можете. Почему? Потому что вы не можете сами себя кредитовать. Кредит самому себе вы всегда простите. Собственник сам себя кредитовать не может, государство само себя (в виде государственных предприятий и колхозов) кредитовать не может. Полное отсутствие банкротств государственных предприятий и колхозов в советский период как раз и говорит о том, что реальных отношений кредита не было, – так если колхоз в конце года не мог вернуть выданный ему кредит, то этот долг списывался на специальный счет, а на следующий год колхозу выдавался новый кредит. Читаем заметку «Долги списаны» на первой полосе газеты «Калининградская правда»: «Совет Министров СССР постановил списать с колхозов, совхозов, других сельскохозяйственных предприятий и предприятий перерабатывающей промышленности агропромышленного комплекса отсроченную по решениям союзного правительства задолженность по ссудам банков СССР в сумме 40,3 млрд. рублей.

Решение о списании задолженности принято в целях оздоровления экономики и создания благоприятных предпосылок для работы колхозов, совхозов и других предприятий агропромышленного комплекса в условиях становления новых форм хозяйствования, регулируемых рыночных отношений.

Совет Министров обязал банки СССР принять меры к эффективному использованию кредитных ресурсов, предоставляемых предприятиям агропромышленного комплекса, и обеспечению их своевременного возврата»⁶⁰.

А теперь представьте себе, что было бы с колхозом, если он был бы независимым собственником. Его имущество идет с молотка в счет уплаты долга, а он сам становится банкротом. А таких банкротств в советское время не было, что говорит о том, что функция денег как средства платежа (кредита) не работала.

⁶⁰ Калининградская правда (Прибалтика). 11 июля 1990 г.

Но вернемся к денежному кредиту и, прежде всего более подробно рассмотрим ту часть денег, которую государство направляет на «кредитование» своих предприятий. (Примечание. В этом случае более правильно говорить, что происходит прямое финансирование собственником своих предприятий, а не «кредитование»). Монополия государства на средства производства ведет к монополизации банковского дела. Различные банки, являвшиеся филиалами Госбанка СССР, в период перестройки владели 98% всех денежных средств страны (остальные приходились на долю коммерческих и кооперативных банков). Как было показано раньше, безналичный денежный поток есть лишь отражение материального потока средств производства, поэтому «кредит», так же, как и прямое финансирование, есть лишь следствие материальных потоков. Государство в лице Госбанка вело учет этих материальных потоков, с целью контроля за тем, чтобы их движение осуществлялось в соответствии с государственным планом, в идеальных, счетных деньгах. И вследствие этого финансовый и кредитный план был лишь отражением планов материально-технического снабжения.

«Специализированные банки СССР на основании проектов планов экономического и социального развития министерств и ведомств СССР, других материалов, характеризующих объемы, темпы и пропорции развития производства и социальной сферы, а также проектов кредитных планов, полученных от республиканских банков, определяют потребность в кредитах для своей клиентуры»⁶¹.

Единый «кредитный» план необходим государству для «состыковки» денежного и материального потоков. «Для проведения единой кредитной политики государства Госбанк разрабатывает сводные кредитные планы и планы распределения ресурсов и кредитных вложений по банкам, определяет обязательные для всех банков состав объектов кредитования, условия выдачи и погашения кредитов, льготы при кредитовании, меры кредитного воздействия на ссудозаемщиков и условия их применения. Госбанк играет ведущую роль и в формировании процентной политики, устанавливает процентные ставки за пользование кредитами, размеры и порядок внесения, планы за ресурсы, привлекаемые одними банками из других»⁶² «... все банковские операции базируются на производственных и финансовых планах. Например, преобладающая часть кредитов выдается на цели, предусмотренные в указанных планах»⁶³.

⁶¹ Финансы и кредит СССР. – М., 1989. – С. 206.

⁶² Там же. С. 102.

⁶³ Там же. С. 108.

Согласованный план «кредитов» предприятиям позволяет в свою очередь контролировать государству выполнение плана. «При кредитовании по обороту банк имеет возможность контролировать движение товарно-материальных ценностей на всех стадиях их кругооборота, при кредитовании по остатку – лишь изменения остатков на отдельных стадиях»⁶⁴.

Кредитование государством своих предприятий с целью денежного контроля за выполнением государственных планов и приводит к дикому, с точки зрения западного банкира, положению, когда государство непрерывно вмешивается в процесс производства «заемщика», то есть госпредприятия. Западный банк, предоставляя кредит какому-либо независимому собственнику, зачастую (особенно при хорошем обеспечении высоколиквидными активами) не интересуется тем, на что будет направлен кредит. Его главным образом интересуют лишь гарантии его своевременной выплаты. Наше же государство дает «кредит» своим предприятиям лишь под выделяемые материальные ресурсы.

«Принцип материальной обеспеченности состоит в том, что кредиты предоставляются под товарно-материальные ценности... Его целевая направленность может быть достоверно установлена, если в наличии имеются материальные ценности или осуществлены производственные затраты, под которые был выдан кредит»⁶⁵.

Деньги как средство платежа опосредствуют куплю-продажу лишь между независимыми собственниками, хотя и не в момент покупки. Если заемщик в определенный срок не сможет оплатить заем, то он становится банкротом. В рамках одного собственника не может быть банкротств, так как государство, являясь собственником своих предприятий, не может требовать возврата «кредита» как в денежной, так и в материальной форме у самого себя, что и подтверждается отсутствием банкротств госпредприятий. Именно поэтому остаются всего лишь красивой фразой следующие права Госбанка: «Учреждения Госбанка СССР и специализированным банкам предоставлены права устанавливать повышенные проценты за просроченный кредит, переводить предприятия и организации на особый режим кредитования, прекращать кредитование и объявлять предприятия и организации неплатежеспособными»⁶⁶.

⁶⁴ Там же. С. 189.

⁶⁵ Там же. С. 188.

⁶⁶ Там же. С. 274.

Обычно, если госпредприятие не может через определенный срок выплатить государству «кредит», то это нисколько не отражается на его деятельности, оно и дальше продолжает спокойно функционировать, а оплата «кредита» отсрочивается, или он просто-напросто списывается. «При недостаточности средств на расчетном счете соответствующая часть задолженности переносится на счет просроченных ссуд»⁶⁷.

«Нью-Йорк Таймс» правильно уловила, что так называемый «кредит» государства своим предприятиям не является кредитом в действительности: «Польша так же, как предполагали, прекратит субсидирование промышленности, заменив правительственные подачки займами, которые промышленным предприятиям придется погашать. Однако этого явно не удалось добиться на практике, поскольку ни одно из польских промышленных предприятий не объявило себя банкротом, как это наверняка произошло бы, если было бы покончено с практикой субсидирования»⁶⁸.

Тем, что «кредит» государства своим предприятиям вовсе не является кредитом, и объясняется то противоречие, что широкий и дешевый «кредит» в течение 60-ти лет не стимулировал развитие советской экономики, в отличие от стран частного капитала. Поэтому и констатирует В. Захаров, доктор экономических наук: «Кредит полностью потерял свою стимулирующую и контролирующую роль»⁶⁹. Необязательность выплаты «кредитов» госпредприятиями государству приводит к нелепейшему положению с точки зрения западного банкира — когда «кредитор» уговаривает «заемщика» вовремя выплачивать долги, то есть призывает «к обеспечению своевременности возврата кредитов и укреплению платежной дисциплины»⁷⁰.

Кредит является одной из функций Госбанка по учету и контролю за движением материальных ресурсов, и другие его функции тоже починены необходимости денежного контроля за выполнением планов. Субсидии государства своим предприятиям дают возможность вести учет и контроль за движением материальных ресурсов, за выполнением планов. «Объекты банковского контроля: выполнение количественных и качественных плановых заданий, соответствие собственных оборотных средств установленным нормативам, расходование фондов заработной платы, накопление материальных ценностей, соблюдение

⁶⁷ Там же. С. 194.

⁶⁸ Нью-Йорк Таймс. 25 декабря 1984 г.

⁶⁹ Захаров В. // Вопросы экономики. — 1989. — № 9.

⁷⁰ Финансы и кредит СССР. — М., 1989. — С. 104.

договорных отношений и правил расчетов, кассовой дисциплины и т.д.»⁷¹. «Учреждения банков и финорганы проводят совместный анализ финансово-хозяйственной деятельности объединений, предприятий, строительных и других хозяйственных организаций, министерств и ведомств по данным их годовых и квартальных отчетов»⁷². «Учреждения банка ежеквартально рассматривают хозяйственно-финансовую деятельность предприятий, обращая особое внимание на выполнение планов поставки продукции в соответствии с заключенными договорами (заказами) и прибыли, снижение издержек производства и обращения, ликвидацию непроизводительных расходов и потерь, осуществление мероприятий по ресурсосбережению, нормализацию запасов товарно-материальных ценностей и ускорению оборачиваемости оборотных средств, изучают происходящие изменения в экономике, финансах, кредитных отношениях предприятий»⁷³.

Итак, безналичный рубль не выступает как средство платежа между государством и его предприятиями.

4. Безналичный рубль в роли мировых денег

Эта проблема уже решена, – ведь если, как было показано, рубль не является средством обращения, то есть «внутренне конвертируемым» для средств производства внутри страны, то, следовательно, он не является и внешне конвертируемым. Если для сравнения посмотреть на развитые капитраны, то, очевидно, что при частнокапиталистическом производстве постоянно идет чередование двух видов перехода по отношению к средствам производства: купля-продажа, планомерное их использование в рамках одного собственника, купля-продажа и т.д.

Тем самым происходит кругооборот $T - D - T - \dots$ а так как для товара безразлично кто его покупает – внутренний покупатель или иностранный, то возникает необходимость обмена (конвертируемости) внутренних денег на иностранную валюту, то есть $T - D$ (внутренние деньги) – D (иностранная валюта) – $T - \dots$ Иными словами, в стране, где существует много товаропроизводителей (в том числе и средств производства), возникает необходимость в конвертируемости национальных денег (конечно степень конвертируемости может быть разной).

⁷¹ Там же. С. 105.

⁷² Там же. С. 106.

⁷³ Там же. С. 201.

Если же собственник всех средств производства в стране один (как в плановой экономике — государство), то планомерное распределение средств производства больше не прерывается куплей-продажей. Средства производства теперь обречены планомерно потребляться, гибнуть и вновь возрождаться в рамках одного собственника. Формула $T - D - T...$ в этом случае, как было показано раньше, не действует, а значит, не действует и формула $T - D$ (внутренние деньги) — D (иностранная валюта) — $T - ...$

Созданные в ССР в период перестройки совместные предприятия, не имея возможности купить на заработанные рубли средства производства (так же как и госпредприятия, которых гораздо больше волнуют фонды, а не деньги), покупали советские продукты или сырье за рубли, вывозили их и продавали на доллары или другую валюту⁷⁴. «... препятствия, тормозящие развитие совместного предпринимательства по-прежнему велики. Самое значительное — неспособность правительства добиться конвертируемости рубля... пока из почти 200 совместных предприятий, зарегистрированных в Москве, действует менее 20, в основном из-за сложностей с материально-техническим обеспечением»⁷⁵.

Правильность объяснения того, что конвертируемость национальных денег зависит не от мудрости экономистов или правительства страны, а от количества независимых товаропроизводителей внутри страны, вступающих в куплю-продажу друг с другом, подтверждается и мировой практикой.

Во всех соцстранах, где государство являлось единым собственником подавляющей части средств производства, с незначительно развитым частным капиталом, национальные деньги являлись неконвертируемыми. Лишь югославский динар находился в конце списка, отражающего степень конвертируемости национальных денег, что объясняется наличием значительного сектора групповой собственности в югославской экономике, то есть наличием на внутреннем рынке значительного, хотя и не очень большого числа независимых товаропроизводителей (в том числе и средств производства). Во многих слаборазвитых африканских странах, особенно странах тропической Африки, государство играло в экономике (так же как и в плановой экономике) очень большую роль. И как неизбежное следствие этого в выходящих на Западе экономических справочниках рубль упоминался наряду с неконвертируемыми экзотическими деньгами таких стран.

⁷⁴ Известия. 27 октября 1989 г.

⁷⁵ Майкл Серрилл // За рубежом. — 1989. — № 13.

Большой интерес с точки зрения конвертируемости национальных денег представляют страны, где государство владеет значительной частью средств производства, но значительно в меньшей мере, чем в соцстранах, хотя и в большей степени, чем в развитых капстранах. Такие страны – нечто среднее между ними с точки зрения веса госсобственности в экономике страны. Национальные деньги таких стран могут быть конвертируемы в определенной степени. Это в первую очередь зависит от величины госсектора в экономике и от уровня экономического развития данной страны.

Таким образом, найдя ответ на вопрос – почему рубль в плановой экономике является неконвертируемым, мы нашли ответ и на вопрос – как сделать рубль конвертируемым. Стало очевидным, что настоящей утопией является стремление иметь конвертируемый рубль и сохранить, в то же время, в руках государства подавляющую часть средств производства. Не менее ясным стало и то, что конвертируемым рубль станет лишь тогда, когда государство утратит право собственности на очень значительную часть средств производства и станет пусть и крупным, но все же одним из многих, одним из большого числа независимых производителей средств производства, вступающих в куплю-продажу друг с другом.

Рубль, неизбежно выступая как средство обращения при этой купле-продаже, становится «внутренне конвертируемым», а значит, при наличии достаточно большого числа товаропроизводителей, и внешне конвертируемым. Для появления же большого числа независимых товаропроизводителей необходимо широкое допущение групповой и частной собственности на средства производства за счет очень значительного сокращения доли госсобственности на средства производства. Это является необходимым и достаточным условием конвертируемости рубля: заработает широко формула $T - D - T$ внутри страны, а так как она заработает только при купле-продаже между многими независимыми собственниками, то при достаточно большом их количестве заработает и формула $T - D$ (национальные деньги) – D (иностранная валюта) – $T - \dots$

В вопросе о конвертируемости можно пройти чисто логически по следующей цепочке рассуждений. Почему не работает функция мировых денег? Потому что не работает вторая функция – функция средства обращения. Почему она не работает? Потому что государственные предприятия не вступают в товарные отношения друг с другом. Что нужно для того чтобы данные отношения возникли? Для этого

необходимы два одновременных условия – разделение труда между независимыми собственниками. Разделение труда уже есть, осталось сделать госпредприятия независимыми собственниками за счет приватизации (частная и групповая собственность) и разрушения монополии государства на средства производства. Цепочка начинает работать в обратную сторону, – возникают товарные отношения – между теперь уже частными предприятиями «ты мне – я тебе». Я тебе цистерну спирта, ты мне 5 вагонов угля. Быстро возникает (как говорил Адам Смит) и шелест денег. Я продаю спирт уже за деньги, – вторая функция денег работает. А дальше начинают работать и остальные, – в том числе и функция мировых денег. Почему иностранцу теперь интересно покупать безналичные рубли за конвертируемую валюту? Потому что за них он может приобрести все что производится в стране, в том числе и средства производства – заводы, нефть, газ, землю, оборудование, различное сырье и т.д. Так рубль стал конвертируемым. (Примечание. Основная часть вышеприведенных идей была изложена автором в статье «Конвертируемый рубль: реальности и утопии» в газете «Бизнесмен» №6/1990г., издаваемой тогда таллиннским бизнес-клубом.).

Вышерассмотренные идеи по поводу конвертируемости рубля были изложены в коллективной монографии «Экономика абсурдов или абсурд экономики»⁷⁶ (1990г.), написанной автором совместно с Глуховым В.И. С тех пор прошло почти 30 лет (данные строки автор пишет в 2020г.). Высказанные идеи по данной проблеме полностью подтвердились. Все социалистические страны, которые провели приватизацию и разрушили монополию государства на средства производства, пришли к конвертируемости национальной валюты. Польский злотый – конвертируемый, российский рубль – конвертируемый, чешская крона – конвертируемая, болгарский лев – конвертируемый и т.д.

В мире осталось только две социалистические страны, в которых сохранилась в целом государственная монополия на средства производства. Это Куба и Северная Корея. И как закономерный итог данной монополии – национальная валюта данных стран является неконвертируемой, т.е. безналичный кубинский песо и северокорейская вона никому не нужны. Практика подтвердила теорию. (Примечание.

⁷⁶ Петухов В.А. Глухов В.И. Экономика абсурдов или абсурд экономики? монография. – Свердловск: ИМЦ «Информ», 1990. – 62 с.

На Кубе сейчас ходят две валюты – неконвертируемый песо и конвертируемый песо (CUC), равный примерно одному доллару. Но конвертируемый песо используется в основном в сфере туризма и при покупке дорогих товаров в «долларовых» магазинах. На него нельзя приобрести средства производства, а только жизненные средства. Поэтому кубинская валюта считается неконвертируемой. Вообще возможность сделать конвертируемыми наличные деньги в плановой экономике, где они служат средством обращения только между рабочей силой и жизненными средствами, – это отдельный вопрос).

Читаем в Интернете на сайте SPRINTinvest.RU по поводу свободно конвертируемых валют: «Из ныне известных национальных валют самыми неконвертируемыми считаются северокорейские воны и кубинские песо. Их обращение за пределами стран-эмитентов запрещено, и легально их приобрести на международном валютном рынке вряд ли кому удастся. Примерно такая же степень конвертации характерна и для большинства африканских, ряда среднеазиатских, южно- и центрально-американских валют, а также дензнаков микрогосударств тихоокеанского региона»⁷⁷.

Дополнительные соображения и комментарии по поводу конвертируемости валют социалистических стран в период горбачевской перестройки смотри в Приложении №9.

⁷⁷ URL: <https://sprintinvest.ru/chastichno-konvertiruemaya-valyuta-ponyatie-i-primery> (дата обращения: 07.01.2020 г.).

ЧАСТЬ 4

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МИРА НАЛИЧНОГО РУБЛЯ И МИРА БЕЗНАЛИЧНОГО РУБЛЯ

Между данными мирами существует четкая граница, — наличные рубли не могут проникать в сферу средств производства и покупать их, а безналичные деньги государственных предприятий направляться для закупки жизненных средств. (Примечание. Жизнь, конечно, гораздо более сложная вещь, чем любая схема, и государственные предприятия могли в пределах очень скромных установленных лимитов и разрешения вышестоящих организаций закупать за безналичный расчет, — например, недостающие канцелярские принадлежности в обычных магазинах розничной торговли. Однако, данные величины были настолько малы, что ими можно пренебречь в данном анализе).

Практически все западные экономисты, писавшие о советской экономике, отмечали наличие четкой границы между миром наличного и миром безналичного рубля. Так Воробей И.Ф. пишет: «Р. Хатчинс выделяет следующие особенности советской финансово экономической системы: ...строгое разделение сфер функционирования наличного и безналичного оборота денег»⁷⁸. Наличие этой границы между наличными и безналичными деньгами в советской экономике отмечает и известный, бывший советский, а сейчас американский экономист, Игорь Бирман⁷⁹.

В сфере наличного рубля строгие требования предъявлялись в выполнении так называемого кассового плана, т. е. был строгий контроль за расходом и приходом наличных рублей. В сфере безналичного рубля в отношении безналичных, не обеспеченных фондами, такого вообще не наблюдалось.

Еще одним доказательством раздельного существования этих двух миров служит следующее соображение, — огромное количество неотоваренных рублей охотно поглотит выброшенный на прилавки дефицит (например, хорошие книги или качественную обувь). Но эти наличные не могут превратиться в безналичные, обеспеченные материальными фондами, которые необходимы для увеличения производства данных

⁷⁸ Воробей И.Ф. Уроки минувшего. — М.: Жуковский. Кучково поле, 2003. — С. 38.

⁷⁹ Бирман И. // Вопросы экономики. — 1989. — № 9.

книг и обуви. В развитых странах с рыночной экономикой рост спроса населения на книги и обувь автоматически бы привел к увеличению средств производства, необходимых для большего выпуска книг и обуви. Там нет двух денежных миров, – наличные легко превращаются в безналичные, любой вид денег может легко приобрести средства производства, жизненные средства, рабочую силу.

В тех же развитых странах, если отрасль является низкорентабельной и испытывает кризисные явления, то и зарплаты там низкие, а если отрасль на подъеме (как в IT-технологиях), то уровень зарплат там весьма высок. В плановой экономике картина вполне может быть другой, – в низкорентабельной (а то и убыточной) угледобывающей отрасли существует высокая зарплата шахтеров, а в высокорентабельной обрабатывающей промышленности – значительно более скромные зарплаты работников.

Почему это происходит? Потому что тут существуют два денежных мира. В мире наличного рубля шахтер рассуждает так, – моя работа вредная и опасная, поэтому я буду работать только за высокую зарплату (высокую, конечно, по сравнению со средней зарплатой по стране, а сама эта средняя зарплата может быть очень скромной по сравнению с другими странами благодаря монопольному положению государства внутри страны при покупке рабочей силы). Далее, продолжает шахтер, – мне все равно каковы расчетные цены между угледобывающей отраслью и другими отраслями экономики. Это дело собственника–государства и меня они не касаются. Я продаю только свою рабочую силу и хочу продать ее подороже. Если в угледобывающей отрасли мне готовы предложить соответствующие условия, то я буду здесь работать.

Аналогично рассуждает наемный работник в обрабатывающих отраслях. Работа здесь полегче и менее вредна чем у шахтера, а значит, я согласен на более низкую зарплату. И мне все равно какие расчетные цены между моей отраслью и угледобывающей. Мне все равно насколько рентабельна моя отрасль по сравнению с другими.

В плановой экономике мир наличного рубля и мир безналичного рубля практически не зависят друг от друга. В мире частного капитала, если частное предприятие не имеет денег на расчетном счете, то оно не может выплатить зарплату. В плановой же экономике отсутствие безналичных на счете государственного предприятия никак не оказывает влияния на движение наличных рублей, и зарплата может регулярно выдаваться при нулевом безналичном счете на государственном предприятии:

В 1989г. была сделана определенная попытка отменить границу между двумя денежными мирами, – мол в развитых странах такой границы нет, давайте и мы пойдем в этом направлении. К чему это реально привело при сохранении государственной монополии на средства производства? Наличные рубли стали проникать в сферу средств производства и скупать их. В качестве примера можно привести известную золотодобывающую артель Туманова. Ребята из данной артели стали скупать старые, списанные, отработанные золотодобывающие драги. Как рукастые мужики они привели их в нормальное рабочее состояние и как независимые собственники стали промышленным способом добывать золото. (Как они говорили, – раньше мы 9/10 золота отдавали государству, а теперь отдаем ему 1/10). Стала разрушаться монополия государства на средства производства, а помимо этого частный собственник стал явно показывать свое явное преимущество в организации хозяйственного процесса.

С другой стороны, безналичный рубль (в первую очередь «пустой», не обеспеченный фондами) со счетов государственных предприятий вторгся в сферу жизненных средств. Предприимчивые директора советских предприятий, пользуясь моментом стали скупать дефицитные товары народного потребления. Поэтому именно 1989г. стал началом периода острого дефицита, – появление карточек, визитных карточек для москвичей и т.д. (Помню такой личный пример того времени. Стою за каким-то дефицитом в московском ГУМе, очередь большая, стоят как москвичи, так и приезжие. Но продавщица одна, очередь движется медленно. Люди начинают возмущаться, на что продавщица отвечает, – будете шуметь, буду отпускать только по визитным карточкам москвича. Очередь сразу успокаивается).

Система при волевой отмене данной границы между двумя денежными мирами, но при сохранении монополии государства, явно пошла вразнос, и поэтому через короткое время (несколько месяцев) она была восстановлена. И данная граница существовала вплоть до реформ 1991-1992гг., когда была проведена приватизация государственных предприятий. Разделение труда между независимыми собственниками (которыми стали бывшие госпредприятия) привело к товарным отношениям в области средств производства. Товаром стало все, что производится в обществе – жизненные средства, средства производства, рабочая сила. Исчезла монополия государства на средства производства, и пропал мир безналичного рубля. Наличные и безналичные стали единым миром как в развитых странах. Они легко переходят друг в друга, на них можно все купить, что производится в обществе.

При существующих отношениях собственности в плановой экономике наличные рубли являются обязательствами государства перед наемными работниками (населением), а безналичные рубли госпредприятий есть всего лишь «обязательства» государства перед самим собой. Это два разных вида денег. Это два денежных мира. Соединение между этими двумя мирами должно находиться под строгим контролем государства, так как беспрепятственное превращение безналичных денег госпредприятий в наличные неизбежно ведет к тому, что обязательства государства перед населением в этом случае растут как снежный ком.

Государство вынуждено разделять эти два вида денег. «Преобладающая часть налично-денежного оборота опосредствует отношения социалистических предприятий и организаций с населением, а также между гражданами. Налично-денежный оборот между предприятиями незначителен, так как основная часть расчетов между ними производится безналичным путем»⁸⁰. «Организация денежной системы предусматривает **четкое разграничение сфер функционирования денег в безналичной и налично-денежной формах** [выделено автором. – П.В.]. Внутрихозяйственный оборот (между социалистическими предприятиями) происходит главным образом безналичным путем, а оборот денежных доходов населения – с помощью наличных денег. В связи с этим одной из задач в области организации денежного обращения является поддержание установленных границ между оборотом наличных денег и безналичным оборотом. С этой целью банки ограничивают выдачу предприятиям наличных денег для расчетов между собой, контролируют соблюдение порядка безналичных расчетов за товары и услуги, которые в основном предназначены для реализации населению за наличные деньги. Банки осуществляют строгий контроль за превращением денег безналичного оборота в наличные...»⁸¹.

Ряд дополнительных соображений общего плана по этому вопросу можно прочитать в Приложении №10.

⁸⁰ Финансы и кредит СССР. – М., 1989. – С. 249.

⁸¹ Там же. С. 248.

ЧАСТЬ 5

ОСОБЕННОСТЬ ПОЛУЧЕНИЯ ПРИБЫЛИ В ПЛАНОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

1. О природе прибыли

Если по-иному выразить изречение физика Людвиг Больцмана о том, что задача физики заключается в том, чтобы показать единство законов природы, то можно сказать, что задача экономической теории заключается в том, чтобы показать единство законов экономики в человеческой истории (но, здесь можно добавить – и в истории животного мира в целом).

Человек вышел из животного мира и вынес из него основы своей деятельности и поведения. Образно говоря, мы только выглядываем на полголовы из животного мира, а все остальное до сих пор принадлежит этому животному миру. Р. Каррингтон высказывает по этому поводу довольно суровое мнение: «Человек – это наиболее преуспевающий и безжалостный хищник из всех, которых когда-либо создавала эволюция. Он обрекает на вымирание многие существа, истребляя их ради мяса и шкур или неумышленно резко изменяя окружающую среду. Этот процесс продолжается и поныне, поскольку, расселяясь по Земле, человек все более и более истребляет животное царство, царство, которому в конечном счете относится и сам он»⁸².

Основа поведения любого живого организма – добыча пищи и личная безопасность. У живых организмов тоже есть своя, пусть и примитивная экономика. Принципы этой экономики, принципы добычи пищи у человека те же самые, что и у любого живого организма. Самый главный принцип – *минимум затрат при достижении максимального результата*. Или говоря иными словами, – энергия, затраченная на поимку добычи, должна быть меньше чем энергия, полученная от поедания этой добычи. Впрочем, здесь надо учитывать и личную безопасность животного, т.к. минимум затрат при охоте подразумевает и минимум различных сопутствующих травм (вплоть до смерти самого охотника).

⁸² Каррингтон Р. Млекопитающие / пер. с англ. А.Д. Базыкина; предисл. проф. В.Г. Гептнера. – М.: Мир, 1974. – С. 44.

Сопоставление человека и иных представителей животного мира не нов. Так Д. Норт отмечает: «В последние годы социобиологи и экономисты объединили усилия для изучения параллелей между основополагающими чертами генетического выживания и эволюционного развития животных и аналогичными моделями поведения людей. Многие экономисты пришли к выводу, что этот подход не только заслуживает внимания, но и позволяет сделать важные заключения о человеческом поведении»⁸³.

Следуя вышеуказанному автором принципу каждый живой организм, начиная от простейшей бактерии стремится к тому чтобы результаты его деятельности были больше, а затраты меньше. Так бактерия в воде стремится переместиться туда, где для нее оптимальная температура, много еды и мало хищников. Белка не живет на болоте, т.к. затраты на добывание еды очень велики – ближайшая шишка находится на расстоянии нескольких километров. Она стремится жить в лесу, где затраты на добывание очередной шишки минимальны – ведь шишка висит на соседней ветке. Белка выбирает условия при которых обеспечивается принцип – минимум затрат при максимальном результате, т.е. минимум энергии при добыче пищи и максимум энергии, получаемой от пищи. Белка стремится обитать там, где много корма, мало хищников, хорошие условия для выведения потомства и т.д.

Если белка не соблюдает данный принцип в силу ряда причин (засуха, болезни и т.д.) и получает энергии от пищи меньше энергии, которую она затратила на добывание данной пищи, то беличий род в ближайшем будущем обречен на вымирание.

Та же ситуация полностью характерна для первобытного охотничьего племени, – при удачной охоте охотники не только восстанавливают свою энергию, потраченную на охоте, но и могут определенное время кормить остальное племя и сами не охотиться, питаясь избыточным мясом. Противоположная тяжелая картина возникает, если в силу ряда причин результаты охоты скудные, и пойманная добыча не позволяет даже восстановить силы и энергию самим охотникам.

Если отнять энергию, полученную от пищи, от энергии, затраченной на добывание пищи, то можно говорить о получении своеобразной «прибыли», или, наоборот, своеобразного «убытка». Получение

⁸³ Норт Дуглас Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. – М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. – С. 38. (Современная институционально-эволюционная теория).

«прибыли» говорит о благополучном существовании животного организма, а получение «убытка» в течение определенного времени ставит вопрос о самом существовании животного.

Иными словами, если соблюдается неравенство

Э(полученная от пищи) > Э(затраченная на получение пищи),

то живое существо нормально функционирует и размножается. Причем чем больше эта «прибыль», этот разрыв между двумя видами энергии, тем больше возможностей возникает у животного. (Хотя, как показывают исследования животного мира, в ряде случаев это ведет к консервации биологического развития и остановке на данной ступени развития).

Тем же самым принципом животного мира – *минимум затрат при достижении максимального результата* – руководствуемся и мы люди в повседневной жизни. Так, стремясь попасть в Москве быстрее домой после работы, мы выбираем маршрут, который требует от нас минимум затрат времени, энергии и денег, хотя никто не мешает нам 10 раз обойти вокруг московской кольцевой автодороги чтобы попасть домой. Если же ваш друг на машине предложит вам вас подвезти домой, и вы увидите, что это еще более выгодный маршрут, то при прочих равных условиях вы выберете данный вариант.

Если же обратиться к коммерческой фирме, которая является «квазиживым» существом в том смысле, что в основе ее деятельности лежат вышеуказанные принципы существования животного мира (в том числе, как было показано, и человека), то она тоже стремится к максимизации результата (в данном случае к максимизации выручки, к максимизации дохода) и к минимизации затрат. Если доход превышает затраты, то фирма получает прибыль, и если доход (выручка) меньше затрат, то возникает убыток. Так статья 247 Налогового Кодекса гласит «Прибылью в целях настоящей главы признается.... полученные доходы, уменьшенные на величину произведенных расходов»⁸⁴.

В первом случае (получение прибыли) фирма благополучно существует и дальше (подобно благополучному существованию животного организма). Во втором случае (получение убытка) фирма начинает испытывать кризисные явления и через некоторое время при сохранении убытков будет вынуждена прекратить свою деятельность (подобно смерти животного при сходных условиях). Если говорить более конкретно, то прибыль (убыток) бухгалтерия коммерческой фирмы,

⁸⁴ Налоговый Кодекс Российской Федерации: Ч. 2 от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 17.02.2021).

которая находится на общей системе налогообложения (ОСНО), подсчитывает на 90-м и 91-м счетах, вычисляя ежемесячно сальдо дебета и кредита данных счетов. После вычисления сальдо (например, положительное сальдо по кредиту данных счетов означает получение прибыли) в конце месяца данные счета обнуляются, и с помощью принципа двойной записи итоговый результат месяца (прибыль либо убыток) переносится на другой счет.

Таким образом, соотношение затрат и результатов при стремлении к минимизации затрат и максимизации результатов, характерно и для экономики животного мира, и для экономики человека. Тут вполне уместно вспомнить экономический империализм Беккера, и подчеркнуть, что общие принципы экономики могут прилагаться не только к разным отраслям человеческой деятельности, но и к животному миру (а точнее, наоборот, принципы экономики животного мира применимы и к экономике людей, т.к. люди как биологические организмы вышли из этого мира животных (точнее только несколько «приподнялись») и до сих пор подчиняются многим законам этого мира).

Если же воспользоваться марксистской терминологией, то добычу в животном мире и у первобытных охотничьих племен можно рассматривать как своеобразный «товар», который был «обменен» у окружающей природы на определенное количество энергии, необходимой для получения этого «товара». В этом случае «меновая стоимость» этого «товара» равна энергии, потраченной на получение добычи, а «потребительная стоимость» равна энергии, полученной от поедания данной пищи. Разница между «потребительной стоимостью» добычи и ее «меновой стоимостью» и создает «прибыль» (либо убыток), которая наглядно выражается в том, что живые существа могут иметь свободное время, не заботясь о пропитании.

Это свободное время может быть использовано по-разному – например, для ухода за шерстью и сбором запасов на зиму у белок, ритуальными танцами и обрядами, заготовлением пищи впрок у первобытных охотников. (Нужно отметить, что в марксистской парадигме возникновение прибыли (а значит разница между меновой и потребительной стоимостями) связано только с использованием живого человеческого труда – в первую очередь наемного).

Вообще, если дальше использовать марксистский подход, то вышеуказанные ситуации можно рассматривать не с точки зрения получаемой и отдаваемой энергии, а с точки зрения количества трудозатрат, т.е. сопоставления времени, необходимого для добывания пищи

(добычи) и времени, которое позволяет животному нормально функционировать после поедания данной пищи (добычи). В случае удачной охоты, когда, например, животное (или первобытные охотники) охотилось 2 суток, а полученной добычи хватает на нормальное недельное существование, то соотношение этих 2-х видов времени составит 2:7. Эта ситуация создает необходимые благоприятные условия для существования и животного и охотников.

Если же ситуация неблагоприятная, когда время, потраченное на охоту больше чем время, которое позволяет животному нормально функционировать после поедания данной добычи, и соотношение этих 2-х видов времени составляет, например, наоборот 7:2, то и животное, и охотники попадают в кризисное положение. И если данное кризисное положение продолжает определенное время повторяться, то голодная смерть и животных, и охотников обеспечена. В целом можно сказать, что подход с точки зрения затрат времени дает тот же результат, что и с точки зрения затрат энергии.

Однако давайте рассмотрим животный мир в вышеуказанных ситуациях более конкретно. Живой организм лишь постольку может существовать, что для своей жизнедеятельности он вынужден тратить энергию, белки и углеводороды, жиры и витамины (впрочем, есть ряд простых организмов, которые в анабиозе тратят совершенно крохотное их количество). Процесс переработки пищи является практически автоматическим и затруднений у животных вообще-то не вызывает. Но другая сторона – добывание пищи, является большой и трудной проблемой для подавляющего большинства животных организмов.

Такой известный специалист данного мира как Альфред Брэм пишет о необходимости приложения усилий (работы) для любого живого существа: «Как ни благодетельна мать-природа, как ни мудро устроен Божий мир, животные находят себе пропитание лишь с большим трудом. Не везде накрыт готовый стол для каждого из них и не во всякое время. Не всегда насекомоядные птицы могут найти нужных для их пропитания насекомых; эти последние в свою очередь не всегда находят сочные стебли или плоды растений, – словом, жизнь всякого животного находится в тесной зависимости от жизни других животных или от растений, а все это, в свою очередь, находится в полной зависимости от различных явлений природы, от физических условий населяемой ими местности»⁸⁵.

⁸⁵ Брэм А. Жизнь животных. Т. I. Млекопитающие. Гл. 3. «Основные свойства животных. Питание». URL: <https://avidreaders.ru/read-book/zhizn-zhivotnyh-tom-i-mleko-pitayuschie.html?p=12>.

Далее он отмечает: «Каждое животное принимает пищу, без чего не мыслимо самое существование его. Необходимость постоянно вводить извне в организм новые массы питательного вещества обуславливается для всех животных тем, что частицы, из которых состоит живой организм, беспрестанно изменяются, разрушаются и поэтому должны постоянно возобновляться. Самый жизненный процесс главным образом и заключается в этом беспрерывном изменении и возобновлении веществ, составляющих организм. Извне поступает кислород, который окисляет сложные органические вещества, из которых построены ткани животного, и разрушает их, причем образуются менее сложные соединения, именно: углекислота, вода, мочевины, некоторые минеральные соли, которые удаляются из организма: углекислота через посредство органов дыхания, остальные вещества при помощи особых выделительных органов. Именно это беспрестанное изменение химического состава материи, из которой складывается организм, и является источником всех сил (теплота, электричество, мускульная и нервная работа и др.), наличием которых характеризуется живой организм.

Очевидно, что при постоянной потере веществ, которую несет организм во время своей жизни, столь же беспрестанно должно происходить и возобновление их введением новых веществ, которые, будучи известным образом переработаны, могли бы стать на место разрушенных, так как только таким образом может поддерживаться существование живого организма. Под влиянием такой необходимости, каждое животное питается, т. е. вводит из окружающей природы внутрь своего тела различные вещества, перерабатывает их определенным образом и полученные новые частицы размещает по различным тканям своего тела, где в них ощущается надобность; таким образом происходит восстановление веществ, утраченных при разнообразных жизненных процессах. Организм животного беспрестанно возобновляется; в каждом органе, в каждой частице его ткани непрерывно совершается разрушение вещества и замена его новыми, вновь приобретенными извне»⁸⁶.

Стремление к минимизации затрат при охоте ведет у хищников к появлению эффективной маскировки, – без маскировки более быстрая дичь будет издали замечать врага, и эффективность охоты будет снижена до опасного предела. Аналогичная картина наблюдается у травоядных – маскировка дает возможность серьезно снизить затра-

⁸⁶ Там же. Гл. 3. «Основные свойства животных. Питание».

ты и соответствующие риски при приеме растительной пищи. Тот же А. Брем отмечает: «Лев, подстерегающий добычу, притаившись между скал пустыни, окрашен под цвет этих скал. Бенгальский тигр разрисован черными полосками, которые представляют полное сходство с полосками теней, которые при ярком освещении южного солнца отбрасывают стебли многочисленных растений индийских джунглей, где обитает тигр. Ягуар, высматривающий жертву из-за древесного ствола, испещрен округлыми темными пятнами, которые представляют полное сходство с тенью густой листвы деревьев. Наш обыкновенный заяц летом носит скромное серое одеяние, которое удивительно гармонирует с цветом потемневших стволов деревьев и почвы. Но с наступлением зимы, когда земля покрывается белой снежной пеленою, заяц меняет свою шубу и одевает шубку столь же белую, как и сам снег... Спрятаться, притаиться, надеть на себя шапку-невидимку – одинаково добиваются и могущественный хищник, и его слабая жертва»⁸⁷.

Уровень маскировки хищника доходит до того, что в Норвегии есть хищная оса (семейство Crabronidae), которая внешне совершенно походит на тех мух, на которых она охотится, и поэтому легко может приближаться к своим жертвам.

Помимо маскировки тактика охоты позволяет увеличить эффективность охоты (т.е. уменьшить затраты и увеличить результат). Так общеизвестно, что хищники семейства кошачьих подкрадываются к своей добыче плавными, неслышными шагами с чрезвычайной внимательностью и чутко прислушиваясь ко всей окружающей обстановке. Малейший шорох или движение привлекает их внимание, и они внимательнейшим образом выясняют его причину. При этом они передвигаются в полусогнутом положении и при необходимости надолго замирают, при этом держась по ветру от возможной добычи. Определив, что они достаточно приблизились к добыче, они в один или несколько прыжков, развивая максимальную скорость, настигают свою жертву. Далее используя свои когти и зубы, они хватают добычу и делают несколько укусов. Затем они немного ослабляют свои челюсти, но так чтобы животное не могло сбежать и наблюдают за добычей, а при наличии признаков жизни снова кусают ее. Чтобы иные хищники не позарились на добычу, кошачьи обычно затаскивают ее в скрытое или малодоступное место (например, на дерево), где пожирают ее с спокойствием и наслаждением.

⁸⁷ Там же. Гл. 3. «Основные свойства животных. Питание».

К этому могу добавить мои наблюдения за охотой собственного кота. Когда я тащу чучело мыши на веревочке, то кот пригнувшись и прижав уши только с полным вниманием наблюдает за «мышью». Как только «мышь» поворачивает за угол, кот стремительно бросается вслед и хватает ее. Такая тактика дает коту 2 важных преимущества: во-первых, – жертва, поворачивая за угол, должна сильно отвлекаться на исследование нового пространства при этом инстинктивно полагая, что пройденное пространство позади ее весьма безопасно, во-вторых, – угол скрывает от жертвы основную часть броска кота, вследствие чего кот попадает в поле зрения жертвы в самый последний момент, что практически не дает времени добыче на соответствующую реакцию.

Немаловажным фактором увеличения эффективности охоты является предварительный сбор информации о потенциальной жертве. Ряд специалистов отмечает, что даже лев, тигр и пума боятся первоначально человека и почти трусливо уходят при его приближении; но когда они выясняют его трусость и иные слабости, значительное время внимательно наблюдая за ним и изучая его, то становятся его страшнейшими врагами.

Также хищники широко используют преимущества коллективной охоты, – широко известно, что и львицы, и волки охотятся следующим образом, – одни хищники сидят в засаде, тогда как другие гонят на них добычу. А. Брэм описывает это так: «Когда добычи становится мало, особенно зимой, волки, словно сознавая всю выгодность кооперативного труда, соединяются в стаи для совместной охоты. Стая идет, обыкновенно растянувшись в длинную колонну, причем каждый волк старается не только идти в один ряд, но и попасть в след предшественника. Оттого определить число членов стаи бывает иногда затруднительно и для опытного охотника. В случае нужды стая быстро распадается, словно по команде, занимая определенные места.

У Ромэнса рассказывается, как один охотник увидел двух волков, из которых один прилег во рву, а другой пошел по открытой равнине, где в это время паслось стадо антилоп. Волк – явно нарочно – обогнул стадо, вспугнул его и погнал, точно как овчарка гонит стадо овец, прямо к тому месту, где сидел его товарищ. Когда антилопы перебежали через ров, сидевший в засаде волк выскочил и схватил одно животное. После этого к нему присоединился и союзник для дележа добычи»⁸⁸.

⁸⁸ Брэм А. Жизнь животных Т. I. Млекопитающие. Гл. 7. «Система животного мира». URL: <https://avidreaders.ru/read-book/zhizn-zhivotnyh-tom-i-mlekopitayuschie.html?p=12>.

В море зачастую дельфины образуют полукольца вокруг рыб, чтобы вытолкнуть их к мелководью, и там съесть. Причем в этом случае дельфины как социальные животные не сразу бросаются на косяк рыб, а продолжают держать его в круге, чтобы все члены дельфиновой стаи смогли насытиться едой.

В том случае, когда хищник в силу ряда причин (неопытность, состояние крайнего голода и т.д.) пренебрегает принципом минимизации затрат и риска, то он серьезно рискует получить ущерб несопоставимо более высокий чем выгода от полученной добычи. При подобной охоте хищник вполне может получить серьезные увечья и травмы, делающими его вообще непригодным для дальнейшей охоты, не говоря уже о его смерти. Подобные ситуации часто встречаются в дикой природе. Это живописно описывает А. Брэм на примере схватки нескольких львов и дикого буйвола: «Рогатый великан [дикий буйвол], со своим грозным оружием, не под силу даже мощному «царю зверей», а слепое бешенство делает буйвола вдвойне опасным противником. Это не робкая антилопа, и, прежде чем овладеть такой добычей, львам приходится выдержать отчаянную борьбу. Исход боя сомнителен. Часто случается, что великан гибнет в схватке, побежденный не столько силой, сколько ловкостью противников. Но если лев не успеет увернуться от всеоключающего удара рогов, ему нет спасения. Обезумевшее от ярости животное топчет и рвет своего царственного врага, иногда подбрасывая его на воздух, подобно мячу. Покончив с одним, рогатый исполин принимается за другого противника, которого не спасают ни страшные зубы, ни мощные когти. Иногда подобным же образом расправляется с «царем зверей» и дикий кабан»⁸⁹. В ряде случаев на помощь одному буйволу приходит целое стадо, и львы благоразумно убегают прочь.

Поэтому если у львиного прайда есть выбор, то они выбирают оптимальный вариант, – например, есть возможность напасть на здорового сильного буйвола недалеко от его стада, или напасть на такого же, но ослабевшего буйвола, застрявшего в болоте далеко от стада, то несомненно будет выбран второй вариант. Минимум затрат (и риска) и максимум результата – негласный лозунг этих опытных хищников, стремящихся выжить в дикой природе (те, кто не следует этому правилу быстро отсеиваются). Люди назвали бы это выбором оптимальной инвестиции из имеющихся вариантов.

Помимо вышеуказанных способов охоты есть много других приемов (правильный выбор места охоты, времени суток, учет направле-

⁸⁹ Там же. Гл. 7. «Система животного мира».

ния ветра, использование ядовитых желез, возможность переключаться на иные источники пищи, заготовление пищи впрок и т.д.). Сам способ добывания пищи по мнению Р. Каррингтона оказал серьезное влияние на эволюцию предков человека: «Существование в раскачивающихся кронах деревьев предъявляло столь высокие требования к координации работы мышц и к управлению движениями, что у далеких предков обезьян и человека начал развиваться сложный мозг, по сию пору являющийся отличительной чертой лишь отряда приматов»⁹⁰. Также очень высокая способность человека переключаться на иные источники пищи сыграла по мнению Р. Каррингтона в целом важную роль: «Именно выдающаяся способность рода человеческого приспосабливаться к самой разнообразной пище сыграла немаловажную роль в том, что человек распространился по всей Земле»⁹¹.

Энергия, получаемая от пищи, для разных животных разная. У многих растительноядных животных много времени занимает поглощение пищи, которая занимает большой объем, а при выборочном поедании различных растений это связано еще с передвижением по значительной территории. Такие растительноядные животные вынуждены ежедневно проводить за едой по несколько часов в сутки. Хищники же насыщаются значительно быстрее по времени, но сам процесс выслеживания и преследования добычи занимает значительное время, — иногда до нескольких суток.

Для полноты картины можно отметить, что помимо непосредственно пищи животный организм также нуждается в минеральных веществах, — широко известно о посещении дикими животными природных и искусственных солонцов. Например, лось (самец) нуждается в соли не только для поддержания нормального химического состава крови, но и для нормального роста рогов. В первоначальный период роста рогов около трех четвертей потребляемых минеральных солей идёт на их развитие, и только оставшаяся четверть направляется на другие нужды организма животного. При отсутствии близкорасположенных солонцов наблюдается миграция лосей к более отдаленным подобным местам. Данное обстоятельство увеличивает величину затрат (времени и энергии), необходимых для нормального воспроизводства животного организма. (Можно отметить, что в сельском хозяйстве широко используется соль-лизунец как необходимая часть диеты крупного рогатого скота).

⁹⁰ Каррингтон Р. Млекопитающие / пер. с англ. А.Д. Базыкина; предисл. проф. В.Г. Гептнера. — М.: Мир, 1974. — С. 38.

⁹¹ Там же. С. 84.

Различного рода птицы нуждаются в мелких камешках, которые играют важную роль в переработке пищи. Поэтому птицы регулярно посещают берега рек, обочины дорог и шоссе, чтобы поклевать небольшие камешки. Это тоже увеличивает затраты на воспроизводство птичьего организма.

Но когда животные могут уменьшить различного рода подобные затраты, то они несомненно прибегают к ним, – так многие охотники отмечают, что для волков близость воды – основное условие при выборе логова для выведения потомства. Поэтому охота на волков зачастую начинается с предварительного поиска возможных водоемов.

Итак, после развернутого обзора добывания пищи в животном мире можно сказать, что принцип минимизации затрат и максимизации результата (минимум трат энергии на затраты и максимум энергии от добытой пищи) действует в этом мире всеобъемлюще и непреложно.

1). Если *Энергия (полученная от пищи) > Энергия (затраченная на добывание пищи)*, то (при прочих равных условиях) животный организм может благополучно существовать и продолжать свой род.

2). Если *Энергия (полученная от пищи) = Энергии (затраченной на добывание пищи)*, то (при прочих равных условиях) животное вынуждено все свое время (за исключением сна) посвящать охоте и добыванию пищи. Это ставит животное на край критической ситуации, не говоря о том, что дополнительная энергия для выведения потомства явно отсутствует.

3). Если *Энергия (полученная от пищи) < Энергия (затраченная на добывание пищи)*, то (при прочих равных условиях) зверь, птица, насекомое начинают слабеть, и при продолжении данной ситуации обречены на гибель через некоторое время.

А так как инстинкт самосохранения является самым важным и глубоким в природе, то весь животный мир стремится к первой вышеуказанной позиции. Поэтому при неблагоприятных условиях, – например, зимой, когда пищи мало и на ее добычу уходит заметно больше энергии чем летом, жизненно важным элементом выживания для многих животных является снижение затрат путем спячки, когда необходимость в пище снижается до минимума.

В человеческом мире первую позицию назвали бы прибыльной инвестицией, вторую – безубыточной инвестицией, а третью – убыточной. Животный мир переполнен инвестициями, ведь в самом широком смысле инвестиция – это разного рода затраты (энергии, времени, нервов и т.д.) для получения определенного полезного результата.

На планете Земля животные поедают растения и других животных. Жизнь на нашей планете есть бесконечный круговорот инвестиций, когда одни едят, а другие являются пищей.

Дикая кошка охотится не просто так, а с целью получения добычи; спит не просто так, а для восстановления нормального функционирования своего организма; вылизывается не просто так, а для поддержания хорошего состояния своей шерсти и отсутствия своего запаха при охоте и т.д. Жизнь человека, как существа из животного мира, также переполнена инвестициями, – покупка продуктов в магазине имеет целью приобретение пищи, сон имеет целью восстановление жизненных сил организма, зарабатывание денег имеет целью получения средств для существования. Даже просто поход в музей преследует цель – удовлетворить человеческое любопытство, а пустое времяпровождение – насладиться спокойным отдыхом и ничегонеделанием.

Сравнение затрат и результатов является одним из основных моментов при выборе из нескольких возможных инвестиций (надо отметить, что другими не менее важными моментами являются степень риска, опыт в данной сфере и т.д.). Это верно, как для животных, так и для человека. Гиены будут в первую очередь охотиться на хромую и покалеченную зебру, а не на здоровую, т.к. результат охоты в обоих случаях будет одинаков, а затраты в первом случае значительно ниже. Первобытные охотники без всякого сомнения тоже выберут первый вариант с покалеченной зеброй.

Современный человек также при покупке продуктов пойдет в ближайший магазин, а не в расположенный на другом конце города (конечно, при условии одинакового ассортимента, качества продукции, цен и уровня обслуживания). Результат будет тот же, а затраты ниже.

В основе деятельности коммерческой фирмы лежат интересы человека – собственника этой фирмы, и поэтому она также стремится к минимизации затрат и к максимизации прибыли. Результаты деятельности коммерческой фирмы за месяц подсчитываются в виде сальдо на 90 и 91 счетах. Данное сальдо показывает прибыль (либо убыток) за прошедший месяц. (Это верно для фирм, работающих на ОСНО). Если же коммерческую деятельность ведет малый бизнес (различные ИП, ООО, ЗАО и т.д.), то он ведет КУДР (книга учета доходов и расходов), где учитываются без всякой двойной бухгалтерской записи доходы и расходы (включая амортизацию) за квартал. Сравнение доходов и расходов в конце квартала показывает субъектам малого бизнеса как они работали – с прибылью или с убытком.

Итак, можно сделать следующий вывод – своеобразная «прибыль» появилась в животном мире уже с самого его начала, а в человеческом мире немного преобразовалась (по форме, но не по существу) в известную нам прибыль коммерческих фирм и организаций. Поэтому прибыль не является «изобретением» исключительно человеческого общества, в т.ч. современного капитализма.

2. Получение «прибыли» как результат взаимодействия различных «биологических» и «небиологических механизмов»

Живой организм можно образно сравнить с «биологическим механизмом». (Вообще такой подход не является новым, – это делал еще Леонардо да Винчи, а позже французские материалисты XVIII века (Ламетри)). Ряд других вещей в свою очередь можно назвать «небиологическими механизмами» (почва, климат, бобровые плотины, многочисленные машины и оборудование у человека). Для чего это делается? Данное исследование делается автором в первую очередь для того, чтобы проанализировать истоки человеческой экономики и поэтому данные названия позволяют сделать это наиболее легко и понятно (как это автор покажет в дальнейшем).

Ранее было рассмотрено различное поведение животных, которые разными способами стремились минимизировать затраты и максимизировать результат при добыче пищи. Теперь посмотрим, как на это влияет окружающая среда (количество влаги, состояние почвы, солнечное освещение, температура воздуха и т.д.), т.е. своеобразный «небиологический механизм». Если этот «небиологический механизм» сдвинулся в благоприятную сторону для животного мира, т.е. стало больше травы, больше водоемов, время засухи заметно сократилось, благоприятная температура стала держаться почти всегда, стало больше всякого корма и т.д., вследствие чего количество различных животных, птиц и насекомых выросло, то очевидно, что время, потраченное на различного рода охоту, сократится, а результат останется тот же.

Например, раньше какая-то птица тратила 4 часа в день на поиск крупных жирных гусениц. Предположим также, что одной такой гусеницы ей хватало для обеспечения нормального функционирования своего организма в течение суток. Теперь же, попав в такие благоприятные условия, описанные выше, когда такой ползающей живности стало значительно больше, она тратит всего 2 часа на добычу такой гусеницы. Явно, что она уменьшила количество энергии (2 часа,

а не 4 часа) при добыче пищи, а результат (количество энергии, заключенной в гусенице) остался тот же. Вследствие этого своеобразная «прибыль», т.е. разница между затратами и результатом выросла.

А теперь мысленно уберем эти благоприятные условия и заменим их на прежние, более скудные. Ясно, что теперь придется на добычу гусеницы тратить 4 часа, – затраты возрастут, а результат останется прежним. Разница между ними (своеобразная «прибыль») уменьшится. *Отсюда следует, что окружающая среда (этот «небиологический механизм») создает дополнительную «прибыль» для птицы.* Если посмотреть на человеческое общество, то тот же «небиологический механизм» создает дифференциальную ренту №1. Земледелец на скудной сухой почве получает небольшой урожай, который позволяет ему окупить затраты и получить небольшую прибыль, а другой человек, работая на плодородной земле и неся те же затраты, что и первый, выращивает обильный урожай, и получает заметно большую прибыль.

Посмотрим на нашу современность, – население современных Объединенных Арабских Эмиратов (ОАЭ) практически не работает. Почему? Потому что природа создала для этих людей исключительно благоприятные условия, – природа создала под их землей огромные запасы высококачественной нефти, которые находятся недалеко от поверхности, эти запасы находятся рядом с незамерзающим Персидским заливом, который также благожелательной природой бесплатно соединен с Индийским океаном, который в свою очередь бесплатно соединен со всеми остальными океанами (также учтем, что транспортировка морским транспортом является (как отмечал еще Адам Смит) самой дешевой из всех видов транспорта, – с ней может сравниться только трубопроводный, эффективность которого однако зависит от объема перекачиваемой жидкости). Вследствие этого затраты на добычу и транспортировку нефти очень малы, а значит прибыль от вышеуказанной ренты очень велика.

Таким образом, изменение окружающей среды (функционирование «небиологического организма») с экономической точки зрения работает одинаково и у животных, и у человека.

(Примечание. Давид Рикардо назвал бы данную ситуацию как демонстрацию состояния «редкости». Чем реже встречается вещь, тем она дороже и наоборот. В данном случае, когда гусеницы редки, вследствие чего возрастает время и энергия на ее нахождение, то птица для поимки гусеницы вынуждена «обменивать» ее на 4 часа поисков. Когда же подобной пищи много, и она не редка, то птица «меняет» гусеницу на 2 часа охоты.

Если использовать марксистскую терминологию, то можно было сказать, что необходимое рабочее время уменьшилось на 2 часа, и эффективность труда птицы выросла. Также можно заметить, что несмотря на то, что Маркс заявил о том, что он покажет, что земельная рента является частью прибавочной стоимости, он так этого и не смог доказать.)

Все мы знаем о существовании сезонности в природе. Природа то «улыбается» периодически животным, то периодически становится весьма и весьма суровой. Именно поэтому большинство животных размножается в благоприятные периоды (летний период в умеренных широтах), когда затраты на себя и на потомство относительно невелики, и прибегает к разным приемам для сокращения затрат в зимний период. Принцип для выживания везде один и тот же – затраты энергии, которая расходуется организмом, должны быть меньше энергии, полученной от добычи. Вот что пишет А. Брэм по поводу смены сезонов: «Сущность спячки заключается в том, что жизненный обмен веществ в организме на это время уменьшается до минимума, так что уменьшается трата веществ, составляющих ткани спящего животного, а вследствие этого уменьшается также и потребность в их восстановлении, т. е. в питании. Животные умеренного пояса погружаются в спячку зимой: в теплых странах зимы не бывает, и резко различаются между собой лишь два времени года: дождливое и сухое. Отсутствие влаги в сухое время года отражается на жизни организмов также, как у нас понижение температуры, и связано с уменьшением или полным отсутствием пищевых продуктов для животных; поэтому спячка животных жарких стран приурочивается к сухому времени года. У многих птиц выработалось совершенно иного рода приспособление для избежания неблагоприятных условий зимнего существования. Имея в своем распоряжении могущественный орган передвижения – крылья, они покидают свою родину на весь зимний период и перелетают в другую страну, где зимы нет. Такой правильный перелет птиц из одной страны в другую, иногда на расстояние более 1000 верст, совершают очень многие птицы наших стран»⁹².

Но те, у кого нет крыльев, и кто не впадает в спячку, тоже всячески избегают неблагоприятных условий, – это ясно видно на примере массовых сезонных миграций многочисленных животных. Посмотрите фильмы о заповеднике Серенгети в Танзании (Африка) или прочитай-

⁹² Брэм А. Жизнь животных Т. I Млекопитающие. Гл. 4. «Приспособляемость животных». URL: <https://avidreaders.ru/read-book/zhizn-zhivotnyh-tom-i-mlekopitay-uschie.html?p=12>.

те об этом в Википедии: «Одной из особенностей парка является миграция животных. Ежегодно, в засушливый период октября и ноября более чем миллион антилоп гну и около 220 тысяч зебр перемещаются с северных холмов на южные равнины, где в это время идут непродолжительные тропические дожди. Затем с наступлением дождливого сезона в апреле-июне животные мигрируют на запад и север. Древний инстинкт животных движет ими настолько сильно, что ни засуха, ни хищники, в том числе и крокодилы, заполняющие реки, не могут их остановить. При этом стада мигрируют не только в пределах Серенгети, но и по территории других парков и заповедников. В течение этого ежегодного длительного путешествия животные проходят 3000 км. По подсчётам учёных, всей этой гигантской биомассе требуется 4000 тонн травы каждый день. В пути погибает много животных, однако и рождается примерно четверть миллиона детёнышей»⁹³.

Многие хищные животные при ухудшении окружающей среды, когда добычи становится мало, вынуждены менять свое меню. Р. Каррингтон отмечает: «Хищники в тяжелые времена начинают питаться падалью, так как многие из их обычных жертв залегают в спячку и становятся недоступными»⁹⁴.

В журнале «Наука и жизнь» В. Вишневский описывает особенности питания пестрого дятла в зависимости от сезона: «В отличие от своих собратьев, которые круглый год долбят стволы деревьев, большой пёстрый дятел пользуется этим методом добычи еды главным образом в тёплый период года, когда изобилие насекомых сполна оправдывает древесные работы. Осенью же и зимой он практически полностью переходит на питание семенами хвойных пород деревьев. Скорее всего, именно этот фактор обуславливает успешное существование и процветание вида»⁹⁵.

Рассмотрим более сложную ситуацию, когда животное не просто приспосабливается к окружающей среде, а поднимается выше в своем развитии и преобразует эту среду. Наверно, самым наглядным примером служат бобровые плотины. Многие специалисты отмечают размах и основательность данных сооружений, а также инженерные спо-

⁹³ Википедия (свободная энциклопедия) [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%B1%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%BD%D0%B3%D0%B5%D1%82%D0%B8_\(%D0%BD%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D0%BF%D0%B0%D1%80%D0%BA\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%B1%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%BD%D0%B3%D0%B5%D1%82%D0%B8_(%D0%BD%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D0%BF%D0%B0%D1%80%D0%BA)).

⁹⁴ Каррингтон Р. Млекопитающие / пер. с англ. А.Д. Базыкина; предисл. проф. В.Г. Гептнера. – М.: Мир, 1974. – С. 95.

⁹⁵ Вишневский В. Пернатые дровосеки // Наука и жизнь. – 2021. – № 1.

способности племени бобров: «Подобно муравьям и пчелам среди насекомых, среди млекопитающих бобр резко выделяется по своим строительным способностям. Это – настоящий инженер, искусно приспособляющийся ко всем условиям окружающей обстановки. Сооружения бобра носят характер не только высокого развития инстинкта, но и следы несомненного, сознательно действующего ума. В самом деле, взгляните на его художественно выведенные постройки, высотой нередко в сажень и до 2 сажен в диаметре, присмотритесь к гигантским бобровым плотинам (до 150 сажен), обратите внимание на искусно проведенные им сети каналов, охватывающие огромные пространства земли, сравните все это с величиной самого животного, – и вы, действительно, изумитесь уму четвероногого инженера»⁹⁶.

Подобное преобразование природы было явно продолжено и в деятельности человека. Фермер тоже улучшает условия своего существования – осушает землю, известкует ее, удобряет, проводит каналы и каналы, строит мосты, амбары, водяные мельницы и т.д. В результате этого в человеческой экономике возникает дифференциальная рента №2.

Однако рассмотрим несколько подробнее экономическую целесообразность постройки бобрами своих плотин. Отметим, что бобры питаются исключительно растениями. Они питаются побегами и корой осины, тополя, березы, а также многими травянистыми растениями – кувшинкой, рогозом, тростником и т. д., (до 300 наименований). Специалисты отмечают, что обилие деревьев мягких пород составляет необходимое условие обитания бобров.

Оставим в стороне то обстоятельство, что при постройке плотины увеличивается водная поверхность, которая ведет к увеличению различной водной растительности (увеличению многих видов пищи бобра), а также увеличивает безопасность бобрового домика. Для простоты анализа рассмотрим питание бобра только побегами и корой деревьев мягких пород. При данном способе добывания пищи бобер использует тот же вышеуказанный принцип единый для всех живых организмов – минимум затрат и максимум результата (т.е. минимум затрат энергии при добыче пищи и максимум энергии, получаемой от пищи). Поэтому он стремится к тому, чтобы свести свои затраты по доставке древесных стволов к своему домику к минимуму. Самым менее затратным способом является транспортировка по воде (напом-

⁹⁶ Брэм А. Жизнь животных. Т. I Млекопитающие. Гл. 7. «Система животного мира». URL: <https://avidreaders.ru/read-book/zhizn-zhivotnyh-tom-i-mlekopitayushchie.html?p=12>.

нию, что данный способ является таковым как для человека, так и для животных, не говоря уже о попутном течении или ветре), перетаскивание же по сути значительно увеличивает затраты энергии. А. Брэм так красочно описывает данную деятельность: «Чтобы свалить дерево... бобры подтачивают его ствол у основания, и притом больше с той стороны, которая дальше от воды; вследствие этого дерево падает к воде. Как только оно упадет, бобры откусывают ветви, имеющие от 2 до 6 дюймов в диаметре, очищают их от мелких сучков и, наконец, разгрызают на куски такой величины, чтобы они были удобны для переноски.... При переноске упомянутых обрубков умное животное обнаруживает большую изобретательность. Прежде всего оно старается воспользоваться естественными путями сообщения – ручьями, прудами, озерами и пр., по которым и сплавляет добытый материал; когда таких водных сообщений вблизи нет, то бобр старается, не тратя без нужды сил, пользоваться естественными склонами и только в крайнем случае сам перетаскивает обрубки. При этом он толкает и катит их бедрами, а ногами и хвостом действует наподобие рычагов. Дотащив до воды такой обрубок, бобр зажимает один конец его под горлом и плывет с ним к отверстию норы или же, взяв толстый конец в рот, крепко втыкает его в дно. Таким образом запасы сохраняются иногда прямо в воде, так как бобры хорошо знают, что вода сохранит на всю зиму ветви и молодые побеги без всяких хлопот с их стороны. Работа эта производится всем семейством бобра, и замечательно единодушно»⁹⁷.

Предположив для простоты, что бобр питается только побегами и корой деревьев мягких пород, мы видим, что строительство плотины (а также связанное с ней строительство каналов) увеличивает водное пространство и увеличивает количество деревьев (либо различных частей дерева – веток и т.д.), которые можно транспортировать с минимальными затратами по воде. Итак, с одной стороны, – строительство плотины увеличивает энергию, затрачиваемую животным, а с другой стороны, – уменьшает энергию, необходимую для транспортировки. Каково же конечное соотношение между этими величинами? В итоге энергии больше экономится или тратится?

Для наглядности возьмем числовой пример. Предположим, что бобр тратит 5 ч в день для получения и транспортировки одного дерева, кора и побеги которого позволяют бобру полностью возместить потраченную энергию за день. Также предположим, что для постройки плотины (и сопутствующих каналов) бобру необходимо дополни-

⁹⁷ Там же. Гл. 7. «Система животного мира».

тельно 500 ч работы. Значит, если помимо вышеуказанных 5 ч работы он будет тратить еще 5 ч ежедневно на строительство плотины, то ему (при прочих равных условиях) нужна будет энергия, получаемая от коры и побегов двух деревьев. Также предположим, что у него есть запас коры и побегов от 100 деревьев, который позволит ему компенсировать энергию, затраченную на постройку плотины ($500\text{ч} / 5\text{ч} = 100$).

Построив плотину и проведя ряд каналов, которые позволяют ему свести затраты на транспортировку еды к минимуму, бобр обнаруживает, что если раньше на «добычу» одного дерева он тратил 5 часов своего времени, то сейчас он за это же время «добывает», например, 5 деревьев. Если его жизнедеятельность возвращается в прежнее русло, и он по-прежнему тратит на заготовку пищи 5 ч в день, а для вмещения энергии ему нужно только одно дерево, то 4 дерева будут его дополнительной «прибылью». Значит (при прочих равных условиях) он сможет восстановить свой растроченный запас в 100 деревьев проработав 25 дней ($100 / 4 = 25$). Следовательно, дополнительная энергия на постройку плотины к концу 25-х суток будет равна экономии энергии за счет уменьшения трудозатрат при транспортировке. Или как бы сказали в человеческой экономике – срок окупаемости инвестиции составил 25 дней. На 26-й день и далее уже не бобр будет работать на плотину, а наоборот, она на него. Энергия, сэкономленная плотиной, будет больше чем энергия, затраченная на плотину. На 26-й день дополнительные 4 дерева дадут уже чистую «прибыль».

А. Брэм прекрасно описывает строительную деятельность бобров: «Нередко, чтобы избавить себя от труда перетаскивать добычу посуху, бобры устраивают целую сеть каналов для сплава. В этой работе требуется уже такая сообразительность, которой трудно ожидать от бессловесной твари.

Каналы эти роятся обыкновенно на низменном берегу и служат удобными водными путями сообщения с ближайшим лесным участком. Ширина их простирается от 3 до 5 футов, глубина – фута в 3, а длина тянется на целые сотни футов. Роятся они в виде траншей с отвесными боками и обрывистыми краями. На всем протяжении их бобры тщательно выбирают древесные корни, хворост и т. п., чтобы проход по каналам был совершенно свободен. В этих сооружениях проявляется вся сила ума четвероногого инженера. Когда, например, канал должен пройти по покато́й поверхности, так что в нем невозможно удержать воду, то бобры в нескольких местах перегораживают его; таким образом получается нечто вроде шлюзов.

Морган дает крайне интересное описание одного такого канала. «Он тянется, – передает этот исследователь, – по низкому берегу на 450 футов и на всем протяжении снабжается водой из пруда, будучи на одном с ним уровне. Тут он встречает первое повышение почвы; при начале подъема поперек канала проведена плотина, затем канал тянется еще на 25 футов. Уровень воды в этом втором колене канала на 1 фут выше, чем в первом.

Второе колено, с более высоким уровнем, снабжается водой, собираемой второй плотиной с еще более высоких мест; эта плотина тянется на 75 футов по одну сторону канала и на 25 – по другую и стягивает всю почвенную воду во второе колено канала. За второй плотиной почва опять круто повышается на 1 фут, и канал тянется на 47 футов дальше, где упирается в третью плотину, устроенную в виде полумесяца, для того чтобы больше собирать воды».

По мере надобности бобры расширяют и удлиняют свои каналы. А так как в этой работе принимают участие целые сотни поколений в продолжение столетий, то в конце концов получаются громадные сооружения, покрывающие сеть каналов огромную площадь»⁹⁸.

Вышеприведенный пример с бобром точно подходит и для фермера, который построил мост, который обошелся ему, например, в 100 ден. ед., и который позволил ему уменьшить затраты на перевозку его товаров на рынок с 5 денежных единиц до одной денежной единицы. С каждой поездки фермер будет получать дополнительные 4 ден. ед., которые пойдут на возмещение затрат по постройке моста (конечно, при условии неизменности цен). Через 25 поездок фермер окупит стоимость моста ($100/4 = 25$). Все остальное время своего функционирования мост будет приносить дополнительную прибыль, которую экономисты называют дифференциальной рентой №2. Данный вид ренты также дает и прокладка каналов, дренажных и мелиоративных систем, оросительных систем, строительство разного рода хозяйственных построек, водяных мельниц и т.д., то есть всех инвестиций, которые в итоге дают прибыль.

Таким образом, и в животном мире, и в мире человека различного рода «небиологические механизмы» (такие как в нашем примере – плотина) создают прибыль. (Примечание. Пользуясь марксистской терминологией можно было сказать, что меновая стоимость моста составила 100 ден. ед. (которые условно можно приравнять к 100 ч рабочего времени), а его потребительная стоимость в результате рациио-

⁹⁸ Там же. Гл. 7. «Система животного мира».

нального расчета фермера оказалась значительно больше, т.к. мост функционировал в течение ряда лет. Разница между потребительной стоимостью моста и его меновой стоимостью и дала дополнительную прибыль в виде дифференциальной ренты №2).

Следующий вид ренты – монополярная рента явно наблюдается у животных. Общеизвестно, что представители одного и того же вида (львы, медведи и т.д.) вступают в ожесточенные схватки при защите границ своих владений, которые служат их кормовой базой. Монополярное обладание территорией, где находится большее количество пищи по сравнению с соседними участками, позволяет животному уменьшить затраты энергии при охоте, что значительно повышает шансы на выживание как самого животного, так и его потомства. Из мира животных монополярная рента благополучно перешла в мир людей, – например, в виде монополярного владения участком земли, почва которого позволяет винограду придавать специфический и неповторимый вкус производимому вину.

Что касается абсолютной ренты, то автор считает это понятие в определенной мере надуманным, т.к. на практике он зачастую видел, что многие владельцы домов с участками в Тверской области, которые потом переехали жить в Москву, были готовы бесплатно (без всякой ренты) пускать жить в эти дома других людей, лишь бы участок был цел и дома не сожжены, либо начисто обворованы.

Общий вывод – различные виды ренты (дифференциальная рента №1, 2 и монополярная рента) в животном мире существуют, и они благополучно перешли в человеческую экономику. «Прибыль» у различных животных, возникающая при благоприятном функционировании «небиологических механизмов» – климата, температуры, количества воды, плотин у бобров и т.д., преобразовалась (по форме, но не по существу) в прибыль у человека от различных видов ренты, и данная прибыль также порождается благоприятным функционированием «небиологических механизмов», – улучшение климата, приближение к оптимальному температурному режиму, создание плотин, мостов, различных систем и коммуникаций.

Но если ряд «небиологических механизмов», которые не зависят от воли человека, начинает действовать в обратном направлении (цунами, крупные извержения вулканов, землетрясения, обмеления рек, наводнения и т.д.), то возникает не прибыль, а заметный убыток. Поэтому человек издавна стремился быть поближе к тем нерукотворным «небиологическим механизмам», от которых больше пользы чем вреда.

(Примечание. Очевидно, что одним из важнейших «небиологических механизмов» является Солнце. Погасите его мысленно, и сразу прекратится процесс фотосинтеза, погибнут растения, а затем и огромная масса животных, птиц и рыб. Прекратится кругооборот воды в атмосфере, высохнут реки, начнет падать содержание кислорода в атмосфере. Человек, несмотря на свою изобретательность, тоже очутится на краю гибели – затраты на добычу пищи вырастут невероятно, а результат резко уменьшится. Шанс выжить останется только у простейших анаэробных бактерий и других самых примитивных форм жизни. Заметное изменение расстояния от Солнца до Земли тоже приведет к тому, что последняя окажется вне «зоны жизни», – слишком близкое Солнце сделает жизнь невозможной из-за очень высокой температуры (как на Меркурии), а слишком далекое – наоборот, из-за крайне низкой температуры. Не зря во многих древних религиях был культ Солнца).

Теперь рассмотрим следующий пример получения прибыли как результата взаимодействия «биологических» и «небиологических механизмов». Для простоты предположим, что различные внешние условия (климат, температура, количество воды и т.д.) постоянны и неизменны. Далее представим, что птица добывает толстых жирных личинок. Если это спроецировать на человеческое общество, то образно можно сказать, что птица действует как индивидуальный предприниматель (субъект малого бизнеса), который в одном лице есть и предприниматель, и наемный работник. Если продолжить это образное сравнение, то мышцы и желудочная система птицы будут «наемным работником», а мозг птицы – «предпринимателем». В самом деле, для организма птицы также, как и для наемного работника не имеет значение насколько успешной оказалась охота (или насколько прибыльным оказался бизнес предпринимателя). И организм птицы, и наемный работник требуют возмещения затрат на свое функционирование. В результате этого мозг птицы (также, как и предприниматель) получает «прибыль», которая равна доходу минус затраты на нормальное воспроизводство организма (экономисты называют это «остаточным доходом»).

Предположим далее, что данная птица занимается добычей личинок 4 часа в день и добывает двух личинок, причем одной личинки в день ей достаточно, чтобы восполнить затраченную энергию. Значит, затраты в день на «наемного работника» составят 1 личинку, а «прибыль» тоже составит 1 личинку, что выразится в том, что эта личинка либо будет отложена про запас, либо будет съедена, что позволит птице не охотиться

ся следующий день (говоря марксистским языком, необходимое рабочее время составит 2 часа, а прибавочное рабочее время тоже 2 часа).

Но есть такая птица – дятловый выюрок, которая поднялась над таким примитивным способом добычи пищи и стала использовать созданное ей орудие труда (шип), которое встала между ей и личинкой. Гораздо позже шимпанзе прибегнут к подобному методу, извлекая термитов из термитников с помощью палочки, очищенной от листьев. А еще гораздо позже человек начнет производить орудия труда во все более увеличивающемся количестве – от костяных и каменных орудий до компьютеров, атомных реакторов и космических автоматических станций, улетающих за пределы Солнечной системы.

Вернемся к дятловому выюрку. Эта птица живет на Галапагосских островах, и является почти единственной птицей, которая добывает пищу при помощи созданных ей самой орудий труда. Более того выюрок способен даже дополнительно обрабатывать свои орудия – укорачивать слишком длинные палочки и обламывать разветвления на палочках. Вот что пишет Акимушкин И.: «...постучав клювом по стволу дерева и внимательно выслушав его, выюрок узнает, есть ли под корой и в древесине стоящие его внимания личинки жуков.

Как затем, если личинки выдадут себя трусливой возней, он отдирает кору, нередко действуя палочкой как рычагом, находит ход древоточка, и затем... затем происходит нечто невероятное! Выюрок ломает клювом колючку кактуса и, взяв ее в клюв, втыкает в отверстие, оставленное в дереве личинкой жука. Он энергично ворочает там колючкой, стремясь наколоть «червя» или выгнать его наружу из лабиринта лубяных и древесных ходов. Часто изобретательность его бывает вознаграждена немедленно, но иногда приходится немало повозиться, прежде чем жирная глупая личинка покинет свои древесные покои, ища спасения от возмутительной колючки в безрассудном бегстве. Тогда выюрок, воткнув колючку в дерево или придерживая ее лапкой, хватает личинку. Если нет колючек, дятловый выюрок срывает клювом небольшую веточку, обламывает на ней сучки. Обламывает и ее саму так, чтобы ею было удобно работать»⁹⁹.

Вернемся к тем же условиям деятельности птицы, что были даны раньше, а именно – птица занимается добычей личинок 4 часа в день и добывает двух личинок, причем одной личинки в день ей достаточно, чтобы восполнить затраченную энергию. Но вот наш дятловый выюрок

⁹⁹ Акимушкин И.И. Мир животных. Т. 3. Рассказы о птицах. URL: <https://bio.wikireading.ru/19947>.

стал использовать колючку, что значительно повысило эффективность его труда и позволило добывать ему за 4 часа 4 личинки (для простоты включим в один час, необходимый для добычи одной личинки, 10 минут времени нужных для изготовления подходящей колючки или палочки). Очевидно, что «прибыль» выюрка значительно вырастет, – с одной личинки до трех личинок. Уберите мысленно колючку, и «прибыль» тут же упадет до одной личинки, дайте опять выюрку колючку, и прибыль вновь вырастет. Отсюда ясно, что такой «небиологический механизм» как колючка кактуса создает «прибыль» для выюрка.

Так же как «биологический механизм» (птица) требует затрат для нормального воспроизводства (50 минут работы для непосредственной поимки личинки), так же и «небиологический механизм» (палочка) требует затрат для ее производства (10 минут работы). Так же как «биологический механизм» (птица) работает несколько часов и добывает пищи больше чем нужно для покрытия затрат (что приводит к возникновению «прибыли»), так же и «небиологический механизм» (палочка) работает с перерывами несколько часов (что также вызывает возникновение дополнительной «прибыли»). (Примечание. Выражаясь марксистским языком можно сказать, что «меновая» стоимость обеих «механизмов» меньше чем их потребительная стоимость).

В человеческом обществе предприниматель поступает аналогично. Он постоянно сравнивает какой «биологический» или «небиологический механизм» даст ему минимальные затраты и максимальный результат (т.е. даст максимальную прибыль) при выполнении одинаковой работы. Например, если компьютер производит вычислений за час столько же сколько 10000 человек устно, а его стоимость заметно ниже чем зарплата этих 10000 человек, то предприниматель выберет компьютер. Нет ничего таинственного и сакрального в живом человеческом труде (конечно, здесь рассматривается стандартный отлаженный производственный процесс, где человек выступает в роли «биоробота», и исключается процесс творчества) по сравнению с трудом машин, – и те, и другие могут создавать прибыль для предпринимателя. Примеры можно приводить бесконечно, – замена возделывания земли простейшей палкой на обработку земли плугом, замена ручного шитья швейной машинкой, замена стирки белья вручную стиральными машинами, замена подъема грузов и людей наверх вручную подъемными лифтами и механизмами, замена зарядания винтовок вручную различными автоматами и пулеметами, замена живого труда при перемещении грузов паровозами и электродвигателями и т.д. Ген-

ри Форд приводит в своей книге «Сегодня и завтра» множество примеров, когда машины работают более эффективно чем люди, – не говоря уже о вредных и опасных работах. Также Генри Форд делает следующие рассуждения с точки зрения предпринимателя при выборе между трактором («небиологическим механизмом») и лошадью («биологическим механизмом»): «Чтобы лошадь годилась в работу, нужно затратить от трех до пяти лет, тогда как на изготовление трактора уходит всего несколько часов. Лошадь нужно кормить круглый год. Чтобы прокормить четыре пары лошадей, обслуживающих ферму, понадобится не меньше того, что можно собрать с сорока акров земли. Трактор нужно питать только во время работы»¹⁰⁰. С экономической точки зрения (сопоставления затрат и результатов) практически всегда выгоднее посылать для исследования планет Солнечной системы различные автоматические станции с приборами, чем живых людей.

(Примечание. Можно возразить, что наемным работникам достаточно заплатить зарплату, и они сами будут делать работу, а «небиологические механизмы» требуют постоянного контроля и управления. На это можно ответить, что многие «небиологические механизмы» достигли уровня, требующего минимального контроля, – например кондиционер, работающий в автоматическом режиме. Что же касается наемных работников, то практика явно показывает, что для успешной работы недостаточно только платить зарплату. Предприниматель (либо его менеджер по персоналу) вынужден нести дополнительные затраты, – проверять вовремя ли люди пришли на работу (особенно, если они работают на дому с клиентом, – как, например, сборщики мебели), не пьют ли они на работе, не делают ли брак, не воруют ли, не является ли вновь нанятый работник (особенно в IT и бухгалтерии) человеком, засланным конкурентами и т.д.).

Нужно также вкратце остановиться на том, как одни «биологические механизмы» используют другие «биологические механизмы» с целью получения дополнительной выгоды. Исследователями давно установлено, что гусеницы серебристой бабочки спокойно живут в колониях остробрюхих муравьев, где муравьи их кормят (иногда даже личинками муравьев) и ухаживают за ними. В ответ эти гусеницы выделяют определенный сок, который едят муравьи. В целом понятно, что муравьиное племя находит, что выгода от такого содержания этой «дойной коровы» больше чем затраты на ее содержание.

¹⁰⁰ Форд Г. Сегодня и завтра / науч. ред. и предисловие проф. Е.А. Кочерина; Предисловие П. Фрелиха. – М.: Журнал «Контроллинг», 1991. – С. 29.

В человеческом мире та же картина, – содержание коровы или лошади говорит о том, что данный «биологический механизм» дает владельцу доход больше чем затраты на него (т.е. создает прибыль). Здесь весьма уместно ответить на вопрос, который был задан Давиду Рикардо, но на который он так и не смог внятно ответить. Вопрос был такой, – если мистер Рикардо полагает, что в основе стоимости лежат затраты только человеческого труда, то как он объяснит, что виноградный сок, бродящий в течение ряда лет для получения из него вина, весьма заметно увеличивает свою стоимость в виде конечного качественного вина, несмотря на то, что трудовых затрат живых людей в это время нет (есть только незначительные затраты на амортизацию хранилища и бочек)? Достаточно внятного ответа Рикардо так и не дал.

Автор предлагает свой вариант ответа, – стоимость бродящего вина увеличивают «биологические механизмы» в виде полезных винных бактерий, жизнедеятельность которых вызывает необходимые биохимические реакции, приводящие к улучшению качества вина. Бактерии в результате своей жизнедеятельности создают результат нужный предпринимателю, а последний создает условия для их нормального функционирования (оптимальный температурный режим, необходимый тип древесины для бочек, отсутствие иных вредных диких бактерий и т.д.) и несет на это затраты, т.е. «платит» бактериям своеобразную «зарплату». По благоприятном завершении всего процесса предприниматель отнимает стоимость полученного вина от стоимости затрат и фиксирует прибыль.

Есть ли в данном случае разница между живым трудом наемных работников и жизнедеятельностью полезных винных бактерий? По форме – да, по существу – нет, т.к. и те, и другие создают полезный результат, но при этом требуют затрат. Практически та же картина с пчелами и пасечником на пасеке, либо с фермером и его лошадьми и коровами (дополнительных примеров можно привести еще много).

Вывод: для предпринимателя все равно какие «биологические» либо «небиологические механизмы» (либо их различные комбинации) создают для него прибыль в результате своей жизнедеятельности, он выбирает наиболее эффективные из них для выполнения данной работы, руководствуясь минимизацией затрат и максимизацией результата, т.е. получением максимальной прибыли. (Так, например, для сбора меда явно выгоднее применять пчел, чем наемных работников, хотя и человек тоже способен теоретически собирать какое-то количество меда с цветов).

Итак, в животном мире можно явно наблюдать различные виды «ренты», а также влияние простейших орудий труда на «прибыль» различных зверей и птиц. Различного рода «биологические» и «небиологические механизмы» (или их комбинации) создают «ренту» и «прибыль» в мире животных. Человек, как выходец из этого мира, вынужден применять вышеописанные правила своего физического выживания и существования, что приводит к превращению «ренты» и «прибыли» у зверей к ренте и прибыли в человеческой экономике.

3. Важная особенность получения прибыли в плановой экономике

Плановая экономика является одной из четырех известных человечеству типов экономических систем (сюда также относятся натуральное хозяйство, рыночная экономика и смешанная экономика). В человеческой экономике существуют различные виды ренты (дифференциальные ренты №1 и 2, монопольная рента), которые по мнению автора создаются различными «небиологическими механизмами» – климатом, температурой, почвой, количеством влаги и т.д. В самом деле, здесь на Земле природа во многих местах «работает» на человека и создает для человека различного рода ренту (т.е. по сути дополнительную прибыль). Но природе как таковой безразличны проблемы людей. На Луне и на Марсе природа явно «работает» против человека – там нет бесплатной подходящей атмосферы, жидкой воды, подходящей температуры и т.д. Человек там не может существовать при современных технологиях без внешней «подпитки». Природа там не прибавляет бесплатно добавочную прибыль (в виде ренты) к стоимости произведенного продукта, но, наоборот, отнимает огромную стоимость от стоимости произведенного продукта (т.е. создает своего рода «антиренту»).

Иные «небиологические механизмы» (станки, оборудование и т.д.), а также многие «биологические механизмы» (полезные винные бактерии, пчелы, лошади, коровы и т.д.) создают для их владельцев прибыль. (Если говорить марксистским языком, то меновая стоимость, например, определенного станка составляет 15 часов рабочего времени, а его потребительная стоимость составляет 20 часов, т.е. сам станок работает 20 часов в сутки, и тем самым создает прибыль. Здесь наблюдается полная аналогия (и по сути, и по форме) с наемным работником, рабочая сила которого стоит 6 часов рабочего времени, а он работает 8 часов в сутки, тем самым создавая прибыль. Данную картину изну-

три наблюдал сам автор, когда работал в цехе №69 на Уралмаше в 1988-1989 годах, где большие карусельные станки работали круглосуточно в 3 смены, а люди работали посменно по 8 часов).

Итак, в человеческом обществе землевладельцы и фермеры-арендаторы получают различные виды ренты, предприниматели получают прибыль при рациональной организации работы различных «биологических» и «небиологических механизмов» (станки, оборудование, наемные работники, винные бактерии, пчелы, рабочий скот и т.д.), владельцы рабочей силы (наемные работники) получают заработную плату, а владельцы капитала (как в денежной, так и в материальной форме) – процент. (Примечание. Владельцы материального капитала – станков, машин и т.д. при сдаче их в аренду получают определенный процент плюс стоимость амортизации). По существу, автор показал, как иным путем можно подойти к широко известному положению экономической теории о том, что каждый фактор производства дает доход (земля – ренту, предпринимательская способность – прибыль, труд – зарплату, капитал – процент).

Какова же важная особенность получения прибыли в плановой экономике? Ответ довольно очевиден, – все виды прибыли (предпринимательская прибыль, разного рода ренты, процент) принадлежат в плановой экономике одному собственнику – государству. Это происходит благодаря тому, что государство являлось монопольным владельцем земли, капитала (фабрик и заводов) и предпринимательской способности (в лице Госплана и Госснаба). Если же рядовые граждане пытались широко проявить свои предпринимательские способности, то им грозила уголовная ответственность за частнопредпринимательскую деятельность. (Примечание. Конечно, жизнь невероятно богаче чем любая сухая теоретическая схема, – так в социалистической Польше значительная часть земли и сельскохозяйственного инвентаря была в частных руках, а в Закавказье многие мелкие государственные предприятия только по форме были государственными, а по существу принадлежали директору и его окружению).

Для того чтобы понять к чему приводила концентрация всех видов прибыли в руках одного собственника – государства обратимся немного к истории и посмотрим, как плановая экономика связана с предыдущим развитием экономики. К. Маркс в зрелом возрасте неоднократно указывал, что капитализм отличается от предшествующих экономических эпох двумя важными особенностями: 1) рабочая сила становится товаром; 2) производство ведется как расширенное воспроизводство.

В начале данной монографии автор дал достаточно много доказательств того, что в плановой экономике рабочая сила является товаром, и анализ денежных миров исходил именно в том числе из того положения, что в данной системе рабочая сила со стороны рядового гражданина и жизненные средства со стороны государства вступают в обмен и становятся товарами.

В то же время плановая экономика является ярким примером расширенного воспроизводства, когда во главу угла ставятся темпы экономического развития. Возьмите любые планы пятилеток, постановления партии и правительства по хозяйственным вопросам, – везде на первом плане – увеличить производство электроэнергии, станков, тракторов, стали, удобрений и т.д. Экономический рост, его темпы – это решающие показатели. Один из главных экономистов того времени (1980-е гг.) профессор Л.И. Абалкин писал следующее: «Нам не важно, нужны какие-то затраты или нет, не важно, сколько требуется станков, металла, нефти, чего-то иного. Главное – темп, темп, темп»¹⁰¹.

Значит, если для плановой экономики характерным является расширенное воспроизводство, а многомиллионные массы рядовых граждан являются наемными работниками у государства, которое является монопольным собственником средств производства, то вполне логично сделать вывод, что *плановая экономика является новым видом капитализма*. В самом деле, история человечества знает много видов проявления капитала – от купеческого и ростовщического в античности до промышленного, банковского и государственного в последние столетия. Недаром зрелый Маркс как-то заметил, что ошибаются те, кто думает, что капитализм показал все свои формы, и что вполне может быть, что последующее развитие человечества даст миру новые формы капитализма. Поэтому вполне логично предположить, что Советская Россия дала миру новый вид капитализма, где рядовые граждане являются наемными работниками у государства как монопольного собственника средств производства.

В этом случае вышеуказанная особенность получения различных видов прибыли в плановой экономике, – а именно, все виды прибыли получает государство как монопольный собственник средств производства, очевидно происходит при отсутствии конкуренции внутри страны со стороны каких-либо иных собственников средств производства. Но долгий исторический опыт показал, что капиталистиче-

¹⁰¹ Абалкин Л.И. Стратегия обновления // Огонек. – 1989. – № 13.

ское производство может эффективно развиваться только при наличии значительной конкуренции внутри страны. Снижение степени конкуренции ведет к более медленному экономическому развитию.

Так в начале XX века появление большого количества частных капиталистических монополий в экономике страны (классический пример – Германия того времени) привело многих экономистов к выводу о том, что капиталистическая монополия имеет тенденцию к экономическому загниванию. Действительно, если данная монополия может достигать своей главной цели (а именно, – получение прибыли) за счет своего монопольного положения на рынке, а не за счет снижения затрат, улучшения организации производства, внедрения новой техники и т.д., то монополия выбирает первый путь как наиболее легкий и доступный. Поэтому многие изобретения и нововведения оказываются невостребованными. Но так как при частной собственности на средства производства полностью уничтожить конкуренцию невозможно, то это явление выступает как *тенденция* к экономическому загниванию.

В случае плановой экономики перед нами стоит тот же капиталист, но под другим флагом, а именно – он выступает в виде государства, которое обладает полной монополией на средства производства. Это ведет к полному отсутствию конкуренции внутри страны. Василий Селюнин, известный писатель-публицист, который много лет работал корреспондентом «Социалистической индустрии» и хорошо понимал внутренний механизм советской экономики, так описывает общую картину: «Место экспроприированных частных лиц занимает, так сказать, коллективный Рябушинский – с той, однако, разницей, что прежний собственник хозяйствовал рискованно и нес экономическую ответственность за свою деятельность, тогда как его мультиплицированный преемник в принципе не способен вести дело толково. Ведь конкурентов, готовых воспользоваться его промахами, у него нет»¹⁰². Одним из следствий отсутствия конкуренции является экономическая неэффективность.

Ярким примером данной неэффективности является омертвление капитала в виде излишнего нового оборудования на складах. В. Селюнин пишет: «Рубль, вложенный в хозяйство, приносит 15 копеек прибыли в год. Пролежала техника стоимостью 1,5 миллиарда этот самый год – 225 миллионов потеряно. Деньги растворились в воздухе вместе с невыработанной электроэнергией. На деле потери

¹⁰² Селюнин В. Истоки. Шмелев Н. Авансы и долги. – М.: Правда, 1990. – С. 322.

больше, поскольку драгоценные агрегаты лежат нераспакованными и по пять, и по десять лет. По данным Стройбанка, оборудование атомных станций поступает в монтаж в среднем через три-четыре года после завоза на площадку»¹⁰³. Он продолжает: «Стремительно растут горы омертвленной техники на объектах металлургии, химии, нефтехимии. Специалист Госснаба СССР Т. Абрамова поделилась со мной тревожными расчетами: некоторых видов дорогого электрооборудования на стройках скопилось в 5-6 раз больше нормы»¹⁰⁴. Такой весьма сухой вопрос как омертвление нового оборудования становится периодически весьма юмористическим. В Селюнин пишет: «Анекдотичный случай рассказал директор ВНИИметмаша В. Беляников. Цветной металлургии спешно понадобился специальный прокатный стан. Через высокие инстанции Минцветмет обязал машиностроителей в пожарном порядке спроектировать его и выпустить. Старый работник института, к счастью, припомнил: вроде бы это уже проектировали лет двенадцать назад. Разобрались – да, стан тогда же и был изготовлен, лежит по сей день. Видно, металлургам легче повторить заказ, чем сыскать готовое в завалах нераспакованной техники»¹⁰⁵.

Следовательно, полное отсутствие конкуренции при капиталистическом способе производства должно вести *напрямую* к экономическому загниванию. Действительно, богатый исторический опыт показывает, что страны с плановой экономикой не смогли догнать развитые капиталистические страны ни по уровню развития технологий, ни по уровню и качеству жизни.

Данное экономическое отставание теоретически предвидел К. Маркс, когда писал: «...если бы капиталобразование стало уделом исключительно немногих крупных капиталов, ...то вообще угас бы огонь, оживляющий производство. Оно погрузилось бы в сон»¹⁰⁶. Маркс подчеркивает, что без конкуренции капиталистическое производство обречено на быструю катастрофу: «Капиталистический способ производства постоянно воспроизводит указанные условия тем, что он.....путем концентрации (и конкуренции) капитала убивает мелкие капиталы и соединяет их в крупный, хотя параллельно с этим

¹⁰³ Там же. С. 47-48.

¹⁰⁴ Там же. С. 49.

¹⁰⁵ Там же. С. 51.

¹⁰⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. 2-е изд. Т. 25. Ч. 1. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. – С. 284.

процессом притяжения в развитых сферах протекает процесс отталкивания во вновь возникающие сферы занятости и т. д. Если бы этого не было, то буржуазное производство очень просто и скоро дошло бы до своей катастрофы»¹⁰⁷.

Экономический коллапс плановой экономики, которая просуществовала всего несколько десятилетий, явно показывает, что данная экономика была новым типом капитализма, который в силу отсутствия внутренней конкуренции быстро пришел к своему краху. Данный тип капитализма вполне возможно назвать *монопольным капиталом*, где государство выступает в роли монопольного капиталиста на средства производства, а остальное население в роли наемных работников. Данное положение рядовых граждан как наемных работников развернуто показано в предыдущих частях данной работы при анализе товарно-денежных отношений.

¹⁰⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. 2-е изд. Т. 48. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1980. – С. 159.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абалкин Л.И. Стратегия обновления // Огонек. – 1989. – № 13.
2. Акимущкин И.И. Мир животных. Т. 3. Рассказы о птицах. <https://bio.wikireading.ru/19947>.
3. Алексеев А.Н. Слово читателя // Огонек. – 1988. – № 33. – С. 6.
4. Аргументы и факты. – 1989. – № 19.
5. Аргументы и факты. – 1989. – № 27.
6. Бирман И. // Вопросы экономики. – 1989. – № 9.
7. Борисов С. Ваши вопросы от 26.02.1988 // Аргументы и факты. – 1988. – № 9.
8. Брэм А. Жизнь животных. Т. I. Млекопитающие. Гл. 3. «Основные свойства животных. Питание». <https://avidreaders.ru/read-book/zhizn-zhivotnyhtom-i-mlekoopitayuschie.html?p=12>.
9. Брылов А. // Московские новости. – 1989. – № 20.
10. Бухарин Н.И. Экономика переходного периода. Ч. 1. Общая теория трансформационного процесса. – М., 1920. – Труды Социалистической академии общественных наук. – 157 с.
11. Быстров Е.И. // Москва. – 1989. – № 1.
12. Вишневский В. Пернатые дровосеки // Наука и жизнь. – 2021. – № 1.
13. Внешняя торговля СССР в 1987 г. статистический сборник. – М.: Финансы и статистика, 1988. http://istmat.info/files/uploads/17074/vneshnyaya_torgovlya_sssr_v_1987_godu.pdf.
14. Воробей И.Ф. Уроки минувшего. – М.: Жуковский. Кучково поле, 2003. – 637 с.
15. Галаев В.И. // Эхо планеты. – 1989. – № 12.
16. Декарт Р. Избранные произведения. – М.: Политиздат, 1950. – 240 с.
17. Дэвис Р.У. // Экономические науки. – 1990. – № 1.
18. Ельцин Б.Н. // За индустриальные кадры. – Свердловск: УПИ, 5 января 1989 г.
19. Захаров В. // Вопросы экономики. – 1989. – № 9.
20. Знамя. – 1989. – № 5.
21. Известия. 27 октября 1989 г.
22. Ильф И., Петров Е. Золотой теленок. http://ga-la.ru/book/proze/ilf_i_petrov/telenok/?page=4.
23. История социалистической экономики СССР в 7 т. / Акад. наук СССР, Ин-т экономики; ред. И.А. Гладков [и др.]. – М.: Наука, 1976–1980. Т. 1: Советская экономика в 1917–1920 гг. – 1976. – 448 с.
24. История социалистической экономики СССР в 7 т. / Акад. наук СССР, Ин-т экономики; ред. И.А. Гладков [и др.]. – М.: Наука, 1976–1980. Т. 2: Пере-

ход к НЭПу. Восстановление народного хозяйства СССР, 1921–1925 гг. – 1976. – 479 с.

25. История социалистической экономики СССР в 7 т. / Акад. наук СССР, Ин-т экономики; ред. И.А. Гладков [и др.]. – М.: Наука, 1976–1980. Т. 3: Создание фундамента социалистической экономики в СССР 1926–1932 гг. – 1977. – 536 с.

26. Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР. – М.: Издание Госплана Союза ССР, 1934.

27. Калининградская правда (Прибалтика). 11 июля 1990 г.

28. Каррингтон Р. Млекопитающие / пер. с англ. А.Д. Базыкина; предисл. проф. В.Г. Гептнера. – М.: Издательство «Мир», 1974. – 192 с.

29. Коваленко Д.А. Оборонная промышленность Советской России в 1918–1920 гг. / АН СССР. Ин-т истории СССР. – М.: Наука, 1970. – 411 с.

30. Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1927/1928 год / Госплан СССР. – М.: Плановое хозяйство, 1928. – 592 с.

31. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 44. – М.: Изд-во полит. литературы, 1967.

32. Леонтьев В.В. (лауреат Нобелевской премии) // Аргументы и факты. – 1989. – № 23.

33. Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. 2-е изд. Т. 1. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1955.

34. Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. 2-е изд. Т. 13. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1959.

35. Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. 2-е изд. Т. 23. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1960.

36. Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. 2-е изд. Т. 25. Ч. 1. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1961.

37. Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. 2-е изд. Т. 48. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1980.

38. Маури К. Когда риск – это жизнь! – М.: Физкультура и спорт, 1986. – 272 с.

39. Меринов Ю.Н. Дальневосточные перспективы // Огонек. – 1988. – № 52.

40. Надеждо А. // Московские новости. – 1989. – № 16.

41. Налоговый Кодекс Российской Федерации: часть вторая от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 17.02.2021).

42. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. – М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. – 180 с.

43. Нью-Йорк Таймс 25 декабря 1984 г.

44. Павлов В.С. // Труд. 8 августа 1989 г.

45. Петраков Н. // Изобретатель и рационализатор. – 1989. – № 4.

46. Петров Н. Талант на экспорт // Огонек. – 1989. – № 43.

-
47. Петухов В.А. Глухов В.И. Экономика абсурдов или абсурд экономики? монография. – Свердловск: ИМЦ «Информ», 1990. – 62 с.
48. Петухов В.А. Анализ стоимости и исследование экономической цикличности: монография. – М.: «Креативная экономика», 2019. – 192 с.
49. Политическая экономия: учебник для вузов / Медведев В.А., Абалкин Л.И., Ожерельев О.И. и др. – М.: Политиздат, 1988. – 735 с.
50. Профсоюзы СССР: документы и материалы: 1905–1963 гг.: в 4-х томах. Т. 2. – М.: Профиздат, 1963.
51. Резник И. Братиславская лира–89. О конкурсах, песнях и кризисе жанра // Аргументы и факты. – 1989. – № 26.
52. Российская газета. 20 февраля 1992 г.
53. Русская промышленность в 1923 г. Ежегодник ВСНХ (Отчет к 11-му Съезду Советов СССР). – М., 1924.
54. Сайт SPRINTinvest.RU <https://sprintinvest.ru/chastichno-konvertiruemaya-valyuta-ponyatie-i-primery> (дата обращения 07.01.2020 г.).
55. Самофинансирование: замысел и действительность (за «круглым столом» – партработники, журналисты, экономисты предприятий, хозяйственники, учёные) / сост. В.Г. Ивановский. – М.: Экономика, 1988. – 95 с.
56. Селюнин В. Истоки. Шмелев Н. Авансы и долги. – М.: Правда, 1990. – 512 с.
57. Серрилл Майкл // За рубежом. – 1989. – № 13.
58. Ситарян С.А. // Правда. 6 ноября 1989 г.
59. Советская Россия. 2 июля 1987 г.
60. Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1952. http://ciml.250x.com/archive/stalin/russian/1952_stalin_ekonomicheskie_problemy_socializma_v_sssr.pdf.
61. Тизяков А.И. // Правда. 6 ноября 1989 г.
62. Тихонов В.А. // Литературная газета. 3 августа 1988 г.
63. Тихонов В.А. // Новый мир. – 1989. – № 5.
64. Труд в СССР Статистический справочник / под ред. А.С. Попова; Центр. упр. нар. хоз. учета Госплана СССР. Отд. учета труда. – М.: ЦУНХУ Госплана СССР: В/о Союзоргучет, 1936. – 386 с.
65. Фильшин Г. // Комсомольская правда. 13 октября 1989 г.
66. Финансы и кредит СССР. – М., 1989.
67. Форд Г. Моя жизнь, мои достижения / пер. с англ. – М.: Финансы и статистика, 1989. – 206 с.
68. Форд Г. Сегодня и завтра / науч. ред. и предисловие проф. Е.А. Кочерина; Предисловие П. Фрелиха. – М.: Журнал «Контроллинг», 1991. – 176 с.
69. Фрей Д., содиректор компании «Дженерал электрик», из доклада в АН СССР, ноябрь 1988 г.
70. Шмелев Н.П. Либо сила, либо рубль // Знамя. – 1989. – № 1.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

В древнеиндийской общине было разделение труда, но распределение продуктов происходило в основном планомерно, так как в основном средства производства являлись собственностью всех членов общины. То же самое наблюдал в 70-е годы нашего века известный итальянский путешественник Карло Маури, у арабов, проживающих на болотах Шатт-эль-Араба: «Работа разделена между всеми поровну... Жизнь внутри древней болотной общины регулируется точными неписаными законами. Например, рыбу и рис свозят к старейшине деревни, и тот распределяет их между жителями Аль-Сухайна (название деревни)»¹⁰⁸. Так же и внутри современного предприятия происходит планомерное распределение принадлежащих предпринимателю средств производства и рабочей силы наемных работников. Между наемными работниками на этом предприятии есть разделение труда, но товарных отношений между ними не возникает, т.к. на время работы они не являются независимыми собственниками. Они лишь выполняют определенные функции подобно органам в человеческом организме.

Разделение труда лишь в том случае приводит к купле-продаже, когда происходит переход материальных благ или услуг от одного независимого собственника к другому. Независимым в том смысле, что они не знают над собой никакой иной власти, кроме стихии добровольного обмена друг с другом. Таким образом, разделение труда является необходимым условием купли-продажи. Обмен между независимыми собственниками и есть та основа, из которой развиваются товарно-денежные отношения. Так, в 1921 году большевики, пытаясь наладить товарообмен (как они выражались) между государством и крестьянством, с удивлением обнаружили, что переход продуктов между независимыми собственниками может существовать только в виде купли-продажи. «Товарообмен сорвался: сорвался в том смысле, что он вылился в куплю-продажу»¹⁰⁹.

И если внутри общины у болотных арабов существует планомерное распределение созданных материальных благ, то между общинами, как независимыми собственниками, происходит обмен, купля-продажа. «Оставшиеся продукты (после распределения среди членов общины) подлежат продаже или обмену; выручка делится между семьями»¹¹⁰.

¹⁰⁸ Маури Карло Когда риск – это жизнь! – М.: Физкультура и спорт, 1986. – С. 83.

¹⁰⁹ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 44. – М.: Изд-во полит. литературы, 1967. – С. 207-208.

¹¹⁰ Маури Карло Когда риск – это жизнь! – М.: Физкультура и спорт, 1986. – С. 83.

Вообще вопрос соотношения плана и рынка настолько важен для понимания любой экономики, что автор считает необходимым рассмотреть его более подробно. Эта проблема – проблема плана и рынка, несмотря на ее внешнюю сложность и запутанность, на самом деле довольно проста, можно даже сказать тривиальна. Чтобы понять ее вполне достаточно простого здравого смысла.

И план, и рынок возникают на основе разделения труда, то есть когда производитель обособляется от потребителя, и вследствие этого между ними возникает переход материальных благ. Но нет разделения труда вообще, а есть две конкретные формы разделения труда.

Первая форма возникает тогда, когда разделение труда происходит в рамках единого собственника, причем этот собственник может быть представлен как отдельным лицом, так и группой лиц. Этой форме разделения труда и соответствует план, соответствует планомерное передвижение созданных материальных благ или услуг от производителя к потребителю.

Вторая форма разделения труда возникает в том случае, когда разделение труда происходит между независимыми собственниками. Этой второй форме разделения труда соответствует рынок, соответствует обмен созданными материальными благами в виде купли-продажи, происходящей между производителем и потребителем как независимыми собственниками. В результате того, что эти материальные блага вступают в обмен, они становятся товарами.

Соответственно, и независимые собственники, производящие на продажу, становятся товаропроизводителями. Именно из второй формы разделения труда – из разделения труда между независимыми собственниками, при которой только и возникает обмен, купля-продажа, развивается все разнообразие товарно-денежных отношений в обществе.

В чем же заключается противостояние плана и рынка? Оно заключается в том, что разделение труда в рамках одного собственника не может быть одновременно разделением труда между независимыми собственниками. Разделение труда между конкретным производителем и конкретным потребителем может существовать либо как разделение труда в рамках одного собственника, и тогда переход материальных продуктов между ними будет планомерным, то есть эти продукты не будут вступать в обмен, не будут становиться товарами, либо как разделение труда между независимыми собственниками, и тогда производимые продукты будут вступать в обмен и становиться товарами, то есть они будут попадать в сферу рынка.

Но хотя эти две формы разделения труда не могут «сливаться» в одно целое, они тем не менее, могут существовать и существуют друг подле друга. На примере любого человеческого общества можно видеть это сосуществование плана и рынка. Для того чтобы показать это более наглядно рассмотрим основные виды человеческого общества с точки зрения плана и рынка.

Начнем с первобытнообщинного общества. В первобытнообщинном обществе община в основном выступает как единый собственник, внутри которого в основном существует планомерное распределение продуктов совмест-

ного труда. В отношениях между общинами, как независимыми собственниками, возникает обмен, то есть рынок, который, правда, является чрезвычайно ограниченным и примитивным.

Если взять рабовладельческое общество и рассмотреть его с точки зрения плана и рынка, то мы увидим, что план опять-таки существует там, где есть разделение труда в рамках одного собственника. Таким собственником является рабовладелец. Он определяет, что и как будут производить его рабы, как они будут использовать принадлежащие ему средства производства. Следовательно, в поместье, где трудятся его рабы, господствует план.

План также господствует в хозяйстве ремесленника и свободного крестьянина. Но и разделение труда между независимыми собственниками, с развитием рабовладельческого общества, получило значительное развитие, что привело к развитию рынка, возникновению денег, появлению купечества и т.д. Рынок возник из обмена между независимыми собственниками, то есть из обмена между рабовладельцами, ремесленниками, купцами, крестьянами и т.п.

В феодальном обществе план существует в поместье (имении) феодала, помещика, в мастерской ремесленника, то есть там, где собственник может планировать свою деятельность и использование принадлежащих ему средств, материальных благ, земли. В то же время и разделение труда между независимыми собственниками было более значительным. Возникновение промышленного производства, развитие транспорта, освоение новых технологий в сельском хозяйстве способствовало значительному расширению рынка.

В капиталистическом обществе вопрос о плане и рынке тоже довольно ясен. План существует в рамках единой собственности, а это или частный предприниматель, как правило, или группа акционеров, или собственность самих работающих (групповая). Вот как описывал Генри Форд свое автомобильное производство: «При сборке шасси производится сорок пять различных движений, и устроено соответствующее число остановок. Первая рабочая группа укрепляет четыре предохранительных кожуха к остоу шасси; двигатель появляется на десятой остановке и т.д. Некоторые рабочие делают только одно или два небольшие движения рукой, другие – гораздо больше. Рабочий, на чьей обязанности лежит постройка какой-нибудь части, не закрепляет ее – эта часть иногда закрепляется только после многих операций... Мы начали с того, что собрали весь автомобиль на одной фабрике. Затем мы стали сами фабриковать отдельные части и сейчас же устроили отделы, в каждом из которых выделялась только одна какая-нибудь часть. В том виде, в котором наше производство существует сейчас, каждый отдел фабрикует только одну известную часть или собирает ее. Каждый отдел сам по себе – небольшая фабрика. Часть доставляется туда в виде сырого материала или отлитой формы, проходит там, через целый ряд машин или нагревательных процессов или еще через какой-либо специальный отдел и покидает свой отдел уже в виде готового фабриката»¹¹¹.

¹¹¹ Форд Генри Моя жизнь, мои достижения. – М.: Финансы и статистика, 1989. – С. 73-74.

Рынок же мы видим там, где есть разделение труда между независимыми собственниками. И такое разделение труда господствует в сфере обмена, купли-продажи, как между самими предпринимателями, так между предпринимателями и наемными работниками.

Что же касается плановой экономики, где государство является монополистом средств производства, то здесь также происходит планомерное распределение материальных продуктов в рамках единого собственника. Таким единым собственником, внутри которого и происходит разделение труда, является государство. Внутри этой гигантской суперфабрики господствует план, господствует планомерное передвижение созданных материальных благ. Что же касается рынка, то он существует между государством, как независимым собственником средств производства и жизненных средств, и наемным работником, который является независимым собственником своей рабочей силы.

Здесь государство покупает, в обмен на жизненные средства, рабочую силу, а наемные работники, в обмен на свою рабочую силу, приобретают жизненные средства. Таким образом, в советском обществе план господствует в сфере распределения средств производства, а рынок – в сфере обмена, купли-продажи жизненных средств и рабочей силы.

Насчет плана можно заметить, что он также царит и в каждой семье, – ведь в ней существует разделение труда, но члены семьи не вступают в куплю-продажу друг с другом. Наоборот, они как семья, являясь единым собственником, планомерно делят свои обязанности. В этом отношении семья является уменьшенной копией древней общины, где тоже существовало разделение труда, но члены общины, тем не менее, не вступали в процесс обмена, купли-продажи друг с другом. (Справедливости ради надо отметить, что если семья находится на грани развала, и члены семьи практически относятся друг к другу как к независимым собственникам, то явно проступают черты обмена, купли-продажи – «я сделаю то-то, но взамен ты должен сделать то-то»).

Тут можно привести интересное наблюдение. Важнейшим условием существования такой общины являлась взаимопомощь ее членов, то есть здесь на практике осуществлялись (жизнь заставляла) заповеди, позаимствованные в дальнейшем Христом – «возлюби ближнего как самого себя», «не убий», «не укради» и т.д. В самом деле, необходимость соблюдения этих заповедей можно воочию увидеть на примере современной семьи, на примере этой уменьшенной копии древней общины. И действительно для сохранения семьи ее члены должны испытывать привязанность и любовь друг к другу, то есть выполнять заповедь – «возлюби ближнего как самого себя». Невозможно существование семьи, если ее члены начнут воровать друг у друга и т.д.

Иными словами, разделение труда в рамках одного собственника приводило к необходимости соблюдения подобных принципов. Именно эти принципы существования древней общины были позаимствованы Христом и проповедуемы им. Но ко времени появления Христа от древней общины осталось не очень много, и на смену ей пришли независимые собственники, которые

в отличие от членов общины постоянно вступали в процесс купли-продажи друг с другом. Этим отношениям соответствовал уже иной дух – дух индивидуального эгоизма и личной предприимчивости.

Таким образом, если разделение труда в рамках одного собственника (т.е. разделение труда в древней общине) вызвало к жизни заповеди Христа, то разделение труда между независимыми собственниками требовало уже совсем иных заповедей. Поэтому Христос и был воспринят его соотечественниками весьма отчужденно, – ведь его заповеди мало соответствовали реальной действительности.

Впоследствии, когда древняя община все более отходила в прошлое, а разделение труда между независимыми собственниками все более усиливалось, заповеди Христа становились все более абстрактными и иллюзорными. Им на смену приходило прославление свободы эгоистических интересов отдельного индивидуума и свободы частного предпринимательства. Поэтому Адам Смит, громко провозгласивший эти принципы главной основой экономического процветания нации, был принят на «ура». (Примечание. Автор осознает, что рассматриваемый вопрос моральных заповедей очень сложен и на него влияет огромное количество факторов. Поэтому он выражает свое мнение как любитель и очень осторожно, понимая, что реальная жизнь невероятно более богата чем любая человеческая мысль или идея, которые являются лишь бледным отражением куда более сложной и многоцветной жизни).

Можно также заметить, что в XX веке в странах, где существовала монополия государства на средства производства, и где поэтому осуществлялось планомерное разделение труда в масштабах всего общества (этакое подобие единой общины в масштабах всей страны), вновь начинали звучать очень похожие на заповеди Христа заклипания, суть которых сводилась к тому же – «возлюби ближнего как самого себя», «не укради» и т.д. Разве моральный кодекс строителя коммунизма не являлся современной модификацией христианских заповедей? В то же время, принципы, прославляющие индивидуализм и личную предприимчивость, принципы, которые преобладают в обществе, где существует значительное разделение труда между независимыми собственниками, то есть в обществе частного капитала, всячески искоренялись. Они были очень не ко двору обществу с плановой экономикой.

Приложение 2

Взгляды Бухарина на трудовые мобилизации являлись типичными для руководства того времени: «....режим трудовой повинности и государственного распределения рабочих рук.....выражает уже сравнительно высокую степень организованности всего аппарата и прочности пролетарской власти вообще... .С более широкой точки зрения...., пролетарское принуждение во всех своих формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является, как парадоксально это ни звучит, методом выработки коммунистического человека из человеческого материала капиталистической эпохи»¹¹².

¹¹² Бухарин Н.И. Экономика переходного периода. Ч. 1. Общая теория трансформационного процесса. – М., 1920. (Труды Социалистической академии общественных наук). – С. 145-146.

Приложение 3

«– Вы за это ответите, товарищ Талмудовский! – крикнул длиннополый, отводя от своего лица инженерский кукиш.

– А я вам говорю, что на такие условия к вам не поедет ни один приличный специалист, – ответил Талмудовский, стараясь вернуть кукиш на прежнюю позицию.

– Вы опять про оклад жалования? Придется поставить вопрос о рвачестве.

– Плевал я на оклад! Я даром буду работать! – кричал инженер, взволнованно описывая кукишем всевозможные кривые.

– Захочу – и вообще уйду на пенсию. Вы это крепостное право бросьте. Сами всюду пишут: «Свобода, равенство и братство», а меня хотят заставить работать в этой крысиной норе.

Тут инженер Талмудовский быстро разжал кукиш и принялся считать по пальцам.

– Квартира – свинойщик, театра нет, оклад... Извозчик! Пошел на вокзал!

– Куда? Куда? – залепетал секретарь, устремляясь за экипажем. – Вы – дезертир трудового фронта!»¹¹³. Оставим инженера Талмудовского еще помнившего те времена, когда нормальное стремление продать свою рабочую силу дороже считалось естественным и на него не навешивались идеологические ярлыки.

¹¹³ Ильф И., Петров Е. Золотой теленок. http://ga-la.ru/book/proze/ilf_i_petrov/telenok/?page=4

Приложение 4

Свобода перелива наемных работников вынудила большевиков заявить на XII съезде партии о том, что «общая политика зарплаты должна быть направлена на выравнивание средней заработной платы во всех отраслях промышленности, чтобы рабочие однородной или равноценной квалификации оплачивались везде приблизительно одинаково при действительной обусловленности индивидуальной зарплаты фактической выработкой»¹¹⁴. Хотя главной причиной перелива рабочей силы является несоответствие денежной оплаты интенсивности и продолжительности выполняемого труда, но при этом значительную роль играют и другие факторы. «Нарушения закона распределения по труду, недостаточная забота о культурно-бытовых условиях жизни рабочих усиливали текучесть рабочей силы, в том числе и среди квалифицированной части рабочих»¹¹⁵.

Если рассмотреть более поздний период 1920-х – начала 1930-х гг., то ситуация была следующей. В это время, как правило, шел массовый отток в города, но, тем не менее, наблюдались и обратные колебания в том случае, когда оплата на селе становилась более высокой чем в городе. Английский историк Р.У. Дэвис отмечал: «Ежемесячный обзор Госплана за июль 1932 г. констатировал серьезные проблемы в отношениях города и деревни: в результате попыток улучшить условия жизни крестьян, рабочие стремительно ушли с работы в городах и на стройках». «Уже весной 1932 г. недостаток хлеба в городах представлял собой серьезное препятствие росту рабочей силы. Многие стройки не могли эффективно работать из-за ухода голодных рабочих»¹¹⁶.

Данные за 1923-1935 гг. говорят о том, что % принятых рабочих на работу в основных отраслях промышленности к среднесписочному числу (за год) колебался от 91,6% (1935 г.) до 176,4 % в (1930 г.), а % выбытия рабочих к среднесписочному числу (за год) – от 86,1% (1935 г.) до 152,4 % в (1930 г.) (См. табл. 27)¹¹⁷.

Судить о том насколько серьезна была эта проблема можно по выступлению Сталина на июньском совещании хозяйственников в 1931 году, где он заявил о том, что мало найдется предприятий, где бы не менялся состав рабочих в продолжение полугодия или даже квартала, по крайней мере, на 30-40%¹¹⁸.

¹¹⁴ История социалистической экономики СССР в 7 т. / Акад. наук СССР, Ин-т экономики; ред. И.А. Гладков и др. – М.: Наука, 1976–1980. Т. 2: Переход к НЭПу. Восстановление народного хозяйства СССР, 1921–1925 гг. – 1976. – С. 232.

¹¹⁵ История социалистической экономики СССР в 7 т. / Акад. наук СССР, Ин-т экономики; ред. И.А. Гладков и др. – М.: Наука, 1976–1980. Т. 3: Создание фундамента социалистической экономики в СССР 1926–1937 гг. – 1977. – С. 70.

¹¹⁶ Дэвис Р.У. // Экономические науки. – 1990. – № 1.

¹¹⁷ Труд в СССР Статистический справочник / под ред. А.С. Попова; Центр. упр. нар. хоз. учета Госплана СССР. Отд. учета труда. – М.: ЦУНХУ Госплана СССР: В/о Союзоргучет, 1936. – С. 95. Также текучесть рабочей силы в разных сферах советской экономики см. С. 109, 116, 131, 145, 155.

¹¹⁸ Зная. – 1989. – № 5.

Приложение 5

Но в системе плановой экономики существуют различные административные ограничения на перелив рабочей силы, например, такие как прописка, закрытые города и т.д. Все это способствует тому, что в этих закрытых городах складывается более высокий жизненный уровень по сравнению с тем, что имеется в целом по стране.

Возьмем, например, Москву, где жизненный уровень выше чем в среднем по стране. И выше главным образом потому, что перелив рабочей силы с периферии в Москву строго ограничен. Самостоятельно, по своей личной инициативе, вы не сможете переехать в Москву и устроиться там на работу, даже если вы нашли обмен с Москвой и въезжает столько же человек, сколько и выезжает. Это все ничего не значит – это вовсе не значит, что вы получите московскую прописку.

Условия прописки в Москве жесткие, и они, примерно, таковы (на май 1991 г.) – получить прописку в Москве вы сможете, если за вас специальным письмом будут ходатайствовать ваше ведомство, министерство, с просьбой приблизить такого-то специалиста к месту работы. Можно получить прописку, если вам необходимо ухаживать за инвалидом такой-то группы, проживающим в Москве, а так же, если вы имеете отношение к МО, МВД, КГБ и имели ранее московскую прописку и т.д. Государственные чиновники давно поняли, что ограничения в переливе рабочей силы ведут к изменению жизненного уровня и реализовали это на практике. С целью создать более высокий жизненный уровень в Москве, где находится множество различных госучреждений, по отношению с остальной территорией страны, и были в значительной степени введены различные ограничения в переливе рабочей силы. И чем больше таких ограничений, тем сильнее может быть разница в жизненном уровне.

Приложение 6

Если масса денег в обращении больше чем сумма цен всех жизненных средств, идущих на продажу (с учетом, конечно, скорости оборота денег), то возможны два варианта. Либо сумма цен тех же жизненных средств автоматически поднимается до тех пор, пока предложение не уравнивается со спросом. Именно это и было проделано в России в начале 1992 года. В этом случае на первый план выходит борьба за повышение заработной платы. Это ясно было видно на примере забастовок за повышение зарплаты в Польше, Югославии, и в России в начале 1990-х годов.

Либо, если сумма цен жизненных средств остается та же, то важнейшее значение приобретает возможность отоварить деньги. Отсюда и разговоры о социальной справедливости, о равенстве рубля уборщицы и министра.

До этого в истории СССР наиболее острые проблемы несбалансированности денежной и товарной массы возникали два раза: в период коллективизации и после войны. Наиболее характерным является период коллективизации. Вот как складывалась обстановка к началу 30-х годов – в 1925/26 г. общая сумма доходов населения возросла по сравнению с предыдущим годом на 34,8%, товарная продукция сельского хозяйства и промышленности, производящей предметы потребления, увеличилась на 25%: в 1926/27 г. доходы населения возросли на 12,4%, а противостоящая им товарная масса – лишь на 4,3%¹¹⁹.

Плановые наметки, предусмотренные на конец первой пятилетки, были превышены в 1932 г. по общему фонду зарплаты примерно в два раза¹²⁰. Вот как это положение комментируется в многотомнике «История социалистической экономики СССР»: «Уже одно это обстоятельство, если к тому же учесть, что в 1932 г. пятилетний план производства предметов потребления не был выполнен, не могло не отразиться на соотношении спроса и предложения товаров»¹²¹.

Для извлечения излишних денег из обращения, кстати, выплаченных населению за выполнение определенных работ, государство прибегло к следующему маневру. Для обеспечения необходимого минимума была введена карточная система на самые необходимые продукты питания и предметы потре-

¹¹⁹ Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1927/1928 год / Госплан СССР. – М.: Плановое хозяйство, 1928. – С. 466.

¹²⁰ Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР. – М.: Издание Госплана Союза ССР, 1934. – С. 170, 178, 179.

¹²¹ История социалистической экономики СССР в 7 т. / Акад. наук СССР, Ин-т экономики; ред. И.А. Гладков и др. – М.: Наука, 1976–1980. Т. 3. Создание фундамента социалистической экономики в СССР 1926–1937 гг. – 1977. – С. 443.

бления. Этот переход на карточное снабжение начался с января 1929 г. Остальная же часть товаров (около 40%) начала реализовываться через государственную коммерческую торговлю по коммерческим ценам. Эти цены были лишь немного ниже рыночных. Разрыв между этими ценами и «карточными» ценами доходил до 10 раз.

Кроме того, существовал так называемый Торгсин, где цены были изначально ниже рыночных, но торговля шла на валюту и драгметаллы. Подобный же шаг государство проделало после войны и в начале 90-х годов, также с целью изъять у населения наличную денежную массу.

Во всех этих случаях государство верно самому себе – бросать в обмен на рабочую силу лишь столько жизненных средств, сколько необходимо для ее воспроизводства, но никак не больше этого минимума, т.к. повышение реальной зарплаты ведет к снижению прибыли, получаемой государством (при прочих равных условиях).

Приложение 7

Приложение 8

Рассмотрим теперь подробнее возможность обмена наличного рубля на иностранную валюту. В плановой экономике существуют деньги как средство обращения – это наличный рубль, обеспечивающий кругооборот между товаром – рабочей силой и товарами – жизненными средствами. Поэтому наличный рубль гораздо легче обменивается на валюту, чем безналичный рубль. Но от этого наличный рубль не стал конвертируемой денежной единицей (в западном понимании).

Для того чтобы другие страны признали деньги какой-либо страны, то есть проявили значительный интерес к покупке этих денег, необходимо, чтобы внутри страны был значительный рынок интересующих их товаров, в том числе и средств производства. Для стран со значительной долей госсобственности для этого необходимо провести фундаментальные изменения в отношениях собственности, то есть перейти от государственной монополии к частной и групповой собственности. А этот процесс гораздо более долгий и мучительный, чем легализация обмена наличного рубля на валюту.

О том насколько это трудный процесс можно видеть на примере Польши, которая значительно раньше СССР начала экономические реформы, но к началу 1990-х гг. не добилась конвертируемости злотого, так как в Польше не существовало значительного рынка товаров, которые бы интересовали зарубежного покупателя. И главная причина этому, – то, что польская экономика того времени оставалась плановой, то есть большая часть производимой продукции (а именно средства производства) не поступала на рынок, а распределялась внутри собственника – государства. Вследствие этого западные страны, и в первую очередь МВФ (Международный валютный фонд), не считали польский злотый конвертируемой валютой. Да и сами поляки обмен валюты на злотые осторожно определяли так – «частичная обратимость злотого».

Государство использует неконвертируемость рубля, наряду с административными мерами, для того, чтобы непосредственные производители не могли продавать самостоятельно свою рабочую силу в других странах. Характерным примером является продажа спортсменами своих способностей иностранным клубам при «помощи» государства.

Объясняя отличие зарубежных спортсменов от советских при заключении сделок со спортклубами В.И. Галаев, генеральный директор внешнеэкономического объединения «Совинтерспорт» пишет: «Суть вот в чем. В сделке, связанной с зарубежными спортсменами, задействованы два клуба и сам спортсмен. У нас добавляется еще одно звено – государство. Зарплата спортсмена, как и других советских граждан, выезжающих по контрактам за рубеж, регулируется, извините за длинное название «Схемой оплаты в иностранной ва-

люте специалистов, направляемых за границу для оказания технических и других услуг». Она утверждена на основании Постановлений Совета Министров СССР от 7 октября 1958г. и от 23 октября 1973г»¹²². Вот конкретный пример с нашими спортсменами, – футболист Заваров получал по контракту 1200 долларов США в месяц, а за него 2 млн. долларов получило «Динамо», 2 млн. – Госкомспорт, 1 млн. был направлен в госбюджет. Теннисистке Зверевой, которая попыталась самостоятельно заключить контракт, было заявлено, что он недействителен, т.к. она не является юридическим лицом.

«Аргументы и факты» так описывают деятельность ВААП (Всесоюзного агентства по авторским правам): «Гонорары за все виды использования за рубежом произведений науки, литературы, искусства советских авторов поступают на счет Всесоюзного агентства по авторским правам и через него выплачиваются авторам. Размер гонорара за издание сочинений, а также за публичное исполнение драматических и музыкально-драматических постановок определяется контрактом, заключаемым ВААП или при его содействии. Если произведение создано специально по заказу зарубежных организаций и ранее на территории СССР не печаталось и не исполнялось, то за гонорары по этим работам взимаются комиссионные отчисления в размере 15%, а с оставшейся суммы удерживается подоходный налог в размере от 1,5 до 13%. В других случаях с гонорара взимаются комиссионные отчисления в размере 25%, а с оставшейся суммы удерживается подоходный налог от 30 до 75% в зависимости от размера суммы, поступившей в течение года. Если гонорар переведен из социалистической страны, размер подоходного налога с первой тысячи рублей снижается на 50%»¹²³.

А вот мнение И. Резника по поводу ВААП (Всесоюзное агентство по авторским правам): «А уж о том, что мы получаем из-за рубежа, вообще говорить не приходится, поскольку из этих грошей ВААП умудряется высчитывать по 65%... Я считаю, что такая система – это узаконненное воровство, ведь ВААП ничего не делает в смысле помощи артисту, а только исправно высчитывает огромные проценты»¹²⁴.

Николай Петров, советский музыкант, широко известный за рубежом, пишет по поводу Госконцерта: «...единственный импресарио в стране, один на всех – Госконцерт. Он монополист. Никакой конкуренции. Поэтому он может и не делать ничего, никто у него не отнимет кусок хлеба. Но обычный импресарио давно бы прогорел, допуская такие накладки, а Госконцерту — плевать... Госконцерт даже не сборщик налогов. Он ходит возле поля, на котором работают люди, он ждет, когда они вырастят урожай. Тут-то он у них его и отберет. Госконцерт – экспроприатор в лучших традициях военного коммунизма. Он занимается не сбором продналога, а продразверсткой. Он типич-

¹²² Галаев В.И. // Эхо планеты. – 1989. – № 12.

¹²³ Аргументы и факты. – 1989. – № 19.

¹²⁴ Резник И. Братиславская лира – 89. О конкурсах, песнях и кризисе жанра // Аргументы и факты. – 1989. – № 26.

ный грабитель... Я пережил семь или восемь директоров Госконцерта, ни один из них при всем желании ничего изменить не смог. Надо менять саму систему»¹²⁵.

А.Н. Алексеев, профессор, делится своим опытом: «Я много раз бывал за границей... в качестве приглашенного эксперта Всемирной организации здравоохранения. ВОЗ платит мне 103 доллара в сутки. Но известны ли вам правила Минздрава СССР, по которым можно останавливаться в отеле не дороже 66 франков в сутки (около 33 долларов), а на себя потратить лишь 46 франков (23 доллара). А остальные я должен вернуть в бухгалтерию Минздрава. Зачем? Надо полагать, для поездок чиновников, которым платят из кармана министерства, а вернее – из моего кармана, эксперта, приглашенного ВОЗ для консультаций»¹²⁶.

¹²⁵ Петров Н. Талант на экспорт // Огонек. – 1989. – № 43.

¹²⁶ Алексеев А.Н. Слово читателя // Огонек. – 1988. – № 33.

Приложение 9

В данном приложении автор для простоты будет рассматривать ситуацию начала 1990-х годов в настоящем времени, в том числе и говоря о существовавшем названии государства того времени – Чехо-Словакия.

Итак, понимание того, что внутренняя неконвертируемость денег для средств производства неизбежно приводит и к внешней не конвертируемости, дает возможность проанализировать и взаимную торговлю между так называемыми соцстранами. Допустим, что СССР хочет продать в Чехо-Словакию нефть, но не за безналичные чешские кроны (на них практически ничего нельзя приобрести), а за определенные чешские товары. Точно так же и Чехо-Словакия совершенно не заинтересована продавать свои товары СССР за безналичные советские рубли. Поэтому приходится обменивать только товар на товар, где деньги выступают лишь в своей идеальной, счетной функции.

Если взглянуть на это несколько иначе, то, очевидно, что СССР продает свой товар в Чехо-Словакию одному покупателю – государству, так как оно является почти монопольным собственником средств производства. Покупать же чешские товары СССР вынужден у этого же собственника в силу его монопольного положения, в отличие, допустим, от Англии, где продать товар можно одной фирме, а купить у совершенно другой.

Итак, СССР продает и покупает товары почти только у одного собственника – чехо-словацкого государства, так же как и чехо-словацкое у советского. Здесь невольно возникает обмен товара на товар, то есть бартерная сделка, где деньги всего лишь идеальные, счетные. При расчетах между странами СЭВ такую роль выполнял переводной рубль. Таким образом, при взаимной торговле между соцстранами их национальные деньги не являются средством обращения, а выступают лишь в роли счетных денег. Чехо-Словакия не могла продать свои товары в СССР за безналичные советские рубли, а затем решить на эти рубли купить что-то уже не в СССР, а, например, в Венгрии, или тем более во Франции.

Сейчас предлагают (и пытаются осуществить) проводить взаимные платежи так, чтобы соцстраны рассчитывались друг с другом в свободно конвертируемой валюте, например, в долларах. Чехо-Словакия платит за нефть СССР долларами, так сказать живыми деньгами, СССР закупает оборудование у Чехо-Словакии тоже за доллары. Что из этого выйдет и насколько это реально, если останутся прежние отношения собственности, то есть государство останется собственником почти всех средств производства? ЧСР и СССР ведь могут за эту валюту купить необходимые им товары и в других странах. Но здесь необходимо учитывать сложившееся разделение труда. Советская промышленность уже «состыкована» с чехо-словацким оборудованием, а главные нефтепроводы тянутся в Чехо-Словакию из СССР. Налицо два продавца, и каждому нужно продать свой товар именно другому.

Почему говорится только о двух продавцах? Потому что ранее уже было выяснено, что эти два государства являются собственниками подавляющей части средств производства в своих странах. Итак, Чехословакия покупает советскую нефть за доллары, СССР тут же отдает их обратно за чешские товары. Это движение долларов туда-сюда сразу же становится излишним. Значительно проще провести бартерную сделку, где доллар будет счетной единицей. Но что произойдет в том случае, если нефтяникам строго предписывают, что продавать нефть можно только за валюту, никакого бартера? А произойдет и уже происходит следующее. У СССР нет валюты для покупки чешских товаров и у Чехо-Словакии. И по обе стороны границы начинают громоздиться товары, которые оба владельца страстно желают сбыть другой стороне, но не могут, из-за предписания продавать только за валюту.

Такое положение реально сложилось в сентябре 1990 г. по обе стороны советско-чешской границы. Обе стороны несут большие убытки. Выход один – бартер, что и делают Советы, давая разрешение на бартер, несмотря на прежнее указание. Итак, вновь бартер. Все осталось так же, лишь вместо «рубль» стали говорить «доллар». Еще один пример из российско-болгарской торговли начала 1992 года «... у Болгарии сложилось активное сальдо в торговле с Россией, достигающее 380 миллионов долларов. Как вести дела дальше, чем расплачиваться? Валюты у обеих сторон нет. Поэтому сошлись на варианте клирингового соглашения с использованием доллара США»¹²⁷.

Таким образом, реальные экономические законы сразу ставят на место различные выдуманные в министерских кабинетах прожекты. По-иному бы обстояло дело, если бы СССР продавал нефть в Чехо-Словакию, но такую Чехо-Словакию, где государство было бы хотя и собственником определенной доли средств производства, но все же одним из многих собственников средств производства внутри страны. Это привело бы к конвертируемости кроны для средств производства, и вопрос бы о бартерных сделках не ставился. Советы продавали бы нефть за кроны одним фирмам, а на них покупали товары у других фирм, т. е. как это и происходит в торговле какой-либо соцстраны с развитой капитаной. Бартер в отношениях между ними является скорее исключением, чем правилом.

Поближе рассмотрим вопрос о конвертируемости советского рубля в период перестройки. Многие советские экономисты поднимали этот вопрос. В частности, Н. Петраков, член-корреспондент АН СССР, заявляет: «С совместными предприятиями из-за неконвертируемости очень непросто. Наши сначала думали – «совместные» товары будем продавать на Западе за валюту, расплачиваться ею с иностранными партнерами и пополнять казну. Но фирмы объяснили – если б можно было продать там, они б не стали строить заводы здесь, велик риск. И приходится теперь расплачиваться с ними, экономя валюту на сокращении импорта. Это не выход. А как же им быть дальше? Расширить производство на свою рублевую прибыль они

¹²⁷ Российская газета. 20 февраля 1992 г.

не могут – бетон, трубы и т. п. не продаются, их Госплан, Совмин, Госснаб распределяют. Вопросов больше, чем ответов. Если же рубль конвертируемый, вопросы снимаются»¹²⁸.

Далее, он подобно многим советским экономистам, говорит о том, что ни экономических, ни политических препятствий для введения конвертируемости рубля нет. Да, значительных препятствий для введения открытого обмена наличного рубля на валюту нет (просто открыто будет проделываться то, что уже проделывается на «черном валютном рынке»). Это действительно верно. Но Петраков подразумевает под конвертируемостью рубля именно возможность покупать на рубли средства производства. А для этого необходимы грандиозные экономические перемены – изменение форм собственности, здесь так сказать препятствие на препятствии. Лишь в той мере, в какой появится рынок средств производства в стране, советский рубль будет интересовать западные страны, а в соответствии с этим МВФ будет определять рубль как конвертируемую валюту такой-то категории.

Утопизм взглядов многих деятелей данной эпохи том и состоит, что они считают, что всеохватывающая государственная собственность на средства производства и признание другими странами конвертируемости рубля – вещи совместимые.

Государство, выступая на внешнем рынке как товаропроизводитель, с тем же правом собственника распоряжается и полученной валютой. А Брылов, начальник директората международного коммерческого управления Аэрофлота, отмечает: «Аэрофлот... получает 2 процента от нее [валютной прибыли]... мы выполняем роль инкассаторского мешка: зарабатываем и сдаем в бюджет государства даже сверхплановую валютную прибыль»¹²⁹.

Ю. Н. Меринов, первый секретарь Находкинского горкома КПСС, говорит о местных проблемах: «Как только вышло постановление о создании совместных предприятий с зарубежными фирмами, мы сразу занялись изучением своих возможностей: сумеем или нет сделать Находку привлекательной для иностранных инвесторов? Но Министерство финансов было начеку. Оно тут же приписало к постановлению ограничение: самостоятельно мы вправе создать совместное предприятие с капиталом, не превышающим определенную, крайне мизерную сумму. То есть крупные совместные предприятия можно образовывать только с позволения Министерства финансов. Сколь трудно добывать его разрешения, мы слишком хорошо знаем. Поступило и другое разъяснение: валютные счета открываются исключительно в городах краевого подчинения. На наши руки навесили, следовательно, дополнительные цепи. Даже если и появятся у нас совместные предприятия, их валютную прибыль мы будем обязаны перечислить в вышестоящие органы и испрашивать их соизволения на расходование нами же заработанных денег»¹³⁰.

¹²⁸ Петраков Н. // Изобретатель и рационализатор. – 1989. – № 4.

¹²⁹ Брылов А. // Московские новости. – 1989. – № 20.

¹³⁰ Меринов Ю.Н. Дальневосточные перспективы // Огонек. – 1988. – № 52.

Приложение 10

Как говорилось ранее, в странах с рыночной экономикой существует единый денежный мир и нет препятствий при превращении наличных в безналичные и наоборот. (В крайнем случае с вас удержат небольшой процент при переводе безналичных в наличные). Здесь существует единый денежный мир, где различие в форме денег не влияет на их сущность как универсального эквивалента для всей производимой в обществе продукции. В этом обществе товаром становится все, что производится.

В отличие от всех иных форм экономики плановая экономика является единственной известной человечеству типом экономической системы, когда в обществе существует один единственный собственник всех средств производства, или по крайней мере, очень большой части средств производства. Вследствие этого, государство, как и всякий собственник, вынуждено планомерно распределять свое имущество, а именно – средства производства. Но т.к. их доля в экономике страны очень велика, то возникает мир безналичного рубля.

Если попытаться взглянуть на иные типы экономических систем (натуральное хозяйство, рыночная экономика, смешанная экономика), которые когда-либо существовали в истории человечества, то становится очевидным, что существование двух денежных миров (а значит, и границы между наличными и безналичными деньгами) было им вообще неизвестно.

Данное положение можно объяснить тем, что при всех иных типах экономических систем – начиная от древнего Египта и кончая современной смешанной экономикой, в обществе существует много собственников средств производства (свободные общинники, охотники, ремесленники, рабовладельцы, крестьяне, торговцы, предприниматели, землевладельцы и т.д.), и поэтому средства производства постоянно поступают на рынок и вступают в куплю–продажу. Вследствие этого существует единый товарный мир и единый денежный мир.

Существование границы между наличным и безналичным рублем объясняется тот бросающийся в глаза очевидцу факт, что наряду с огромной массой неотоваренных наличных рублей (в период горбачевской перестройки, по разным оценкам данная масса превосходила товарную массу в 2-2,5 раза) существует большое количество простаивающих средств производства. Но, эти неотоваренные наличные рубли не могут преодолеть эту границу, за которой зорко следит государство. В противном случае государство утратило бы свою монополию на средства производства, что привело бы к развалу данной экономической системы.

Государство стремится сохранить себя монополистом, что приводит к четкой и практически непреодолимой границе между миром наличного рубля и миром безналичного рубля. Вследствие этого наличный рубль не приводит в движение безналичный рубль, обеспеченный средствами производства.

Примеров можно приводить огромное количество. Большой, а зачастую огромный дефицит на различные товары народного потребления, с одной стороны, и большая масса неотоваренных наличных рублей, с другой стороны, ясно показывают, что наличные деньги не приводят в движение средства производства, то есть они не вторгаются в область, где царит планомерное распределение данных средств и безналичный рубль, который здесь выступает только как калькуляционные, счетные деньги для средств производства.

Возьмем, например, Калининградское книжное издательство, которое долгие годы выпускало пользующуюся большим спросом хорошую художественную литературу (Пикуль, Дюма, приключенческую литературу, кулинарные книги и т.д.), но при всем этом не могло увеличить данное производство. В случае, если бы издательство на полученные наличные деньги могло свободно приобретать нужные ему средства производства, то количество литературы значительно увеличилось, и дефицит бы исчез. Но при данной экономической системе это невозможно, т.к. государство как собственник данного издательства, забирает полученные наличные рубли, а затем выделяет данному издательству определенное количество безналичных рублей, обеспеченных материальными ресурсами (средствами производства), необходимыми для продолжения производственной деятельности. (Та же самая ситуация со многими государственными предприятиями, – несмотря на значительный дефицит их продукции и желание населения купить ее, производство продукции увеличить самостоятельно данные предприятия не могут).

Государство выделяет для издательства определенное количество материальных ресурсов, которые имеют денежную оценку. Но т.к. денежные миры являются практически независимыми друг для друга, то для каждого предприятия, выпускающего товары народного потребления, соотношение между полученными наличными рублями и безналичными рублями, обеспеченными материальными фондами, может быть совершенно различным. Это зависит в первую очередь главным от того, какие предприятия государство намерено расширять, а какие только поддерживать на прежнем уровне. Так, Волжский автомобильный завод, несмотря на то, что государство от продажи продукции этого завода получает большое количество наличных рублей, не может освоить выпуск более современной модели, потому что государство решило выделять ему недостаточное количество безналичных рублей, обеспеченных материальными фондами.

Так же как наличный рубль не приводит в движение безналичный рубль, обеспеченный фондами, совершенно так же и безналичный рубль не приводит в движение наличный рубль. Например, на определенном предприятии сэкономили сырье, электроэнергию, транспортные расходы, материалы и т.д. Но это предприятие не может произвольно, по своему усмотрению, превратить эти сэкономленные безналичные рубли в наличные деньги для увеличения зарплаты. Государство здесь регулирует обратный переход безналичных в наличные, и допускает увеличение фонда заработной платы, учитывая только

дополнительные трудозатраты наемного работника при осуществлении данной экономии. (Так, из собственного опыта знаю, что, например, рационализаторское предложение, которое могло сэкономить материальных ресурсов на десятки, или на сотни, или тысячи рублей, оценивалось одинаково – 10 рублей наличными.). Конечно, для того чтобы стимулировать интерес к экономии средств производства, государство может пробовать устанавливать определенный процент выплаты наличными за экономию материальных ресурсов. Но тогда процент наличных, выплачиваемый за экономию материальных ресурсов, практически всегда будет устанавливается в каждом конкретном случае, и будет учитывать только дополнительные трудозатраты наемного работника. В противном случае государство рискует получить весьма богатого и умного и независимого работника, который вполне может, как минимум, уже другими глазами смотреть на то, что творится в стране.

Вообще только первоначально может показаться, что государство устанавливает какие-то пропорции для своих предприятий при превращении безналичных рублей, обеспеченных материальными фондами, в наличные рубли. В реальности все происходит гораздо проще. Государство просто забирает себе наличные рубли, полученные от продажи населению товаров народного потребления, и выделяет предприятиям необходимые для продолжения процесса производства материальные ресурсы, стоимость которых выражена идеально в безналичных рублях. Пропорции между наличными и безналичными могут складываться совершенно по-разному на разных предприятиях, и только неискушенному взору может показаться, что на государственных предприятиях существуют какие-то устойчивые пропорции «обмена» безналичных рублей, покрытых материальными фондами, на наличные рубли. Если по каким-то причинам на государственном предприятии нужно будет значительно повысить зарплату, то данная пропорция тут же изменится.

Основываясь на понимании того, что существование и глубокий «водораздел» между двумя денежными мирами возникает из существующей формы собственности в советском обществе, стоит высказать соображения по поводу действий тех государственных мужей того времени, которые в своей практической деятельности сталкивались с вопросом – что делать с различием между наличными и безналичными деньгами? Разрешить ли свободное их превращение друг в друга? Или же строго контролировать? Или же разрешить их превращение друг в друга, но с определенными ограничениями?

Здесь обычно практиковались два подхода. Первая группа – это те, кто не желал в основном менять систему, то есть не желал отказываться от монополии государства на средства производства, но стремился ее как-то подновить. Вторая же группа – это те реформаторы, которые действительно желали изменить существующую экономическую систему, но при этом не совсем четко представляли, что она есть на самом деле.

Обращаясь к первым можно было сказать – вы не желаете изменений в отношениях собственности, но в то же время хотите что-то предпринять, модер-

низировать в сфере отношений между наличными и безналичными деньгами. Вы надеетесь, что эта модернизация в определенной степени оживит экономику. Вы начинаете экспериментировать – то разрешаете более менее свободное перетекание денег туда и обратно, то, видя, что наличные деньги, таким образом, растут как снежный ком, прекращаете этот переток. Но необходимо знать, что сохранение государственной монополии неизбежно ведет к восстановлению границы между наличным рублем и безналичным. Если вы поддаетесь каким-либо уговорам или собственным фантазиям и позволите довольно свободный переток денег, то очень скоро на руках у населения появится огромная масса наличных денег, которую вы не сможете отоварить. Это заставит вас вернуться к старой практике контроля за перетоком денег, но теперь перед вами будет стоять проблема как изъять у населения эти груды неотоваренных денег. Такого рода печальный опыт был уже приобретен за последние годы горбачевской перестройки. Не искушайте судьбу, держите строгий контроль, пока существует государственная монополия на средства производства, чтобы эти два вида денег вращались только в своем кругу, иначе когда-нибудь очередной эксперимент на тему свободного перехода безналичных рублей в наличные накроет вас девятым валом неотоваренных наличных рублей. Если вы признаете монополию государства на подавляющую часть средств производства, то каковы бы не были ваши желания, вы вынуждены будете признать и следствие такой монополии, то есть существование четкой границы между наличными и безналичными деньгами.

Тем же государственным деятелям, которые действительно стремились в период перестройки преобразовать экономические отношения, и которые сталкивались с вопросом – что же делать с границей, существующей между наличными и безналичными деньгами, можно было представить следующие соображения. Какими бы благими не были ваши намерения, когда вы окажетесь у рычагов государственной власти, первоначально вам придется смириться с разделением денег на наличные и безналичные. И лишь, поскольку в дальнейшем будет исчезать монополия государства на средства производства, и на внутреннем рынке будет появляться все больше независимы собственников средств производства, лишь постольку необходимо будет устранять ограничение перетока наличных в безналичные, и наоборот. Появление возможности любому человеку купить на рынке любой товар, в том числе и средства производства, делают деньги всеобщим покупательным средством. Теперь его деньги будут пронизывать всю ткань производственной жизни, они будут опосредствовать обмен между всеми продуктами, производимыми в обществе.

Теперь в 2020 году можно ясно видеть, что данные соображения оправдались, и разрушение монополии государства и появление независимых собственников средств производства привело к исчезновению отдельных денежных миров и границы между ними. Сейчас – это единый денежный мир, где на различные виды денег можно приобрести любую продукцию или услугу, произведенную в обществе.

INTRODUCTION

This work is partially based on the monograph “Economics of the absurd or the absurdity of economics?”¹³¹ written in 1990 by the author together with Vitaly Ivanovich Glukhov. Thirty years have passed, and the author considers it necessary, taking into account the accumulated experience, to look with different eyes at the problems posed (as well as at a number of new problems, for example, at the nature of profit).

To save the reader’s time, the author applies his previous technique, namely, this preface will show the essence of this work on several pages. The reader will spend only a few minutes, and will not be forced to read the entire work. Having become interested, he can read further the main text and the corresponding annexes.

So, if we take all types of economic systems known to the history of mankind, then in a planned economy there are the most complex market relations that are known to mankind. The most striking examples of the above relations are the existence of two worlds of money, in which money performs different functions, “fictitious” buying and selling between state enterprises, the inconvertibility of the national currency, a clear border between the two worlds of money, etc. The author offers a simple and elegant technique that allows you to logically understand these market relations as a coherent system. It should be emphasized that the analysis is based mainly on data from the Soviet economy from the 1970s to the early 1980s.

First, you need to define what is a commodity in a planned economy. The author believes that this requires the simultaneous existence of two conditions:

- 1) division of labor;
- 2) this division of labor must exist between independent owners.

The author gives a number of examples to illustrate this point. Further, the author determines who is the owner of what, and between which owners there is a division of labor.

If we take the four main factors of production, then the state apparatus owned land, capital and entrepreneurial ability, and the ordinary citizen owned his labor force. A division of labor arose between them by mutual interest. An ordinary citizen, having no means of production, will willingly

¹³¹ Petukhov V.A. Glukhov V.I. The economy of the absurd or the absurdity of the economy?: monograph. – Sverdlovsk: IMC “Inform”, 1990. – 62 p.

work for someone under an employment agreement in order to provide himself and his family with the means of subsistence (food, clothing, housing, etc.). On the other hand, the state needed to provide its factories and plants with labor. Market relations arise – an ordinary citizen sells his labor power to the state for a while, and the state in exchange gives him a means of subsistence. Labor power and means of subsistence become commodities. The development of this exchange leads to the emergence of a cash ruble, which begins to play the role of a medium of circulation in the sphere of exchange of labor for subsistence means (i.e., these are the means that are necessary for an employee for the normal restoration of his labor force at this stage of society development). This is how the world of the cash ruble arises. The functioning of the cash ruble as a medium of exchange leads to the fact that the rest of the functions of the cash ruble (means of accumulation, means of payment, world money) begin to work.

But nearby there is another world where all means of production are produced, function and perish within the framework of one owner – the state. These means of production do not enter the domestic market. For the means of production, money works only as counting, calculating money, but does not work as a means of circulation (that is, it is impossible to buy means of production with it). This was well known to all Soviet business executives who knew that the main thing to ensure the production process was to obtain material assets (equipment, raw materials, fuel, etc.). At the same time, non-cash rubles, not backed by funds, meant nothing. (In general, the inoperability of money as a means of circulation for the means of production is due to the fact that market relations do not arise between state enterprises, since one of the above 2 conditions for the emergence of market relations is absent, namely, these enterprises belong to one owner – the state. It is quite obvious that the owner cannot trade with himself).

The functioning of cashless rubles as ideal, accountable money and, at the same time, their inoperability as a medium of circulation gave rise to the problem of “fictitious sale and purchase” between state enterprises. Economists, seeing the movement of the means of production between state enterprises, despite the fact that these funds had a monetary value, argued that this is a purchase and sale, this is a commodity relationship. But then they were forced to admit that this is only an appearance of sale and purchase, in reality it is a planned distribution of resources within one owner – the state. The inoperability of the cashless ruble as a means of circulation for the means of production causes the inoperability of subsequent functions – means of accumulation, means of payment, world money. The accumulation of cashless

rubles was practically of no interest to the directors of Soviet enterprises. they could not purchase means of production (directors and suppliers were much more interested in various scarce material assets). Money did not function as a loan either, which is clearly seen in the complete absence of bankruptcies of state enterprises in a planned economy. The national currency of all socialist states was not convertible. (The exception was Yugoslavia, because due to the presence of group ownership there existed a certain market of means of production, due to which the Yugoslav dinar was recognized by developed countries as partially convertible currency).

This author's analysis gives an answer to a practical question – what had to be done to make the Soviet ruble convertible? The logical chain will look like this – in order for the function of world money to work, it needs to work for the function of the medium of circulation for the means of production. And for this it is necessary that market relations arise between state enterprises. Earlier, the author indicated 2 conditions with the simultaneous existence of which market relations inevitably arise. Because the division of labor between state enterprises already existed, it remains to make them independent owners (group, private property). The emerging market relations between the former state-owned enterprises after privatization led to the fact that the ruble began to act as a medium of exchange for the means of production, and this led to the fact that the ruble began to fulfill, among other things, the function of world money. Practice has confirmed this assumption. The national currencies of all former socialist countries that destroyed the state's monopoly on the means of production became convertible (Polish zloty, Russian ruble, Czech koruna, etc.). In two countries where the state's monopoly on means of production has been preserved (Cuba and North Korea), the national currency is still not convertible.

The border between the two money worlds – the world of cash ruble, where labor is exchanged for livelihoods, and the world of cashless ruble, where the cashless ruble acts only as calculating money for the means of production, is divided and strictly controlled by the state. Cash rubles can not go into the sphere of means of production and buy them, and cashless rubles on the accounts of state enterprises cannot be used to purchase livelihoods. The existence of this border is necessary for the normal functioning of this economic system, and the elimination of this border leads to the collapse of this system.

The existence of two money worlds is a unique phenomenon in the economy of mankind, and it is caused by the fact that only in a planned economy does the state have a monopoly on the means of production.

Further, the author examines the nature of profit and finds out that every living creature (including a person) searches for food using the obvious principle – minimum costs while achieving maximum results. And since the activity of a commercial firm is based on the satisfaction of the needs of the person who is the organizer of this firm, then this organization uses the same principle – minimum costs and maximum income (revenue). The difference between income and expenses is the firm's profit. Thus, the unity of the principles of economics in the animal and human worlds becomes obvious. (Note: The well-known economist D. North notes that Western sociobiologists and economists are making joint efforts to study the parallels between the main ways of evolutionary development of animals and similar models of human behavior, and as a result, many Western economists have come to the conclusion that this approach not only deserves attention, but also makes it possible to draw important conclusions about human behavior).

Consequently, any living creature in the extraction of food has a kind of “profit” (or “loss”), equal to the difference between the result and costs. These costs and benefits can be expressed as energy expenditure (in calories), or as hours required to obtain food. For example, a lynx spent 10 hours on catching a small roe deer and spent an energy equal to 1000 kilocalories. This 1000 calories will be replenished with 0.5 kg. meat (let's assume that this roe deer meat contains 2000 kcal per kg of meat), and the rest of the meat (for example, the remaining 10 kg of pure meat) will contain 20,000 kcal, which will allow the lynx not to hunt (all other things being equal) during the rest 20 days. Thus, the “profit” of the lynx will be 10 kg. meat (i.e. 20,000 kcal.), or 20 days free from hunting.

Further, the author compares animals (and then also humans) with “biological mechanisms”, and other inanimate things with “non-biological mechanisms” in order to more clearly show what affects the amount of “profit” in the animal world. So the summer season in the temperate latitudes of the Northern Hemisphere as a whole (temperature, amount of moisture, heat, grass, greenery, insects, etc.) is a “non-biological mechanism” that significantly reduces the cost of obtaining food and thereby increases the “profit” in animal world. Practically the same thing happens in the human economy – a favorable climate, rich soils, sufficient precipitation (i.e. the same “non-biological mechanism”) give the farmer additional profit (differential rent № 1).

Another interesting example is beaver dams. These smart animals build dams, which, among other advantages, allow beavers to significantly

reduce their costs (time and energy) when transporting branches of various trees that serve as food for them. Moving this food to the dwelling by water is much less laborious than moving it over land for the same distance. With a rational organization of the dam, the costs of its construction are more than compensated for by the benefits from the subsequent reduction in costs for transporting feed by water. As a result, the beaver family gets a “profit” from the functioning of such a “non-biological mechanism”. The same is true for a farmer who improves his land: builds bridges, dams, roads, outbuildings, reclaims the land, etc. By constructing a bridge that benefits the farmer, the farmer first pays for the cost of the bridge, and then he begins to generate additional income, which economists call differential rent № 2. And in this case (as in the animal kingdom), the bridge can be considered a “non-biological mechanism” that brings profit to its owner.

Profit in the animal world can also be brought by the interaction of various “biological mechanisms” with each other. For example, experts note that the caterpillars of the silver butterfly live in colonies of sharp-bellied ants, and they act as “milk cows”, because the ants feed the caterpillars, and they, in turn, secrete a certain sap that the ants eat. This situation is constantly repeated from generation to generation, which indicates that the benefits of such maintenance of these “dairy cows” outweigh the costs of their maintenance. In the human economy, the picture is the same – keeping a cow or a horse suggests that this “biological mechanism” gives the farmer who rationally conducts business more income than the cost of it (that is, creates a profit).

However, the greatest interest is caused by the situation when animals use tools, and this was the first time (apparently) happened even before the appearance of primates, and even more so of man himself. There is such a bird, the woodpecker finch, which is almost the only bird that obtains food with the help of tools of labor created by itself. Moreover, the reel is even capable of further processing its tools – shortening too long sticks and breaking off the branches on the sticks. With the help of a stick (or a thorn), she extracts beetle larvae from under the bark of trees, and, depending on the situation, she acts with a stick either as a lever or as a spear. In essence, this rod is a “non-biological mechanism”, and possibly one of the most ancient progenitors of subsequent “non-biological mechanisms”, later created by man in the form of numerous traps, machines, mechanisms, machine tools, robots, etc.

Let us briefly dwell on the economic feasibility of using this stick (or thorn). It is quite obvious that the stick increases the number of larvae

caught. – otherwise the stick would not be used. The cost of making a finch stick is lower than the additional result in the form of additional larvae. For example, the cost of making a stick is 10 minutes (or energy, for example, contained in 1/50 of the larva), and the stick can work intermittently for several hours and get two additional larvae (that is, receive the energy contained in these two masks) ... The “profit” of the finch is evident from the rational use of the stick (this “non-biological mechanism”). (Expressed in Marxist language, we can say that the “exchange” value of this “mechanism” (i.e. 10 minutes of the bird’s work) is less than its use value (i.e. several hours of the functioning of the stick)). In human society, a similar picture is observed – an entrepreneur uses such “non-biological mechanisms” (machines, mechanisms, equipment, etc.) to make a profit, the acquisition cost of which is lower than the cost that this mechanism creates in the process of functioning. Here again, the above principle is observed – minimum costs and maximum results.

So, “profit” in the animal kingdom and profit in the human world are created by various “biological” and “non-biological mechanisms”. (this approach also allows you to easily and gracefully solve a complex theoretical issue of economic theory – see main text).

Further, the author proceeds to analyze the planned economy and notes that profit-making here has an important feature – namely, it falls entirely into the pocket of one owner (state). This is due to the state’s monopoly on the means of production, which in turn leads to a lack of competition within the country.

If we define capitalist production as production that has two important features: 1) labor becomes a commodity; 2) production is carried out as expanded reproduction, then it becomes quite obvious that the planned economy (the classic example of which is the Soviet economy) is a new type of capitalism. Here, the state acts as a monopoly capitalist, and ordinary citizens of the country are hired workers.

The aforementioned lack of competition within the country under the capitalist mode of production directly led to economic decay and lag behind the developed capitalist countries. This, in turn, led to a historic loss in economic competition.

PART 1

COMMODITY RELATIONS IN THE PLANNED ECONOMY

1. The starting point of the analysis of market relations in any economic system

Market relations in a planned economy are the most difficult in the history of mankind – the existence of two money worlds in which money performs different functions, a “fictitious” purchase and sale between state enterprises, the inconvertibility of the national currency, etc. In other economies, market relations are much simpler. In the subsistence economy (traditional economy), they are absent (the main principle of this economy is “he produced himself – he himself consumed”). In a market economy, market relations are also very obvious – in essence, a commodity is exchanged for a commodity (the principle “you to me – I to you”), and their essence and functions of money are described in detail by the historical school of the origin of money. (It should be noted that many Western economists quite reasonably consider the circulation function to be the most important of the functions, because if it stops working, then the subsequent functions of money, such as a means of payment, a means of accumulation and world money, do not work. This consideration will help in the further analysis). The modern mixed economy is basically a market economy, and there, too, market relations work in a similar way. In the planned economy, however, everything is more confusing – for example, you could buy shoes in a store, but you could not buy an airplane.

A natural question arises – why study the planned economy, which is already the past. The author sees several reasons:

- this is the history of Russia and many other countries;
- history gives Russian economists a unique chance and challenges – a huge amount of empirical material has been accumulated, process it, show regularities, and bring it into a clear system. It can be noted that for Western economists who did not grow up “inside” the planned economy, much is incomprehensible, in contrast to us, who saw all this “live”. The uniqueness of the chance lies in the fact that the history of mankind knows only 4 types of economic systems (traditional economy, market economy, planned economy, mixed economy), and the Soviet economy is a classic example of a planned economy;

– this topic is an excellent material (including for students of economics) for the development of economic logic.

To analyze the above market relations in a planned economy, the author proposes a simple way – the author gives only one initial proposal, and develops it logically.

The author raises the question – how to define what is a commodity in any economic system? Author's answer: **a division of labor between independent owners is necessary.** Independent in the sense that they do not know any other power over themselves, except for the element of voluntary exchange with each other. It is necessary to dwell on this proposal in more detail, since then it will help to easily solve a number of difficult issues. The author argues that only when these two conditions exist, commodity relations arise (the principle of the market “you are for me – I for you”). If one of the conditions is absent, then commodity relations do not arise.

The author proposes to consider this by examples. Take a pen in one hand and a notebook in the other. Is there a division of labor between your hands in this case? Yes there is, one hand holds a pen and the other a notebook. Now ask a question – can these two hands enter into market relations and start trading with each other? No, they can't. Why? Because they are not independent owners, they belong to one owner – you. And the owner cannot trade with himself with all his will (of course, if the owner is clearly defined and the property rights are not blurred, for example, in relation to trusts in Soviet Russia during the NEP period).

Another example. Look at your body – is there a division of labor between different organs in it? Yes there is, – the heart pumps blood, the liver produces certain enzymes. Can your heart offer your liver – I have a lot of good oxygen-rich blood, and you have a lot of enzymes – let's change. No, it cannot, because the heart and liver are not independent owners, but belong to you, and the owner cannot bargain with himself. Take the opposite example: there are independent owners, but there is no division of labor between them, for example, you and your neighbor in the country. You occasionally see each other through a fence, you are independent owners, you conduct your independent economy, but there is no division of labor between you, and therefore you do not enter into market relations with each other. One of the conditions for the emergence of market relations is also absent.

But let us continue the example with summer residents – you are a good specialist in the cultivation of cucumbers, and you have a large harvest of these cucumbers and you do not know what to do with them.

And your neighbor in the country is an excellent apple specialist, and he has the same picture – he doesn't know what to do with the extra apples. You have a very reasonable idea how to turn a huge minus into a huge plus – until the cucumbers in good condition, can I exchange them for my neighbor's apples? The neighbor has a similar thought. You meet him at the fence, stipulate the proportions of the exchange, and here a real market appears at the fence, when there is a division of labor between independent owners. (For a series of additional discussions on the problem of the plan and the market and historical examples on this issue, see Annex 1).

After all of the above, we can appreciate the theoretical position of N. Shmelev: "The market and the social division of labor are inseparable."¹³² He himself refutes his claim in the same article, although he does not notice it. Recognizing that there is no market in the USSR, and every Soviet person knows that there is a division of labor in a planned economy, Shmelev shows that the social division of labor and the market are separable things. For Shmelev, the division of labor leads only to sale, and if reality does not correspond to this, then this is explained by the fact that the market is driven out by a stick, that idealists break economic laws, etc.

2. What is a commodity in a planned economy?

Based on the position that market relations inevitably arise in the division of labor between independent owners, it is necessary in a planned economy to determine who the owner of what is and between which owners there is a division of labor. We take four classical factors of production – land, capital, entrepreneurial ability, labor.

Land in the Soviet Union really belonged to the state (state apparatus), although formally on paper it was the property of the whole people. (Article 11. The Constitution of the USSR. "State property is the common property of the entire Soviet people, the main form of socialist property. The exclusive property of the state is: its subsoil land, water, forests"). Academician VASKHNIL V.A. Tikhonov so assessed the situation: "Our state acts as the owner of all decisive means of production, including natural resources – land, its bowels, water, forests. In the hands of the state are concentrated financial resources"¹³³.

Now let us determine who owned the capital, i.e. factories, factories, etc.? The answer is the same – in reality, in the ownership of the state

¹³² Shmelev N.P. Either force or ruble // Banner. – 1989. – No. 1.

¹³³ Tikhonov V.A. // Literary newspaper on August 3, 1988.

apparatus. An ordinary citizen, only nominally on paper, was a co-owner of this property.

The next question is – who was the owner of entrepreneurial ability in the Brezhnev Soviet Union? The state apparatus represented by the State Planning Commission – it determined where to build factories, which products to produce, which prices to set, etc. If an ordinary citizen tried to show himself entrepreneurial ability – to produce or sell something without state permission, then he was threatened with an article in the Criminal Code for private entrepreneurial activity. This was most clearly manifested in the classical form in Central Russia, but in the Caucasus and the Baltic states (and even more so in Poland) the situation was in many respects different.

Academician L.I. Abalkin concluded the following: “The owner of the property is the one who realistically, not formally disposes of, who makes decisions about it, who sends the function of the owner of this property. And the conclusion suggests itself: the owner is the administrative apparatus.”¹³⁴ Academician VASKHNIL V.A. Tikhonov defined the situation this way: “Departmental monopolies have grown together with the state apparatus, and now we are no longer dealing with individual branch monopolies. We have a system of state-monopoly economy”¹³⁵.

B.N. Yeltsin wrote: “The power in the country belongs to the party-bureaucratic apparatus, to which we have long been taught to sacrifice personal well-being and dignity”¹³⁶. In the newspaper “Soviet Russia” it was noted: “It is calculated: farms and enterprises are fenced with a kind of fence of 13 thousand different instructions, restrictions, prohibitions”¹³⁷.

The author raises the following question – who was the owner of the workforce of ordinary citizens? Usually there are two possible answers here – it belonged to the state or it belonged to the citizens themselves. If it belonged to the state, then the Soviet Union would be a kind of slave or feudal society.

The author suggests recalling an ordinary picture from classical Russian literature. The master comes out onto the porch, followed by the manager. A crowd of serfs stands below. The master says – five men for the mowing, the rest of the stables to repair, the girls in the yard to pickle cucumbers. Was there such a situation in the Brezhnev Soviet Union? No, that was not the case. Ordinary citizens themselves decided where to work.

¹³⁴ Abalkin L.I. Update Strategy // Spark. – 1989. – No. 13.

¹³⁵ Tikhonov V.A. // New World. – 1989. – No. 5.

¹³⁶ Yeltsin B.N. // For industrial personnel. – Sverdlovsk: UPI, January 5, 1989.

¹³⁷ Soviet Russia July 2, 1987.

If he wanted to, he enlisted and went to work in the North, where a tractor driver, when laying gas pipelines, received 1200 rubles a month with an average salary in central Russia of 160 rubles. Or he went to work for a fishing seiner for six months. Fishermen in Kaliningrad for six months of work on seiners in the Pacific Ocean brought home 4000-5000 rubles.

The author considers it necessary to note that reality was richer than the described dry scheme. So after graduation there was a compulsory distribution for three years. If you worked for the defense industry somewhere in the “mailbox”, then the possibility of free movement and choice of place of work was noticeably reduced. But in general during the Brezhnev era, the overwhelming majority of ordinary citizens owned their own labor force within the country – he wanted to go to work in the Far East, to the Baikal-Amur Mainline, to the North, he wanted to go to the fertile Krasnodar territory closer to the sea for health reasons, he wanted to settle in fishing fleet in Kaliningrad.

So in Brezhnev’s time, the state owned the means of production, land, its bowels, forests and fields, and also entrepreneurial ability. The property of an ordinary citizen is his labor force. But such a distribution of property did not arise because it was someone who decided.

It arose as a result of a fierce struggle. Take a look at the story. At the end of the civil war in Russia in 1920 the question arose – how to raise production? The economy was in a state of devastation, or, as Lenin said, in a state of a half-beaten man. Leon Trotsky suggested – we do not dissolve the army, but will transform it into labor armies. One – to dig peat in Shatura, the other (in which Pavka Korchagin was) to cut wood near Kiev, the third – to extract salt on the salt marshes in Crimea, the fourth – to build Volkhovstroy, etc. Those who evade this duty should be considered deserters of the labor front with corresponding grave consequences.

In other words, the Soviet government tried to turn the free citizens of the former Russian Empire into half-slaves, half-serfs. (For more on the views of the Bolshevik leaders on this issue, see Annex No. 2).

Partially they tried to organize similar labor armies in Petrograd in the winter of 1920-1921. Forced labor, beggarly rations, the very quality of work aroused deep indignation among the St. Petersburg workers, who perfectly remembered the pre-revolutionary times with their abundance of goods, a very high standard of living, and freedom of choice including the place of work. The question naturally arose – what was the revolution for? People began to resent – Kronstadt uprising, Tambov uprising, dozens of other uprisings. In the winter of 1920-1921 a meeting of workers in the metallurgical

industry was held in Moscow. The workers directly spoke to the leaders of the Bolsheviks – we demand the abolition of the surplus appropriation service, the abolition of labor armies, freedom of trade, freedom of the press, etc. by the list. The leaders of the Bolsheviks had the intelligence to understand – if they continue to push, they will be swept away. Therefore, reluctantly, they said – the surplus-appraisal is canceled, the labor armies are canceled, peasants are free to sell surplus of their bread in the market, private capital is allowed, concessions of foreign capital are allowed, etc.

In other words, a certain historical compromise was reached – ordinary people owned their labor force and their personal property, and the state owned the main means of production. This situation then arose in almost all socialist countries. Nobody could force a person all the time, all his life to work in one enterprise. He had the universally recognized right (and it was enshrined in the Labor Code) to notify the authorities within two weeks that he quits and at the end of this term to leave work. (Note. Here I cannot help but give a beautiful picture of the 1920s described by Ilf and Petrov in the *Golden Calf*, where engineer Talmudovsky energetically explains his departure from work. And his right to change his job – see Annex No. 3. For a number of official documents and statements on the issue of overflow of labor, see Annex No. 4).

Even in the pre-war years 1939-1941 when a sharp militarization of the economy took place in the USSR and people were assigned to their place of work, one can find numerous orders and decrees on “flyers” when people found many ways to change jobs. That is, the mass of ordinary citizens even then believed that they themselves are the owners of their labor force and therefore can work where they consider it necessary. It can also be noted that in the Brezhnev time such a restriction in movement labor force as a residence permit in a number of large cities was not a particular obstacle for knowledgeable people.

So, the author believes that the owners in the Brezhnev Soviet Union have been determined. But for the emergence of market relations, it is also necessary to find the division of labor between independent owners. (here it is necessary to recall that for the emergence of market relations, the division of labor between independent owners is necessary).

Now you can imagine yourself as an independent citizen, who chooses his own place of work, but cannot feed himself, because he does not have the means of production necessary for this. His primary task is to feed, shod and dress himself and his family, to provide a roof over his head. Therefore, he would willingly work temporarily for someone under a labor

agreement in order to receive in return the means of subsistence (food, shoes, clothes, housing, etc.). The state is in a similar situation – there are factories and plants, but they cannot function without a manpower. Therefore, it is quite logical to assume that it would willingly provide part of its material resources for the acquisition of human resources.

Mutual interest arises – an independent citizen is ready to work for a fee, and the state is ready to provide him this fee in return for his labor. The principle “you to me – I to you” begins to work, or in other words, a market arises, market relations arise which are the result of the division of labor between independent owners.

So goods in a planned economy are labor force from independent citizens and means of subsistence (i.e., consumer goods – food, clothing, housing, etc. – everything that is necessary for the normal reproduction of the labor force at this stage of the development of society) from the state.

In general the state acts in relation to the rest of society as the owner and manager of the vast majority of the wealth of the nation. The rest of society owns nothing more than ownership of its ability to work, its labor force, which it is forced to sell to the state in order to have the means to subsistence.

So the following situation is evident: on the one hand, the multimillion masses of ordinary citizens who do not own anything except their ability to work and therefore are forced to sell it in exchange for means of subsistence belonging to the state to maintain their existence; on the other hand, the state, as a monopoly owner of the means of production, seeks to obtain labor in exchange for means of subsistence to preserve the production process. This method of connecting the direct producer with the means of production determines, in the main outlines, the character of the whole society.

In existing relations, sale and purchase arises between the direct producers, as independent owners of their labor force, and the state, as the owner of the means of production. Material resources that are not exchanged for labor and consumed within the state are distributed systematically. These material resources do not enter into exchange and therefore do not become goods (this will be discussed in detail in further analysis).

So the author’s approach led to the “threshold” of the first monetary world – the world of the ruble in cash. Briefly, first the author wants to describe the essence of this world, and then move on to a more detailed presentation.

Initially during the civil war in Russia, the exchange of labor for consumer goods (necessities of life for human reproduction) took place directly in the form of rations. Their number was about 30. Moreover, if a

person worked, for example, in the extraction of peat in Shatura, then he needed a more enhanced ration, because the expenditure of physical strength was great, and if he was in some Soviet institution in Moscow, then he agreed to a more modest ration. In general, the system was as follows – if you work a lot physically, then you get a heavier ration, and if you work physically less, then you will get a smaller ration.

A different situation arose if a person was a member of the state system (head, director, head of the central administration, people's commissar, etc.). Here he received, depending on what step he occupied in the state hierarchy – the higher, the greater the benefits of life he could count on. Most fully and vividly, this system developed then under Stalin. In his memoirs Leon Trotsky wrote that the very first sensation he had when talking about the Russian revolution of 1917-1920 was the taste of keta caviar (keta is a red fish whose caviar was exported to Europe before the revolution and then during the revolution it was not up to export). This can be stated as a historical fact – when the population starved during the civil war, the officials of the Soviet state apparatus did not have to worry about such everyday trifles as food and so on.

However, the author considers it necessary to return to the relationship between the state and the ordinary citizen. After the end of the civil war, it became obvious that rations (and even a number of rations) were clearly not enough for the normal reproduction of an ordinary citizen and his family. One family needs exercise books for a child at school, another needs shoes, a third needs a violin for a girl, fourth needs certain medicines, etc. The amount of these necessary things is very large and far exceeds that limited amount of vital resources, which is even in good soldering.

This large amount of these things, which enter into exchange and become goods, leads to the fact that there is a need for a universal equivalent – money. Or as Adam Smith wrote – where a lot of goods appear, in the end there is a rustle of money. So there was a cash soviet ruble. (Note: The ruble also existed during the civil war in the form of so-called Soviet signs, but since then the desire to destroy monetary relations and to direct distribution in the form of rations prevailed, the ruble occupied an insignificant position at that time).

With the transition to NEP, salaries began to be issued mainly in cash rather than rations, i.e. cash ruble began to work as a medium of exchange in the market for the exchange of labor force for living assets. But here it is important to emphasize that he did not work as a means of circulation for the means of production. (Here literature is a good helper – suffice it to

recall Ostap Bender, who, having received a million rubles in cash from Koreiko, could freely pay for himself and Shura Balaganov in a restaurant, but when he wanted to buy an airplane, the pilots simply dismissed him – this was so ridiculous proposal in the Soviet country).

As mentioned earlier, many Western economists believe that the function of money as a medium of circulation is the main one, since if it does not work, then the subsequent functions (means of accumulation, means of payment, world money) do not work either. This is fully consistent with economic logic. Hence, the following conclusion can be drawn – if the cash Soviet ruble performed the function of a medium of exchange, then the rest of the functions of the cash ruble should have worked. This is how the world of the cash ruble appears with the corresponding functions. Let's move on to a more detailed consideration.

PART 2

WORLD CASH RUBLE

1. A simple type of exchange

For simplicity of analysis, suppose that one product is produced – say, bread. And this bread, created by direct producers on state means of production, is alienated by the state as the owner. In this example, as in reality, we see that among direct producers who have created certain use values, the state alienates these values for a certain fee, in our example – bread, and contrasts them with the producers themselves.

So on one side there are direct producers who worked a certain time for the production of bread, and on the other, the state that owns this bread. If you give a realized expression to these relations between two independent owners, then it will look like this: on the one hand – A combine hours, B tractor driver hours, C accountant hours, etc. (suppose each one works for 8 hours), on the other hand, bread, as a homogeneous state value owned by the state.

These two opposing parties, nevertheless, are interested in each other and represent a single whole that cannot exist without an exchange of living resources for labor force from the state and labor force for living funds from the direct producer. In this exchange there are always two main elements: the means of life, which are the use values necessary to maintain the existence of the labor force, and labor force, as the ability to work.

The means of life (in our example, bread) are of a dual nature and act as a unity of use value and value. (Here, the author wants to note that in this case, the analysis of value is quite suitable for the Marxist analysis widespread in Russia, but on other issues, especially on the nature of profit, the author has completely different views, different from Marxist ones).

This dual nature of bread is generated by the duality of the labor that created it. Labor as a concrete labor produces the use value of bread. The same labor, as labor costs in general, is an abstractly universal, simple, average labor, which creates the value of bread. This is the work “which every average individual of a given society is able to perform, it is a certain productive expenditure of human muscles, brain, etc.”¹³⁸ They are both

¹³⁸ Marx K., Engels F. Collected Works, second edition. Vol. 13. – M.: State publishing house of political literature, 1959. – P. 17.

only two points, two sides of the same labor process. One and the same work has a dual character – in form it is concrete, in content is the physiological cost of the human body. The labor of a miner, as a concrete labor, differs from the work of a turner, but in essence their labor is only the expenditure of the physical forces of their body. So in bread, the specificity of labor is manifested in the fact that it is bread that is produced, namely this use value that satisfies a certain need. Unlike the specific labor that created tangible use-value, the simple labor expended in the production of bread is not yet possible to perceive by any of the senses. For now, we only know that the production of bread requires the costs of human labor in the physiological sense, i.e. costs of human muscles, nerves, brain, etc. At the same time the costs of producing bread, as well as any use value that is exchanged, are not arbitrary, but are determined by the socially necessary working time, which is “the working time that will be required to make any use value with cash -normal conditions of production and with an average level of skill and labor intensity in a given society”¹³⁹.

Based on the fact that bread enters the exchange, one could immediately declare that it is a commodity, i.e. unity of use and exchange value. But in the process of exchange it is still necessary to find out how value takes the form of exchange value, how means of life and labor become goods.

The position that the direct producer is alienated from the means of production and does not dispose of the products of his labor creates the prerequisite to consider it as labor force. Labor force is also a unity of use value and value. The cost of labor force is nothing but the “cost of the means of subsistence necessary to maintain the life of its owner”¹⁴⁰. Earlier, the author has already spoken about means of subsistence, which are nothing more than consumer goods, i.e. food, clothing, shelter, etc. – everything that is necessary for the normal reproduction of the labor force at this stage of the development of society.

(Note: For simplicity of analysis, the author will not further consider those means of subsistence that were financed from public funds (education, medicine)).

The use value of labor force is “the totality of physical and spiritual abilities that an organism possesses, a living person, and which they use whenever they produce any use value”¹⁴¹. Not owning anything but his own

¹³⁹ Marx K., Engels F. Collected Works, second edition. Vol. 23. – M.: State publishing house of political literature, 1960. – P. 47.

¹⁴⁰ Ibid P. 181.

¹⁴¹ Ibid P. 178.

labor force, the direct producer is forced to sell it in order to acquire bread in exchange. The direct producer, as a buyer, in bread is interested in its use value, not value. And his own labor force, as a seller, interests him in terms of value, rather than use value. And vice versa: the state, as a buyer, is interested in its use value in the labor force, and in bread the state, as a seller, is interested in its value.

Let us return to our example with bread. For clarity, suppose that 160 hours of specific labor were spent on the production of 160 kg of bread (8 hours of a tractor driver, 8 hours of a driver, etc. – 160 hours in total). And part of this bread, sufficient for the reproduction of labor (say, 80 kg), is directed by the state to pay for labor. One gets more bread, the other less. Outwardly both for the state and for ordinary citizens this is as follows:

payment of 8 hours of tractor driver = 8 kg of bread
payment of 8 hours accountant = 2 kg of bread
payment of 8 hours of technician = 2 kg of bread
(etc.)
payment of 8 hours of the driver = 4 kg of bread

Only 160 hours of labor paid 80 kg of bread.

But actually:

4 hours tractor driver = 8 kg of bread
4 hours accountant = 2 kg of bread
4 hours technician = 2 kg of bread
(etc.)
4 hours driver = 4 kg of bread

In total 80 hours of labor were spent on the production of 80 kg of bread.

Here the state exchanges 160 hours of labor of producers for 80 kg of bread, which produced 160 kg of bread during this time. Ordinary citizens received only part of their product not the entire product. The state buying labor force uses it longer than is necessary for its reproduction. The whole point is that the state, like any buyer, does not pay for the use value of the goods, i.e. use value of labor force, and only the cost of the goods pays, i.e. labor force cost. Having paid the cost of labor force, the state as an owner now consumes it at its discretion. The value created by the consumption of labor force is greater than the value of the same labor force. The ordinary citizen is paid only the cost of his labor force in the

form of the cost of living resources created during 4 hours of his labor, but not the use value of his ability to work, not the value created in the process of consumption of his labor force, i.e. not the cost of living means created in 8 hours of his labor.

The author considers it important to emphasize his view on this situation. The state, as the owner and organizer of the production process, is trying to rationally organize this process so that the result (i.e. the amount of bread) is more than the costs (i.e. the bread paid to employees). Therefore, the profit (in this example, as surplus value equal to the difference between use value and exchange value of labor) belongs to the organizer of production – the state. It is possible to consider profit (this is always done in practice) as “residual income”, i.e. the difference between income and expenses. In modern accounting in a commercial company, the profit from the main activity for a month is evaluated on the 90th account as the balanced result of the loan and debit of this account.

The state may well evaluate hired workers as some “biological mechanisms” that perform certain useful work and create the desired result, but at the same time require costs for their normal reproduction. If these costs are less than the income received, then profit arises, and this production process can be continued further. The same approach applies to machines, mechanisms, livestock, etc.

Machine tools, various mechanisms, livestock also work and create a useful result, but they also require costs for their normal reproduction – fuel, oil, adjustment, maintenance (seasonal maintenance, TO-1, TO-2), hay, care good water, a roof over your head, etc. Therefore, the author believes that, in terms of creating profit, there are no fundamental differences between wage earners, machinery, livestock and other “biological and non-biological mechanisms”. The author’s views on this important issue are described in more detail in his monograph “Cost analysis and the research of economic cycles”¹⁴².

But back to the process of simply exchanging bread for labor force. The actual expression of the cost of labor force (4 hours of a tractor driver = 8 kg of bread) externally manifests itself as payment for the use value of labor force (payment of 8 hours of a tractor driver = 8 kg of bread). Different costs are exchanged between the state and the ordinary citizen: the state pays the cost of labor force, the ordinary citizen pays the cost of bread. The direct producer sold his ability to work for a certain time, and

¹⁴² Petukhov V.A. Cost analysis and the research of economic cycles: monograph. – M.: “Creative economy”, 2019. – 192 p.

he no longer has to do with its targeted consumption as an independent person. When selling his labor, an ordinary citizen needs to get its value in the form of means of subsistence, the consumption of which will allow him to restore his ability to work to the previous, normal level. The greater the cost of labor force the more you need to consume living resources, which means that the higher the cost of labor force.

In the process of exchange between ordinary citizens and the state, the labor of individuals is equated with bread – this uniform use value:

4 hours tractor driver = 8 kg of bread

.....

4 hours driver = 4 kg of bread

If earlier it was said that simple labor that creates value cannot be perceived by any of the senses, now after the exchange the cost of various labor forces, equated to a uniform use value – bread, gets its tangible expression. The antithesis between concrete labor and abstract universal labor, previously hidden from us, is now becoming apparent. The use value of bread becomes the equivalent, expressing its opposite – the cost, namely, the cost of labor force. Bread as use value becomes materialization of value. Thus, value takes an equivalent form of value – this embryo of the exchange form of value.

Commodity labor force – as a unity of use value and value, doubles its existence in the process of exchange. The cost of labor force is expressed in the use value of bread. Value, or abstract universal labor, appears as a special thing. But since use value is the product of concrete labor, here concrete labor becomes an expression of its opposite – abstract-universal labor. Moreover, the concrete work of the individual who created the use value of bread serves as an expression of the abstractly universal labor of the same individual. The cost of labor forces, now expressed as real, qualitatively homogeneous pieces of bread, at the same time become quantitatively comparable values. So if 8 kg of bread is 2 times more than 4 kg of bread, then the cost of the tractor driver's labor force is 2 times more than the cost of the driver's labor force.

Here, the value of labor force as a result of exchange is already manifested as something very tangible – bread, and thus takes an equivalent form – the initial form of exchange value. Always, when people made use-value, they produced value, but only when buying and selling value takes the form of exchange value, i.e. it is expressed through use value, which opposes it in exchange, and receives its material, natural expression.

If so far the emphasis has been on the form of value, then now we consider the quantity of value. The quantity of the value does not depend on the form of expression. The weight of a person and the Earth can be expressed in different ways (in kg, tons, grams, etc.), but nevertheless, the ratio of their masses remains constant. Quantitative proportions (4 hours of a tractor driver = 8 kg of bread) depend on the size of simple labor, on the value. 8 kg of bread contain as much simple labor as is contained in 4 hours of tractor work, or how much is needed to restore the tractor's labor force after 8 hours of work. The quantity of value of the exchange remains unchanged, although the value takes on a specific form of expression – the form of exchange value.

Quantitative proportions, depending on the quantity of the value, remain the same, only the expression changes; namely, it now manifests itself in the form of exchange value. So the magnitude of the simple labor necessary for the reproduction of the labor force of the tractor driver remains the same, as well as the magnitude of the simple labor necessary for the reproduction of the labor force of the driver; and their ratio is 2: 1, but after the exchange the same ratio takes a different form of expression – 8 kg of bread: 4 kg of bread, namely, the form of exchange value. The proportion remained the same, only expressed differently. Here it is necessary to clearly understand that such a comparison of labor forces through the equivalent – bread goes only indirectly, and not directly, since the ordinary citizen does not buy bread in order to sell it and buy labor force. Labor force is not opposed in the exchange of labor force. The purchase and sale is not between ordinary citizens themselves and (who own nothing but their own labor force), but between ordinary citizens and the state. Every ordinary citizen has before him only one buyer – the state.

A logical question may arise – and if the state incorrectly determines the intensity of labor, for example, of a tractor driver, and equates 4 hours of his labor to 4 kg of bread. In this case, the outflow of people to other professions will begin, and in order to maintain the production process, the state will have to increase the pay of the tractor driver (in our simplified case, increase the amount of bread). Of course, other economic incentives are not taken into account here: the possibility of obtaining housing, supplies, trips abroad, etc.; as well as administrative measures that prevent ordinary citizens from freely changing their work: registration, closed areas, etc. In this case, the distribution of bread is considered as the only means of the state to pay for labor force.

The reassessment of the intensity of living labor is ongoing, following the overflow of people into other professions and also depends on a change

in the need for this profession for the production process. Here is what N. Petrakov, corresponding member of the USSR Academy of Sciences says about this: "... the situation – workers are fleeing from mines, they think that earnings do not compensate for the burden of labor... Are people fleeing? Let's raise our salary sharply. A man began to receive a bag money and decided that it's probably worth it to work hard, the outflow of labor force has stopped. The goal has been achieved"¹⁴³.

It is thanks to these overflows of ordinary citizens that labor force is paid in general in accordance with the actual intensity (complexity) of their labor, and does not depend on the will of the state.

Let us consider in more detail how the proportions in cost equalities change depending on the value of the goods:

1) The intensity of labor remains the same, the cost of 1 kg of bread varies. Suppose that the amount of bread produced has doubled, and since labor costs are the same, then the cost of 1 kg of bread has become 2 times less. We take into account that the state for the reproduction of labor forces throws in exchange half of all bread (160 kg).

If before we had:

4 hours tractor driver = 8 kg of bread

4 hours accountant = 2 kg of bread

.....

4 hours driver = 4 kg of bread

now it will look like this:

4 hours tractor driver = 16 kg of bread

4 hours accountant = 4 kg of bread

.....

4 hours driver = 8 kg of bread

Empirically, through trial and error, the state is forced to come to such proportions, because with other proportions, the outflow of people will begin. If, for the reproduction of the labor force, it will be enough for the state to throw 80 kg of bread in exchange as before (i.e., 1/4 of the produced product), then we will have:

2 hours tractor driver = 8 kg of bread

2 hours accountant = 2 kg of bread

(etc.)

2 hours driver = 4 kg of bread

¹⁴³ Petrakov N. // Inventor and rationalizer. – 1989. – No. 4.

Obviously, the cost of labor force is reproduced in 2 hours of work, and not in 4 hours as before. This means that now the product of 6 hours (240 kg), and not 4 hours of labor, will remain in state ownership after payment of labor force.

2) The intensity of labor varies equally for all the ordinary citizens, the cost of 1 kg of bread is the same. For example, the labor intensity of all increased by 2 times and the amount of bread produced was also 2 times, i.e. the cost of 1 kg of bread remained the same. The government throws out half of all bread produced (160 kg) to pay for labor forces. The ratios will be as follows:

4 hours tractor driver = 16 kg of bread
 4 hours accountant = 4 kg of bread
 (etc.)
 4 hours driver = 8 kg of bread

Each hour of labor of a ordinary citizen now contains 2 times more simple labor and at a cost equal to twice as much bread, a kilogram of which contains the same amount of value.

3) The intensity of labor and the cost of 1 kg of bread vary simultaneously. This case will be simply an application of cases 1 and 2.

And now we examine the cost ratios when changing the intensity of labor of not all manufacturers, but one. Suppose that the driver's labor intensity has increased by 2 times, while all the others have the same labor intensity. The amount of bread produced is the same, and half of it (80 kg) is sent by the state for exchange for labor force. We also assume that 20 people still participated in the production, and each worked for 8 hours (8 hours x 20 = 160 hours). Payment of 17 producers, except for the tractor driver (8 kg), accountant and technician (2 kg each) – 4 kg of bread each.

Obviously, the cost of 1 kg of bread will increase due to an increase in the labor intensity of one driver. Since the value created by him for 4 hours of labor of the same intensity was 1/20 of the cost of 80 kg of bread, now 4 hours of his work create a 2 times higher cost, and therefore the cost of 80 kg of bread has increased by 1/20. Each kg of bread now contains a cost 1/20 more than before the change in the labor intensity of this driver. For those ordinary citizens whose labor intensity is the same, the cost proportions become different, as the cost of 1 kg of bread has changed. (Case 1)

The ratios were:

4 hours tractor driver = 8 kg of bread

4 hours accountant = 2 kg of bread

4 hours technician = 2 kg of bread

4 hours combiner = 4 kg of bread

(etc.)

The ratios will be:

4 hours tractor driver = $7 \frac{13}{21}$ kg of bread

4 hours accountant = $1 \frac{19}{21}$ kg of bread

4 hours technician = $1 \frac{19}{21}$ kg of bread

4 hours combiner = $3 \frac{17}{21}$ kg of bread

For our driver, both the cost created for 4 hours of work (the left side of the value ratio) and the cost of kg of bread (the right side of the ratio) increase. This is case 3.

Now: 4 hours of our driver = $7 \frac{13}{21}$ kg of bread.

And in general, after this change in the labor intensity of one driver, the ratio will look like this:

4 hours tractor driver = $7 \frac{13}{21}$ kg of bread

4 hours of our driver = $7 \frac{13}{21}$ kg of bread

4 hours accountant = $1 \frac{19}{21}$ kg of bread

4 hours technician = $1 \frac{19}{21}$ kg of bread

4 hours of any of the remaining 16 ordinary citizens = $3 \frac{17}{21}$ kg of bread.

The state, seeking to avoid overflow of labor force, so that production does not stop, is forced to empirically come to these cost proportions, of course, with the invariability of other factors. That is, we see that these proportions are not set arbitrarily, but depending on the quantity of the value contained in the goods. The number of times the cost of labor increases (decreases) (the left side of the ratio), the number of times the cost of the bread exchanged for it increases (the right side of the ratio). And vice versa.

This means that these two different quantity of value, opposed in exchange, are directly proportional, which is externally manifested as follows – how many times the labor intensity of a given producer is greater (less) than the labor intensity of other manufacturers, and by the same amount it receives more (less) bread in comparison with the same

producers. So the cost of labor force of our driver increased by 2 times, and the cost of bread received by him in exchange, increased by 2 times, respectively. Outwardly, this manifests itself in such a way that the driver's labor force increased 2 times compared with the cost of the combiner, and, accordingly, the amount of bread received by him ($7 \frac{13}{21}$ kg) increased in comparison with the bread received by the combiner ($3 \frac{17}{21}$ kg).

If we look at this dependence, recalling that bread is a material expression of the cost of labor force, then it can be clearly seen that how many times more labor costs of any producer compared to other producers are the same times more bread he receives in comparison with them.

On the one hand, $7 \frac{13}{21}$ kg of bread received by the driver, twice as much as $3 \frac{17}{21}$ kg of bread received by the combiner. On the other hand, $7 \frac{13}{21}$ kg of bread, being the equivalent of the cost of labor force of the driver, show that this cost is 2 times more than the cost of the labor force of the combiner, which in turn is expressed as the equivalent of $3 \frac{17}{21}$ kg of bread. It should be noted that with a change in the intensity of labor, payment does not immediately change. Only after some time after the change in the intensity of labor does the outflow of people begin, which means that payment also begins to change. Therefore, we can say that the cost of labor force is paid in the above dependence not at any given moment of the work of a certain production, but only for a considerable period, only on average.

2. The expanded type of exchange

In reality, the state, in exchange for labor power, directs all the variety of means of subsistence necessary for its normal reproduction. This exchange between the state and wage earners can be thought of as two opposing rows, where in the same row there are different labor forces, and in the other, all the diversity of consumer values. Here the exchange takes place between the rows and does not exist inside the row. All this can be expressed by two equations:

First equation:

8 kg of bread =	}	4 hours tractor driver =
1 kg of sugar =		
..... =		
1 shirt =		
X item =		
		= pay 8 hours of work
		tractor driver

As you can see the role of the equivalent of the cost of living means is the use value of labor force opposing them in exchange, but not all, but only that part of the use value that creates a value equal to the cost of the living means used to buy labor force. Through the equivalent, which is a certain labor force, the value of bread, sugar, etc., is independently expressed. Outwardly, this is expressed as payment for labor force. Equivalent makes it possible to compare the cost of various means of life (bread, sugar, etc.).

This equivalent creates only a form of value, not a value. The quantity of the value does not change, its form of manifestation changes. This becomes even more obvious if you take several systems of equations:

$$\left. \begin{array}{l} 8 \text{ kg of bread} = \\ 1 \text{ kg of sugar} = \\ \dots\dots\dots = \\ 1 \text{ shirt} = \end{array} \right\} 4 \text{ hours tractor driver}$$

$$\left. \begin{array}{l} 4 \text{ kg of bread} = \\ 0.5 \text{ kg sugar} = \\ \dots\dots\dots = \\ 1/2 \text{ shirts} = \end{array} \right\} 4 \text{ hours combine}$$

Despite the change in equivalent the amount of simple labor needed to produce 8 kg of bread is equal to the amount of simple labor needed to produce 1 kg of sugar, and in any of these systems of equations (8 kg of bread and 1 kg of sugar; 4 kg bread and 0.5 kg of sugar) the ratio is saved as 8:1.

$$\left. \begin{array}{l} \text{The second equation:} \\ 4 \text{ hours tractor driver} = \\ 8 \text{ hours combiner} = \\ \dots\dots\dots \\ 16 \text{ hours accountant} = \\ X \text{ hours of a certain labor force} = \end{array} \right\} = 8 \text{ kg of bread}$$

Here bread becomes the equivalent of various labor forces, that is, the cost of labor forces, expressed in the use value of bread. When only bread is exchanged for a multitude of labor forces, it is obvious that it is exchanged much more often than the labor force of a particular producer. That is why a bread card is fixed in the exchange, and not certificates for the payment of X hours of operation of each specific manufacturer. Bread acts as the equivalent of the value of various labor forces, in the use value

of which various labor forces are compared. With the entry into the exchange of sugar, salt, etc. the cost of labor forces begins to be expressed already in several equivalents (in several types of cards). Each type of card (card for bread, sugar, etc.) is therefore an undeveloped, partial equivalent, which captures a certain cost of labor force.

After the life means began to be produced more than is necessary for the minimum maintenance of existence (as with the card system for the vast majority of life means, when the labor force is reproduced in a declining state) there is a need for an individual choice of life means for each manufacturer, which allows you to restore your individual expenses. Although, for various individuals, the differences in this choice are very large, for the multimillion masses of ordinary citizens, these quantities of means of life are stable values at this stage.

Payment of each ordinary citizen, as an average consumer, leads to a refusal to recognize part of the imposed subsistence funds for payment. At the same time, for one it will be a burden, for another it will be missed. Consequently, with the development of exchange, the need arises to pay for the labor force of the producer in such a way that he can, individually choosing, consume the means of life that are necessary to restore his individual normal life. In this case, the total cost of the means of life consumed by a particular individual will be equal to the value of his labor force. But an equivalent is needed that can be exchanged for any labor force and any means of life, and, in addition, possesses arbitrary divisibility.

As already shown, all goods are divided into two opposing rows – life-saving means and labor forces – that is, labor force is not on a par with all other goods. Although both living means and labor forces are goods, they are exchanged only for each other. Exchange occurs between rows of goods and does not exist within the row. Thus, some means of life are not exchanged for other means of life, which means that the use value of one means of life cannot be an expression of the value of another means of life. The same is true for labor force.

If you look at the process of exchange of goods at the origin of commodity production, the picture was somewhat different. Any product (of course, a product necessary for the buyer) could be exchanged for any product, which means that the use value of any other product acted as the equivalent of the value of one product. In particular, the use value of one means of subsistence could become, in exchange, the equivalent form of value of another means of subsistence.

Further development of commodity production led to the fact that gold began to play the role of a commodity for which all other goods can be exchanged, that is, the role of the universal equivalent. A certain commodity – gold, with the natural form of which the universal equivalent form has grown together, has turned into money.

In a planned economy, since a commodity is not a means of exchange for a commodity, a commodity equivalent, for which all labor forces and all means of life would be exchanged, can not be one of the goods in these two rows. The equivalent for which all labor forces and living means would be exchanged, and which would therefore become the universal equivalent, is outside these goods. Therefore, the cash ruble immediately begins to act as a universal equivalent. The fact that money in our society is a universal equivalent, mediating only the exchange of means of subsistence for labor power, is clearly expressed in the fact that it is impossible to buy means of production with them, for them money does not act as a means of circulation.

The fact that money in our society is a universal equivalent, mediating only the exchange of means of subsistence for labor power, is clearly expressed in the fact that it is impossible to buy means of production with them, for them money does not act as a means of circulation.

Now in developed capitalist countries, money, although they have lost touch with the gold standard, is the universal equivalent, that is, they can buy everything that is produced in society (means of production, various raw materials, land, individual means of consumption, etc.). In a planned economy, only livelihoods and labor force can be purchased for money. This is the main difference between the money of developed capitalist countries and soviet rubles.

So as a result of the development of the exchange between the ordinary citizens and the state, a universal card arises that mediates this exchange. The following relation arises:

$$\left. \begin{array}{l} X \text{ kg of bread} = \\ U \text{ kg of sugar} = \\ Z \text{ shirts} = \end{array} \right\} \mathbf{M} \left\{ \begin{array}{l} = A \text{ hours of the tractor driver} \\ = B \text{ hours of the combiner} \\ = C \text{ hours of the technician} \end{array} \right.$$

Cash payment of labor force acts as a wage. Here it is understood that the money for which you can buy livelihoods is the only lever of the state. Although in reality it is more complicated: in addition to direct payment, through money, there can be payment through a number of benefits – faster housing, better supply, early retirement, district coefficient, etc. Therefore, labor of the same intensity can be paid for in different amounts of money.

Many young people agreed to work for a certain time on low-paying, hard work, if only to get housing sooner. It also implies that the overflow of people is carried out freely, and while administrative measures to prevent this are not considered. (For details on such administrative measures, see Annex No. 5).

Depending on the development of the exchange between wage earners and the state, the purchase of labor force can take the form of a direct distribution of livelihoods (cards have become an all-encompassing system three times: “war communism”, breaking NEP and collectivization, war), as well as a combination of cash payment with cards (as happened in the early 90s), or just cash payment.

The theoretical course of the analysis of the emergence of money coincides with their historical development. “Products were given to workers and employees on cards and fixed prices, and at the end of 1920 – free of charge. Manufactured clothes were also given free of charge, utilities and transportation were free. According to C.T. Strumilin’s estimates, in 1920 wages were in kind 12 times more than its monetary part ... In order to attract and consolidate the labor force at military factories, Red Army rations were issued, and at strike enterprises increased food rations”¹⁴⁴. «In the second half of 1918 alone, 250 enterprises with a total number of 247,140 workers were transferred to the Red Army ration in the region of Central Russia»¹⁴⁵.

It should be noted that during the civil war in the Soviet Republic there were about 30 types of rations. “In January 1922 the monetary part of wages as a percentage of the total earnings of industrial workers amounted to 19.3% throughout the country, in early 1923 it reached 80%, in Moscow the corresponding figures were 37.8% and 96.8%, in the Petrograd province, 31.9 and 88.3%. However, in some cities, even in September 1923, the proportion of the natural part in the total wage still remained high”¹⁴⁶. «The transition to cash compensation began in the second half of 1921. Until the monetary reform was completed, there was actually a mixed (in-kind and cash) form of remuneration. The data below illustrate

¹⁴⁴ The history of the socialist economy of the USSR in 7 t. / Acad. Sciences of the USSR, Institute of Economics; ed. I.A. Gladkov et al. – M.: Nauka, 1976–1980. T. 1: Soviet economy in 1917–1920. – 1976. – P. 360.

¹⁴⁵ Kovalenko D.A. The defense industry of Soviet Russia in 1918–1920 / USSR Academy of Sciences. Institute of History of the USSR. – M.: Science, 1970. – P. 207–208.

¹⁴⁶ The history of the socialist economy of the USSR in 7 t. / Acad. Sciences of the USSR, Institute of Economics; ed. I.A. Gladkov et al. – M.: Nauka, 1976 – 1980. T. 2: Transition to the NEP. Restoration of the national economy of the USSR, 1921–1925. – 1976. – P. 107.

the process of denationalization of wages. In January 1922, the share of in-kind wages as a percentage of the total wage of industrial workers throughout the country averaged 77.5, in January 1923 – 21.7, and in September 1923 – 8.9%. In Petrograd in September 1923, the share fell to 1.2 %, and in Moscow it disappeared completely»¹⁴⁷. The 5th congress of trade unions, the immediate task of tariff policy put forward the transition from a mixed form of salary “to a purely monetary form of remuneration”¹⁴⁸.

If we consider the development of the situation in the future, then the basis of the phenomenon remains the same – the state and the direct producers, as independent owners, exchange only such use values in which they feel the need, and therefore only means of subsistence and labor become goods. The state requires labor to maintain the production process, and the wage earner needs a means of subsistence. In the conditions of the domination of state property, the scope of sale and purchase is significantly narrowed, since the means of production do not enter into exchange.

3. Functions of the cash ruble in the form of a measure of value and means of circulation

The above analysis clearly shows that in the world of the cash ruble, money serves as a measure of value. You may not have money, but the price tags on the shelves of state stores clearly indicate that a loaf of gray bread costs 16 kopecks, and a loaf of white bread costs 20 kopecks. A bottle of vodka costs 3 rubles 62 kopecks, and a bicycle costs 35 rubles. A wealthier audience knows the price of the new «Moskvich» 412 car – 5000 rubles. They know the prices of cooperative apartments, for example, in Sverdlovsk in 1989 a one-room cooperative apartment in the Uralmash area cost about 5000 rubles (an initial one-time contribution of about 20% of the cost).

There may not be any product in the store, it is in short supply, and it is only on the “black market”. But the prices of this market are also known, which means that the cash ruble for various kinds of living means (food, clothes, furniture, apartments, cars, etc.) fulfills its first function – the function of a measure of value.

As a means of circulation, the ruble also functions properly. Of course, in this case, it is assumed that the market is quite saturated with the necessary goods that are necessary for the normal everyday reproduction of

¹⁴⁷ Russian industry in 1923. Yearbook of the Supreme Economic Council (Report to the 11th Congress of Soviets of the USSR). – M., 1924. – P. 126.

¹⁴⁸ Trade unions of the USSR: documents and materials: 1905–1963: in 4 volumes. Vol. 2 – M.: Profizdat, 1963. – P. 329.

an ordinary citizen and his family. When purchasing goods you do not need any personal documents – it is enough to give a universal depersonalized universal equivalent – the soviet cash ruble. Formulas work:

$$\begin{aligned} &\text{labor force} - M - \text{vital means} \\ &\text{vital means} - M - \text{labor force} \end{aligned}$$

But this ruble is valid only in the sphere of exchanging subsistence funds for labor force. As soon as it falls into the sphere of circulation of the means of production, its purchasing power disappears.

Cash ruble regularly fulfills its role as a means of circulation when there is an almost ideal situation – there are enough goods in state stores in terms of quantity, assortment and quality to cover the existing demand from the population.

But, firstly, in a real situation, the state, planning the release of consumer goods, as a rule, produces less of them than it plans. At the same time, it pays the planned salary – the one that is needed to buy the planned goods, and not those that in smaller numbers actually appear on store shelves. This excess of salary over prices creates the appearance of a decent life – they say that there is enough money, but I just can't buy the necessary goods in the store.

Secondly, the state, even producing enough consumer goods, very often incorrectly calculates the structure of consumption. As a result, some goods may not be in demand and for years will be on store shelves, while other goods will be in short supply. (Note. From my childhood I clearly remember how in the bookstore where my mother worked, for years stood on the shelves of the decree of the Central Committee of the CPSU, other official documents of the party and government. After three years they were copied and they went to waste paper. At the same time A. Dumas was in short supply, Pikul was in even greater deficit. Therefore, this deficit was often sold with a “load,” you take Dumas, but you need to buy something from slow-moving literature with it.)

Due to an incorrectly calculated consumption structure, wages and prices of manufactured goods may be equal, but the prices of purchased goods will be less than wages. Then, on the one hand, unapproved money will appear, and, on the other hand, stale goods. The state responds to the consumer demand of the population immeasurably more slowly than a private entrepreneur.

Thirdly, even with a correctly calculated consumption structure, but with incorrectly calculated production volumes, some goods will be dusted

in warehouses and regularly written off, while others will be in great deficit. In other words, even with the correct consumption structure, a card system may exist. This happens when the per capita consumption of vital products falls below a critical level. And this card system becomes the more extensive the more there are scarce, vital goods. In this case the cash ruble (which is nothing more than a universal card for which you can purchase any means of life thrown by the state in exchange) returns back to its origins, to its original form – a card for a specific product, and can act as a means of purchase only together with a card (coupon) for a specific product, for example, coupons for soap, sugar, etc., or an entry in a queue for the purchase of furniture, a refrigerator, etc. etc.

The existence of a shortage of certain means of subsistence on one side and uncommitted cash on the other leads to a decline in living standards, since the acquisition of scarce goods is associated with overpayment and *blat* (the soviet trade mafia flourished on this basis). Official calculations of living standards often did not take into account the existing deficit, and therefore significantly embellished the situation, assuming that this list of goods can be freely bought in a store at a state price.

As for the rationing system (cards three times became an all-encompassing system: “war communism”, the scrapping of NEP and collectivization, war), the existence of cards does not depend on high or low prices for goods, but on the amount of goods produced, on whether the per capita level has fallen consumption of vital goods to such an extent that without cards it has become very difficult to purchase them in state stores.

Consider this in more detail. It is clear that if the aggregate price level of goods in demand increases only due to an increase in the production of these goods, then the chances for cards to emerge are becoming less. Cards can be canceled even in the case when demand is reduced as a result of a direct increase in prices. With the decline in the production of consumer goods, the state is forced to switch to the card system or raise prices for some of the goods (usually these are goods belonging to luxury goods) in order to bring down demand.

This could be observed in recent years of a planned economy. A decrease in production led to the disappearance of essential commodities. At first they disappeared from state trade from time to time, then these interruptions became so frequent and long that there was a threat to the physical reproduction of labor force. To prevent this, they began to introduce cards for the most necessary products. I saw all this with my own eyes when the author lived in Sverdlovsk at that time.

It can also be noted that a whole chapter can be written about the discrepancy between the money supply and the commodity stock due to poor product quality. (For the correlation of the commodity and money supply in other socialist countries, as well as the history of this imbalance in the USSR, see Annex No. 6).

4. The function of the cash ruble as a means of accumulation

Earlier, the author said that the function of money as a medium of circulation is considered by many economists to be the main one, because if it does not work, then the subsequent functions (means of accumulation, means of payment, world money) do not work either. But if the function of money as a medium of circulation works, then the listed functions should also work.

It was previously shown that cash ruble works as a medium of circulation. So theoretically, we can assume that it works as a means of accumulation. The practice of Soviet reality confirms this theoretical assumption. Everyone who lived at that time will confirm that, for example, a husband and wife saved money on a TV, and then bought it, saved it on furniture and bought it, etc. For my students who do not remember this time, I advise you to talk with your grandparents, moms and dads. Moreover, this can be seen in films of that period. Of the modern students, strangely enough, many people like the old soviet film “Ivan Vasilievich changes the profession”. Remember, I tell them how Miloslavsky climbed into Shpak’s apartment. What did Miloslavsky say, turning to the camera and holding a large wad of money from Shpak’s secret safe? He said – citizens, keep money in a savings bank (it was such a parody of the famous slogan of that time). Why did Shpak save money? According to the film, he bought cigarette cases on them, imported cameras, etc. The example of Shpak suggests that cash rubles played the role of the accumulation function. And why? Because the cash ruble worked as a medium of circulation.

In order for the producer to trade his labor force as often as possible, the state is interested in minimizing any other sources of its existence that would enable the ordinary citizen to be relatively independent of the state. These are sources such as inheritance, fees, money on the passbook, possession of precious metals, etc.

A free citizen who has enough means and a relative ability not to work, has the opportunity to reflect and analyze, travel, draw independent

conclusions, i.e. becomes a potential threat to the state in a planned economy. (Note. The article in the code in the form of responsibility for parasitism (a name they came up with) was primarily aimed at preventing the emergence of a layer of people who, having the right not to work for the state, could organize their own business, thereby undermining the state's monopoly on production activities and creating competition for him, and since a private entrepreneur almost always conducts his business better than a government official, the contrast would be very impressive).

The state decisively fights against such attempts at independence, preventing, whenever possible, the emergence of such accumulations, because the most effective means of forcing an individual to sell his labor force is to deprive him of the opportunity to obtain other means of subsistence. Moreover, the state is waging this struggle with numerous masses of direct producers, but not with those who represent this very state apparatus.

Diligently counting the pennies in the pockets of hired workers, they at the same time raise a loud noise (of course, taking more significant measures) when someone, like the investigative group of Gdlyan and Ivanov, tries to do the same with their pockets.

The state of society at that time can still be considered prosperous when compared with what happened after the price reform in January 1992, when, in addition to the fall in real wages, the savings of the population depreciated 10 times or more.

And now I will give an example of the reasoning about gold prices for the population that is characteristic of a government official (C. Borisov, deputy minister of finance of the USSR). "The state is always striving to get additional income, guided by the state of supply and demand when setting prices for it (gold). Therefore, if the population is buying up gold at the existing "low" price, does it make sense to increase it? When people stop donating gold at the current price, then it will be possible to increase it again, in accordance with the law of supply and demand. In general terms, I would like to add that in all its activities the USSR Ministry of Finance is always interested in obtaining additional income, including from the differences between selling and buying gold prices. And we do not hesitate to admit it, because we take this money not for ourselves, but for the sole purpose: in one form or another, return it to the people. This is one of the fundamental principles of our economy. But at the same time, the state is always in a certain confrontation with those from whom it receives money ... But what can you do, the state needs money. The same can be said about prices: each buyer would always like to pay less for the

purchased goods, and each seller seeks to get more for him ... This is an immanent law of economic life. In the dialectical collision of such contradictory trends, our economic categories are born, including the price of gold – selling and buying”¹⁴⁹.

Citizen Borisov who so subtly defends state interests, would not hurt to know more prosaic things that are directly related to his profession. There is a market price and there is a monopoly price. The market price arises when many buyers trade with many sellers. Here, an individual seller does not dare to request too much, otherwise he will not sell his goods, and his neighbor will sell, but somewhat cheaper. Also, an individual buyer does not ask for a too low price, otherwise the product will be bought by another buyer, although a little more expensive. Monopoly price arises when a single economic entity acts as a seller or a buyer. We have one face – the state. When trading gold with the population, the state acts either as the sole seller, or as the only buyer. In such cases, an individual buyer who wants to purchase gold from the state has two options: either buy at a set price, or don't buy at all. Likewise, an individual seller, handing over his gold to the state, has two possibilities: either sell at a set delivery price, or don't sell at all. And attempts to find other sellers or buyers the state is very strict punishes.

By buying gold at a low price and selling at a much higher price, the state reduces the accumulation of the population, thereby lowering its standard of living.

High inheritance taxes and various state duties also do not contribute to the formation of savings. (Note. One of the reasons for the state's interest in price increases in market socialism countries (Poland, Hungary) was that it depreciated the population's deposits in banks. In the late 1980s, the Soviet Union also joined them in this regard).

It is worth remembering the money exchange in the early 1990s in Russia, when it was necessary to exchange old money for new money within 3 (!) days. It was in the summer when many were on vacation! Significant amounts of “old” cash rubles were never exchanged for new money, and reports appeared in the press that suitcases of such money were found in dumps. It was of that kind of money that you could buy everything just a week ago. And at the same time it was said that the reform was carried out also with the aim of combating unearned income. In this case, the state quickly got rid of noticeable savings of the population and thereby reduced its obligations to it.

¹⁴⁹ Borisov C. Your questions from 02/26/1988 // Arguments and facts. – 1988. – No. 9.

It is important to make the following remark. Although the state-owned Sberbank facilitated the unhindered transition of cash into non-cash circulation, or, more simply, accepted cash from the population and wrote down the corresponding numbers in a passbook, but this did not transfer this cash to the world of cashless ruble, it was just another form of existence of cash. The numbers on the passbook still remained the obligations of the state to the population, although somewhat altered in form, but not in essence. They still belonged to the world of cash ruble.

5. The function of the cash ruble as a means of payment

Cash ruble serves as a medium of circulation in the world of cash ruble, – in a world where the exchange of labor force of ordinary citizens for living funds owned by the state takes place. So theoretically, we can assume that the cash ruble also performs the function of payment. Observations of real practice confirm this assumption. People in the Brezhnev Soviet Union could buy on credit a TV, a refrigerator, furniture, etc. Moreover, they could acquire on loan a much more important thing – a cooperative apartment. After completing a number of documents, it was necessary to make an initial payment (20-25%), and then pay the remaining amount in certain installments over a number of years.

If we consider the whole picture, the direct producer sells his labor force to the state. But the cost of his labor force is paid only after it has already been functioning for a certain period (2 weeks, a month). The beginning of the consumption of labor force by the state in time is separated from the payment of its cost to the owner. The state first consumes labor force, and then pays for it in the form of a salary. The money paid by the state functions in this case as a means of payment, and, therefore, the owner of the labor force credits the state. But for simplicity, we can assume that the employee simultaneously with the sale of his labor force receives its value.

Cash rubles serve as a medium of exchange between employees and the state, and as a result, they act as a means of payment (credit). The loan is provided both by the population to the state, and by the state to the population.

Consider first a state loan to the population. Obviously, the loan is provided in the area where money plays the role of the means of circulation, that is, when buying life funds. These loans are usually targeted in nature (for the purchase of a home, TV, etc.). These loans are indeed loans, since they mediate relations between independent owners, and, therefore, there is no mention of any agreement on timely repayment of loans.

(Note. In contrast to this situation of relations between independent owners, money as a means of payment does not work in the interaction of the state with its enterprises, because the owner cannot enter into credit relations with himself if he wants to. This situation will be analyzed in detail later on considering the world of cashless ruble).

Credit to the state is somewhat different. Earlier it was found out that cash is for the state returned by its own obligations, and that for the state, cash is worth nothing. Consequently, by borrowing cash rubles from the population, the state does not acquire anything tangible.

But here the state wins in another. Firstly, a state loan for a long time “binds” the cash of the population, and state obligations may not be fulfilled for quite some time. Secondly, the state is interested in a cash loan from the population in terms of covering the cash deficit of the state budget. This deficit arises as a result of the fact that less cash is returned to the state pocket than it was issued in the form of a salary. But the amount of wages has not decreased, and therefore the state is forced to seek additional cash. They, of course, can be printed, which it does periodically, but the other way is much simpler – to borrow this amount from the population through their Savings Bank, where people bring their unmarketable rubles.

Loans to the state on the part of the population until 1957 looked little like a loan. Essentially, it was the forced withdrawal of non-commodity cash from the population. Bonds of various government loans issued in exchange for cash were not specially kept by the population, since few believed that cash would ever be paid on these bonds. The loans were forcibly distributed by subscription. Moreover, the following techniques were quite characteristic: “In 1930, a state credit reform was carried out. Along with the spread of the “five-year plan in four-year” loan among the population, bonds of industrialization loans and strengthening of the peasant economy were exchanged for it ... In 1936, previously issued loans (for a period of 10 years) were exchanged for the State internal loan of the second five-year plan (fourth issue) for a period of 20 years”¹⁵⁰.

Since 1957, compulsory loans were canceled. “In accordance with the decree of the Central Committee of the CPSU and the Council of Ministers of the USSR “On state loans placed by subscription among workers of the Soviet Union”, the issuance of state loans placed by subscription among the population was discontinued from 1958. Repayment of previously issued state loans was delayed until 1977; it was envisaged to produce it for 20 years in equal parts and to complete repayment in 1996.

¹⁵⁰ Finance and credit of the USSR. – M., 1989. – P. 176.

At the XXIV Congress of the CPSU, it was decided to begin repayment of loans placed by subscription in 1974, that is, 3 years ahead of the original deadlines. Early repayment began with a 2 percent loan in 1948, since loans placed by subscription in 1936-1946 were exchanged for it. Then the Second loan for the restoration and development of the national economy (1947 graduation) and other loans in the order they were issued were repaid”¹⁵¹.

A simple calculation shows that in this case, the forcibly withdrawn money was returned to the owner (if he lived) only after 38 (!) years, and given that two monetary reforms were carried out during this time, the return of forcibly withdrawn money is called into question.

Voluntary loans of the population to the state also have their own peculiarity, due to the monopoly position of the state. The overwhelming majority of the population has only one borrower in front of them – the state, which, due to this, establishes a monopoly interest for a loan (before the reforms and the emergence of private capital, the state paid 3% to the population, for storing money in Sberbank). Individual citizens did not, until the end of the soviet era, have the ability to make broad loans to other private individuals, organize loan offices, etc. During the Gorbachev perestroika, changes in property relations began to take place, as the state began to tolerate other independent owners within the country, including independent lending institutions – cooperative and commercial banks. The Soviet system of state monopoly began to burst at the seams, and government officials, like party officials, realizing that the collapse of this system was a matter of time, quickly began to pump party and state capital into various commercial banks and other independent organizations.

Borrowing between independent owners inevitably leads to a real credit relationship, and not to its mere appearance, as in relations between the state and its enterprises. “Banks operating on a unit and share basis, differentiate the issuance of loans and interest on their use, taking into account the creditworthiness of borrowers”¹⁵². “If the cooperative does not comply with the terms of the loan agreement, the bank institution sets a specific maturity date for the loan debt and notifies the cooperative no later than 5 days later. During this period, the cooperative must submit an order to write off funds from its account to repay the loan. In the absence of such an order the bank may decide to recover the loan in arbitration”¹⁵³. The

¹⁵¹ Ibid. P. 177, 178.

¹⁵² Ibid. P. 109.

¹⁵³ Ibid. P. 200.

reality of credit relations between independent owners is confirmed by frequent bankruptcies of borrowers, which was actually observed on the example of cooperatives during the perestroika period.

From the foregoing, it can be concluded that capital trading in the form of money, like any other good, can only be carried out between independent owners. Within the framework of one single owner, this is impossible, because the owner cannot enter into credit relations with himself.

6. The function of the cash ruble as world money

In the world of cash ruble, the ruble functions as a medium of circulation, i.e. formulas work:

labor force – M – vital means
vital means – M – labor force

Therefore, the subsequent functions should work, in particular the function of world money.

Let's consider this with a specific illustrative example. Imagine yourself in the role of a West German from Germany, who came as a tourist to Brezhnev's Moscow. Is he interested in buying anything in Moscow? Sure. First of all, these are souvenirs. Where can you buy them? You ask. Please go to Izmailovsky Park – they answer you. There are really a lot of souvenirs there. You give your Deutschmarks, but they tell you – no, we trade only in rubles. (Note: In the USSR, criminal liability was established for working with foreign currency). You want to go to a regular Moscow store and buy something for your interest. They tell you – let's get rubles. You want to buy and bring Russian vodka and caviar to West Germany. Cash rubles are also needed.

You want to go to Leningrad for a few days – at the checkout you also need to pay in rubles. You want to go on the «Golden Ring» – the same picture.

Therefore, you have an interest in exchanging part of your deutschmarks for cash in soviet rubles. Why is there such an interest? Because the second function of money works (medium of circulation), therefore, to a certain extent, the function of money as world money works.

So, you say – I want to exchange some of my Deutschmarks for Soviet cash rubles, how can this be done? They tell you – please, there is an exchange office for foreigners, and one Deutschmark costs 50 kopecks (let's take a conditional rate). You go there, but on the way you meet enterprising Muscovites who say "Exchange". They offer to sell you rubles already at the rate of one and a half rubles per mark. It is clear that by

concluding this deal, you become noticeably richer. This is how the “black” currency market arose, and it continued to exist, despite all the repressions of the Soviet state. Why did the “black” currency market exist? Because the cash ruble worked as a medium of exchange.

A natural question arises – why would any young man in Brezhnev’s Moscow need foreign currency? If this currency is found with him, then it is likely that he will be expelled from the Komsomol and the university.

Here the author considers it necessary to give typical examples. For example, the aforementioned young man bought 1,000 Deutschmarks on the «black» currency market.

What might interest a young man with such an amount? The usual problem of a young man is to give his girlfriend a real French perfume. The solution is quite simple – you go to a familiar foreign student from Algeria, who is studying in Moscow, and who will soon go on another home leave, and there you can order anything from France from the catalog, although sometimes there were problems with color, – you order one shade, but the product comes in a slightly different shade. Choose the necessary perfume from the catalog of this student friend, negotiate the price, pay in Deutschmarks, and in a couple of months you will give your beloved real French perfume.

The next example – you want to buy yourself real Levi’s jeans. Here you can use another opportunity. There were so-called Berezki stores in Moscow – first and second class – let’s call them that. In the first class, foreigners buy goods, and in the second, Soviet citizens who worked abroad, but did not spend all the hard currency earned there (in the USSR, they were issued Vneshposyltorg change checks of various denominations. See Appendix No.7).

For simplicity, let’s take the first class “Birches”. A young man cannot enter there, especially with Deutschmarks in his pocket. But this is a small problem. He finds through his acquaintances those people who work directly in this “Birch” and for the appropriate commission this person buys the jeans you need. It doesn’t matter if the size is not the same. The young man advertises, looks for people like him, travels to apartments, measures and gets jeans of his own size.

Then this young man wants to buy a Volga car, but he is not satisfied with any difficulties with queues. At that time, many Jews traveled to the West. They were not interested in selling their property (including cars) for soviet cash rubles, which in the West had no demand. The young man found such a Jew, negotiated a price with him, paid in Deutschmarks, but in the contract they wrote the price in rubles. A satisfied Jew left for

Western countries with Deutschmarks, and the young man and his girlfriend rode in their car.

The author wants to give the last example. He is originally from Kaliningrad (Königsberg) in the Baltics. It is an ice-free port, and therefore it is the main base of the fishing fleet. Fishing seiners fished mainly in the Pacific Ocean in the region of the cold Peruvian current – then there were a lot of fish there. But the crew needs to be changed about once every six months, – people in heavy fishing work get exhausted. But driving the seiner halfway around the world to Kaliningrad is economically unprofitable. Therefore, the ship approached the nearest Chilean port, and the crew flew home by plane, and a new fresh crew flew towards it. Such flights were almost always with transfers and stops for several hours at the airports of capitalist countries. This means that there are always duty-free shops that trade in hard currency. Therefore, a conventional Kaliningrader says to a close relative who goes to sea – on the way back home buy me Marlboro, Dunhill, Rotmans, White Horse whiskey, etc. by the list. And a conventional Kaliningrader in a few months had marketable Western goods for which a lot could be exchanged.

So the cash ruble to some extent played the role of world money (since many foreigners changed their currency at official exchange offices) for both the state and ordinary citizens in the “black currency market”. However, this did not lead to the conversion of the ruble, as cash ruble worked only in the sphere of the exchange of subsistence and labor and it was impossible to buy means of production that were distributed by the state to the funds. In addition, one must take into account the small assortment of consumer goods and often their low quality, shortage of a number of goods, as well as restrictions on their export from the country.

A number of additional considerations on this issue, as well as the relationship of ordinary citizens earning foreign currency abroad, and the state, see Annex No. 8.

Since goods and money arise only from the exchange between independent owners, in a planned economy they arise between the owners of labor and the owner of all means of production – the state. Thus arose the world of cash ruble, where money functions in the manner described above.

But a huge amount of products produced in society, namely, means of production, did not enter into the exchange process, they did not become goods. They were created, exploited and perished within the framework of one owner – the state. There was already another world – the world of a cashless ruble, where money functioned differently. We turn to the analysis of this other world.

PART 3

WORLD OF A CASHLESS RUBLE

1. Functions of a cashless ruble in the form of ideal money and means of circulation

Here, to clarify the situation, it is immediately worth answering the central question – do state enterprises enter into market relations with each other? To do this, we return to the starting point of the analysis of market relations set forth earlier, which states that for these relations to appear, two conditions must exist simultaneously – **the division of labor between independent owners is necessary.**

The division of labor between state enterprises undoubtedly exists, but they clearly belong to one owner – the state. This means that market relations between state enterprises do not exist.

(Note. In this case, the owner is clearly defined, but there are situations when property rights are very blurred. For example, this situation was in the 1920s with respect to trusts that had a high degree of independence, and there were serious fears that the red directors would crush under state apparatus itself. But in the late 1920s, these directors were clearly shown that the owners of all the means of production were not they, but the state apparatus. This is similar to the current situation with state concerns in the Russian Federation. On the one hand, since they act as independent owners, they enter into market relations with each other and other independent owners, on the other hand, since they are part of the same owner, they unwillingly systematically distribute resources within the framework of this one owner – the state. The picture is approximately the following, – calls Chubais to Sechin and says, – I need 200 cars. No problem – says Sechin – pay the money. But if they call Sechin from the presidential administration and say – 200 cars must be handed over to Chubais, then he answers – we will transmit, only now it will be necessary to correctly issue the transfer documents. In the first case, this is the purchase and sale, in the second, the systematic distribution of resources within the framework of one owner).

If there are no market relations between state enterprises, it is easy to understand that money does not work as a means of circulation for the means of production. Practice fully confirms this assumption. Any Soviet

business executive knew for sure – the main thing is to dislodge material funds (cement, sand, equipment, raw materials, etc.), and if you have money in your account but no funds are allocated, then you are nobody.

A. Nadezhko, deputy Minister of Roads of the RSFSR, writes: “We are allocated ... enough money... But the question is, what can we get for this money? There are desperately not enough road cars, and the equipment that is, domestically produced, is of very poor quality. We are behind the world level, by 20 years, maybe more. The same is with materials, especially with crushed stone and bitumen. As long as we are allocated equipment and materials for funds, the situation will not change”¹⁵⁴. Vasily Selyunin, a well-known writer-publicist who worked as a correspondent for the newspaper *Socialist Industry* for many years and understood well the internal mechanism of the Soviet economy, notes it as an obvious fact: “You never know that the company made money – you can’t buy anything with them without funds, cards, wait until you receive metal, cement, bricks, equipment”¹⁵⁵.

The formula: commodity-money-commodity (C – M – C) for the means of production did not work.

Means of production are not sold or bought, because they do not change the owner, but nevertheless have a price, that is, a monetary expression of exchange value. Why, then, not being goods, do they still have a price? This contradictory position of the means of production is one of the stumbling blocks in understanding the existing relations.

If you look towards the West, then at the capitalist enterprise, a part of the produced means of production also does not enter the process of sale and purchase, but is systematically used within the enterprise. “While the Soviet and American economic systems seem diametrically opposed (central planning versus free-market capitalism), however, the central planning system that you relied on until recently in many respects resembles the centralized distribution of resources in large a company, for example, such as «General Electric», which combines a wide range of industrial enterprises and service enterprises. «General Electric» just has to constantly allocate resources and plan ahead”¹⁵⁶. But at the same time, another part of the means of production goes to the market, which means that the value of the part remaining inside the monopoly is easily established. Similarly, a peasant who runs a subsistence economy sells only surplus of his products on

¹⁵⁴ Nadezhko A. // *Moscow News*. – 1989. – No. 16.

¹⁵⁵ Selyunin V. *Origins. Shmelev N. Advances and Debts*. – M.: Pravda, 1990. – P. 315.

¹⁵⁶ Frey D., co-director of «General Electric», from a report at the USSR Academy of Sciences, November, 1988.

the market, but at the same time, although most of his products do not enter the purchase and sale process, he knows well the market prices for the remaining products. Both there and there, part of the means of production becomes a commodity, i.e. comes into exchange, buy-sell.

In our case, however, comprehensive state ownership of the means of production, they are not sold or bought at all, i.e. do not enter into exchange and therefore are not goods. Then the question naturally arises: why do they have a price?

The whole point is that they are used for the production of vital means of exchange value, and, therefore, are included in the purchase and sale process ideally, in the form of depreciation.

Take for example a large loom. It is produced within the framework of the state, it is operated there and dies there. It never enters the market and does not become a commodity. But the fabric produced on it comes in exchange for labor, where the fabric has a price. Knowing the price of a meter of fabric and the depreciation of a loom for the production of this meter, you can calculate the cost of the machine itself (here is a simplified answer, it's actually a bit more complicated, because the cost of one meter of fabric takes into account, in addition to depreciation, the cost of raw materials, wages, profit etc.). The machine, as a means of production, enters the purchase and sale process only ideally, in the form of depreciation, and therefore money for the means of production is only ideal, countable money, i.e. act as a measure of value. Figuratively speaking, the work of the function of money in the form of a measure of value is a reflection of market relations in the world of cash ruble.

The fact that money for the means of production acts only as a measure of value, and not as money for which they can be bought, is clearly manifested in the fact that the money of state enterprises that are not secured by funds remains ideal, calculating money. Therefore, it is much more important for state-owned enterprises not to have money, but the means of production themselves obtained through funds.

Soviet business executives understood very well that in these conditions it is much more important to have material resources received through the funds of the State Planning Commission and the Gosplan, rather than money. E.I. Bystrov, deputy Chairman of the Executive Committee of the Moscow City Council, describes the situation: "We have money, but with cement, metal, pipes, glass – things are, frankly, tense"¹⁵⁷.

¹⁵⁷ Bystrov E.I. // Moscow. – 1989. – No. 1.

Here is what the famous economist N.P. Shmelev writes about this in his article “Anatomy of deficit”: “... the current planning system is based on two principles ... The second principle is funding resources This is, in fact, a “card” supply system, within which you can count on obtaining raw materials , components, equipment only strictly in accordance with the approved limits”¹⁵⁸. He continues: “The planning of production in kind (of costs and output) is called directive. In principle, this is the system that has existed in our country for the past half century and has dominated so far – planned price setting plays an auxiliary, subordinate role, because the most important thing is not the price of the manufactured products, but the standards for their supply (what kind of technical supply can be obtained under the plan, then there is a set volume of production in kind)”¹⁵⁹.

Further N. Shmelev sums up a definite result: “... all economic incentives, all cost-accounting levers and methods of influencing production turn out to be ineffective in the conditions of funding and directive planning of the nomenclature, because when allocating resources by cards, money becomes just a counting unit, losing the quality of the universal equivalent. After all, only money that can be redeemed, under which, in other words, funds are allocated, serves as a real incentive. When the economy actually works on the principle of non-monetary exchange in kind, when millions of profits, not backed up by the Gosplan’s orders, have no real purchasing power, self-supporting instruments such as price, profit, taxes, etc., devalue, lose their ability to influence production, remaining only useful for accounting and business analysis”¹⁶⁰. This situation is generally unrealistic and absurd for a Western entrepreneur – there is money, but you cannot buy.

Understanding the reasons why money in our society is only ideal, calculating, counting for the means of production, allows us to resolve the issue of the widespread discussion at the time (from about the 1960s to the 1990s) of the discussion about wholesale trade in the means of production. In order to clearly understand this issue, we turn once again to the transition of material goods, both systematic and in the form of sale.

Obviously, the state, as the owner of the means of production, cannot but systematically use them. If you look more broadly, then any owner systematically uses his means of production, means of subsistence, labor force. Their systematic use within the same owner is the inevitable result of the fact that they belong to the same owner, do not change it. So, in a

¹⁵⁸ Selyunin V. Origins. Shmelev N. Advances and debts. – M.: Pravda, 1990. – P. 463.

¹⁵⁹ Ibid. P. 481.

¹⁶⁰ Ibid. P. 484.

primitive community or a patriarchal family, which act as a single owner, the means of production, livelihoods and labor opportunities are distributed systematically. Or the simplest example: an individual who is the owner of any values, uses them prudently, although this prudence can also act as motivation.

We ask ourselves a question – can an owner enter into a sale with himself? The absurdity of the question is obvious – the owner, with all the desire, cannot bargain with himself. Your left hand cannot trade with your right hand, your heart cannot bargain with your liver about exchanging blood for liver enzymes. The owner can only systematically use the goods belonging to him. He can enter into the sale only with other independent owners, but not with himself.

Let's look to the West for a change. It is interesting what people around there would say about an entrepreneur who would consider introducing a sale between the divisions of his company? In order for them to really trade among themselves, he would need to make these units independent owners. But in this case, he would cease to be the owner of the company. If he has enough common sense to remain so, then buying and selling between the divisions of his company will be nothing more than a planned distribution of funds in cash. At each enterprise systematic, accurate calculation reigns, although they can take various forms. For example, in many large western corporations, their large divisions have been transferred to full self-sufficiency, which, of course, does not make them independent owners, but only provides the owners of the corporation with an easier systematic distribution of funds within the corporation. The division of labor within one owner does not lead to sale. The division of labor between independent owners leads to the sale.

The regularity in the use of purchased means of production and purchased labor force from each entrepreneur is supplemented by purchase and sale between employers and purchase and sale between employers and workers. Moreover, the worker, bought the means of life, as the owner, also uses systematically.

The material basis of a planned economy is a giant state-owned super factory, where all means of production, which are components of this super factory, do not change ownership and therefore are distributed systematically. The state, as the owner, obeys the unwritten rule of any owner: at the very least, but it is necessary to systematically use the benefits that belong to you. To this end, the state draws up plans (annual, five-year, prospective, etc.), and otherwise state property cannot be used.

Despite the swirls of lavish statements about the independence of state-owned enterprises which everyone in the Soviet era had long lost track of, the state, as the owner of these same enterprises, cannot but make the main emphasis on the systematic use of its benefits, cannot but put the main thing before its lower instances the requirement is the implementation of the plan in order to systematically distribute its resources (Remember the characteristic appeal of the Soviet era – “Plan is the law”).

Here is what N. Petrakov, Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences, says about the plan: “We have an end-to-end centralized investment system from the Council of Ministers to the State Planning Commission, it spreads from it to ministries, from them to enterprises. And they practically have no money of their own or nothing can be bought on them”¹⁶¹. And here’s what’s written on this subject in the political economy textbook from the time of Gorbachev’s perestroika: “The state, through its planning and economic bodies, organizes the process of socialist production on a public scale, systematically determines its structure and development directions, ensures the maintenance of the proportions of social reproduction, and forms the conditions for the distribution of social product and its exchange between various parts of the national economy”¹⁶².

To summarize a bit of the above. Unlike the countries of private capital, where the capitalist buys the means of production and labor force, and only after that can systematically use them, the state buys only labor force from us, and then systematically uses it together with the means of production. With comprehensive state ownership of the means of production, they do not enter into the process of sale and purchase, do not become goods. So, the state systematically uses the means of production. But as we found out earlier, this is a systematic distribution of the means of production within one owner – the state accepts a monetary expression, and the money here is only ideal, calculating money.

This monetary form of the planned distribution of the means of production deceives very many economists. The monetary expression of their planned distribution between state enterprises is taken by them for sale. “... the product they produce [enterprises] takes the form of a commodity. It goes to meet social needs, passing through the preliminary stage of exchange, purchase and sale”¹⁶³.

¹⁶¹ Petrakov N. // *Inventor and rationalizer*. – 1989. – No. 4.

¹⁶² *Political Economy: Textbook for High Schools* / Medvedev V.A., Abalkin L.I., Ozheryev O.I. and others. – M.: Politizdat, 1988. – P. 378.

¹⁶³ *Ibid.* P. 493.

But the other side of this relationship immediately manifests itself – systematic distribution, and economists, shaking hands, are immediately forced to admit that this sale is somehow fictitious, only its appearance. “Logistics looks like buying and selling, but in this case [read – in the case of comprehensive state ownership of the means of production] it is a formal accounting one. In essence, this is a form of direct distribution of resources, not commodity circulation”¹⁶⁴.

In the distribution of the means of production, two flows arise: material and monetary. And since money for the means of production is only ideal, countable money, cash flow is only a reflection, only a consequence of material flow. Money follows material flows, and not vice versa. Attempts to give money the function of a means of purchase, that is, to give cash flow priority, quickly show their utopianism.

The actual economic relations of this form of ownership show their omnipotence and powerlessness of good economic wishes. Academician S.A. Sitaryan, answering the question why economic reform brought such unexpected results, said: “We took up the dismantling of the command system, not reinforcing it with the introduction of appropriate new tools. The dismantling mainly concerned the circulation and use of cash resources. And material flows of resources remain still in the hands of strict state regulation. This gap is the reason for the current imbalance in the economy”¹⁶⁵. Therefore, the deputy chief of the USSR State Planning Commission department Yun O.M. is right in many ways, stating: “The funds [money] should remain, how much the enterprise needs to implement the measures planned in the five-year plan”¹⁶⁶.

Having studied the draft budget plan of the country for 1990, a member of the Supreme Soviet of the USSR, G. Filshin comes to the conclusion: “So, the budget does not play an independent role, as before. It is again the CONSEQUENCE [as highlighted in the newspaper] of the draft economic development plan”¹⁶⁷. A.I. Tizyakov, the former general director of the Sverdlovsk Scientific-Production Association “Machine-Building Plant named after M.I. Kalinin”, who experienced the idealistic attempts to give counting money an independent value, rightly demands: “Is it possible to take a step back and introduce a team system for some time? The ministries have retreated from active affairs. They have been rebuilt twice, now they

¹⁶⁴ Ibid. P. 517.

¹⁶⁵ Sitaryan S.A. // Pravda. November 6, 1989.

¹⁶⁶ Self-financing: purpose and reality. – M.: Economics, 1988. – P. 38.

¹⁶⁷ Filshin G. // Komsomolskaya Pravda. October 13, 1989.

are preparing for the third, and their apparatus is no longer working. But we they are connected – by funds, materials, components. Wherever you want, go there and go”¹⁶⁸.

Now, one can appreciate the theoretical views on this issue, Doctor of Economics, Pavlov V.S., a former member of the State Emergency Committee. “First, a plan was drawn up: what needs to be built, reconstructed, developed, etc. And the budget is adjusted for these projections of the plan ... Today, financing is “adjusted” to the projections, money goes where people and resources are directed. And it should be vice versa. People and material resources must move where there is money. Money is the main thing”¹⁶⁹. Citizen Pavlov wants, with this form of ownership, the flow of material resources to follow the cash flow, so that people follow the shadow. But with this form of ownership, everything will be the other way around – money will always follow the material flow, money will always remain only calculating, counting units. Despite such an understandable departmental desire of Pavlov V.S. play the first violin, and turn the USSR Gosplan (USSR State Planning Commission) into his shadow, the Gosplan can sleep peacefully – with this form of ownership, the Ministry of Finance is doomed to be his henchman.

The state systematically distributes not only its means of production, but also purchased labor force. The ordinary citizen, having sold his labor for a certain time, is no longer related to its use. It doesn’t matter to him now whether they are using it for the construction of the “Martian” channels of the Ministry of Water Economy or for the production of shoes that no one is buying. Tired of all the lamentations of the Soviet era about the dictatorship of the producer over the consumer, this is only a consequence of the systematic distribution by the state of the means of production and the acquired labor force.

This is how commodity-money relations are interpreted in the textbook of political economy, published during the Gorbachev perestroika period. “Mostly socialist [read – state] enterprises enter into market relations, and commodity-money circulation serves the movement of publicly owned goods and the realization of the labor incomes of the population”¹⁷⁰.

“To the extent that the individual links of the socialist economy are economically isolated, the relations between them are commodity-based.

¹⁶⁸ Tizyakov A.I. // Pravda. November 6, 1989.

¹⁶⁹ Pavlov V.S. // Labor. August 8, 1989.

¹⁷⁰ Political Economy: Textbook for High Schools / Medvedev V.A., Abalkin L.I., Ozherelyev O.I. and others. – M.: Politizdat, 1988. – P. 513.

They are built on the principle of cost equivalence and are implemented through the market. The product of labor, therefore, turns into a commodity, that is, into a purchase and sale item, and the production itself takes on a marketable form”¹⁷¹.

“Due to the social division of labor and the relative economic isolation of enterprises, the product they produce takes the form of a commodity ... Thus, the enterprise acts as a socialist producer of goods”¹⁷².

“... the market is not universal. Natural resources and state enterprises as objects of public property, although they have a monetary value, are not sold or bought on the market Labor force is not an object of sale under socialism”¹⁷³.

“Socialism is characterized by an organic combination of regularity and market relations arising from the characteristics of socialist property. Planning expresses the unity and integrity of the socialist economy, and market relations represent the relative isolation of producers”¹⁷⁴.

To summarize: the source of market relations is the sale and purchase between state-owned enterprises, whatever they are called – nationwide, socialist, etc. (Note. Attempts to find the source of market relations as a result of exchanges between state enterprises are clearly visible in the scientific literature since the 1960s).

But how much is mixed up in this textbook regarding ownership of the means of production. On one page it is stated, as we saw earlier, that the state controls all means of production (that is, that in a planned economy there is state ownership of the means of production), on the other page, it is stated that the whole society as a whole (public property) controls the means of production, and on the third page they say that enterprises enter into the sale with each other; (which is possible only when they are independent owners of their means of production, i.e. this is possible only if there is a private and group ownership).

For the same means of production both the state and the public and group ownership. It’s just not clear who their owner really is.

We accept the last statement by the authors that enterprises enter into the sale and purchase with each other. But again, in reality, “an act of realization turns into a formality”¹⁷⁵. And this means only one thing – there

¹⁷¹ Ibid. P. 371-372.

¹⁷² Ibid. P. 493.

¹⁷³ Ibid. P. 512.

¹⁷⁴ Ibid. P. 375.

¹⁷⁵ Ibid. P. 515.

is a systematic distribution between enterprises, possible only when they are in the hands of one owner. In our case, enterprises are in the hands of the state. Thus, if there are no independent owners owning the means of production (and this requires group or private ownership of the means of production, or both), then all these “wholesale sales”, “sales” are nothing but as a systematic distribution in monetary terms of the means of production within the framework of their owner – the state.

The authors of the textbook of political economy, if they do not know, then feel that for the existence of market relations, independent owners are necessary. They make a certain attempt to find such owners in the face of state enterprises, making them “independent producers” with the help of the word – isolation. If we follow this logic and make a comparison with the human body, where there is a division of labor, then the extreme fingers of both hands are very isolated, which means that they can enter into market relations with each other. In reality, the fact that these fingers are very isolated does not make them independent of you as their owner, and they can never enter into market relations with each other.

But where in reality are those independent owners, the purchase and sale between which leads to market relations? What prevents one from recognizing that sale and purchase exist between the ordinary citizens, as owners of the labor force, and the state, as the owner of all means of production? Why were we constantly assured that the means of production are at the disposal of the whole society, and, therefore, labor force is not a commodity? The mere recognition that labor force in our society is a commodity, not to mention far-reaching extremely unpleasant conclusions, will be very disappointing for the “most progressive system”. An ordinary citizen can then declare – hey, under capitalism I also sell my labor force (to an entrepreneur or a group of shareholders) and under socialism I sell my labor force (to the state as a kind of joint-stock company). What difference does it make then to whom to sell? I will sell it to the one who pays the most. And I will obviously get paid more in a market economy than in a planned one. Therefore, I saw this socialist planned economy in a coffin.

The official Soviet political economy constantly denied that labor is a commodity in a planned economy, but nevertheless it is necessary to sadly state the fact of Soviet reality – the king is naked, which in modern language means: the ordinary citizen is a goal, like a falcon, that is, does not own anything other than his labor force.

But let’s look for that rational grain, which is contained in the provision that enterprises are producers of goods. Those of the enterprises that

produce the means of subsistence that enter into the purchase and sale with the owners of the labor force are indeed producers of goods. The state represented by these enterprises is a producer of goods and through state trade buys labor force. Note that enterprises producing livelihoods not intended for sale, for example, for the rank and file of the army, are not commodity producers.

It is interesting to note how the above textbook on political economy writes about the distribution of funds within a capitalist monopoly: “A system of systematic monopolistic regulation functions within monopolistic associations, the “iron” law of strict determination of proportions, centralized distribution of resources.... Most concerns seek to ensure conditions under which its large divisions could operate on a full self-sufficiency basis. For this purpose, concerns usually use analogues of market instruments – they set transfer (estimated) prices for intra-company products, introduce fees for the capital provided to branches, and give the management of the branches the right to manage “residual” income (within certain restrictions).”¹⁷⁶ What an accurate description, only on a smaller scale, of the systematic distribution of resources within the Soviet state as a single owner. The state needs a planned economy even more, since it owns more significant means of production than any capitalist monopoly in transferring large enterprises and associations to full self-sufficiency.

That is why, starting from the period of the establishment of comprehensive state property to the end of the Soviet regime, there were constant conversations, tasks and plans for the transition of enterprises to self-sufficiency, self-financing and full cost accounting. All this does not come from good wishes, but from the need to facilitate management, which does not affect state property itself. This is just another form of systematic use by the state of its means of production.

In general, it should be noted that the authors of this textbook of political economy describe very well the facts of reality: the formality of purchase and sale, calculating money, the situation with capitalist monopolies, etc. But when they begin to adjust reality to ideological schemes, then there is complete confusion, when the word “dialectics” is often used to resolve the contradictions between opposing opinions.

As a result of their theoretical views, the authors of this textbook give a practical recommendation: “The main direction of the restructuring of the material and technical support system, as the June (1987) Plenum of the Central Committee of the CPSU pointed out, is a decisive transition to

¹⁷⁶ Ibid. P. 301.

wholesale trade in means of production, to buying and selling not only form, but also to the point”¹⁷⁷.

What does the transition to buying and selling “essentially” mean? This means that independent owners of the means of production (i.e. group, private property) are needed, who could enter into this sale not “formally”, but “essentially”. But in this case, the state must give a significant part of its means of production to group or private property. But the state is not going to do this, “After all, the state authorities ultimately have the functions of regulating wholesale trade and controlling it”¹⁷⁸. Calling to switch to the wholesale trade in means of production, to switch to the sale of goods “essentially”, the state itself, without realizing it, calls for it to take a significant part of the means of production from it and, therefore, to switch to the sale of goods “essentially”. This can only be done contrary to the interests of this state apparatus, and not thanks to it.

The state, like no other, is interested in maintaining its ownership of all means of production; and since it can only manage it as its property in a planned manner, it means that the main, vital interest of the state is to preserve the purchase and sale “in form”, which is nothing more than a monetary form of the systematic distribution of means of production.

Therefore, O.M. Yun, deputy head of the department of the State Planning Committee of the USSR, correctly warns those shortsighted statesmen, who sincerely advocate wholesale trade as a real sale, that the state in this case begins to lose them as their property: “Now the Ministry of Construction and Trade, organizations of science, health care, and others have been transferred to wholesale trade. All of them complain about wholesale trade. The territorial bodies of the Gosnab collect applications, and then act at their discretion – to whom they give and to whom not. This is much worse than the central distribution: questions supply is no longer decided by the state, but by each territorial base. You allow wholesale trade in conditions of scarcity. But this will only increase confusion. The products will go not to the enterprise that needs it from the point of view of government interests”¹⁷⁹.

Here is what V.P. Moskalenko, deputy general director of the Sumy Scientific and Production Association named after M.V. Frunze, regarding these economic experiments: “The standards in all these ministries [transferred to new business conditions] were adapted to the plan. They did

¹⁷⁷ Ibid. P. 517-518.

¹⁷⁸ Ibid. P. 518.

¹⁷⁹ Self-financing: purpose and reality. – M.: Economics, 1988. – P. 81.

it very simply: proceeding from the approved plan, a five-year financial plan was drawn up, and those enterprises that were given centralized investments received funds to finance them. This has been called the norm. For enterprises that were not given capital investments, funds were withdrawn through contributions to the ministry or to the budget”¹⁸⁰.

If the planned economy continued to function, numerous new complaints about the fact that not money is important for enterprises but material funds, that buying and selling of means of production is formal again, would be inevitable, since comprehensive state ownership of the means of production would be preserved.

To summarize a little about the wholesale trade in the means of production, this is perhaps the most beloved work of many Soviet economists. Wholesale trade of means of production with all-inclusive state ownership will inevitably be formal, will be nothing more than a planned distribution of means of production (for which money acts only as calculating, ideal money), within one owner – the state. Wholesale trade of means of production between independent owners of means of production will be nothing more than an exchange between them in the form of sale.

We welcome this attempt by the state, as the owner, to trade with itself, (and not for the first time), along with the attempts of Baron Munchausen to pull himself out of the swamp by the hair. Let’s take it with due humor that the state’s ardent desire in a planned economy is to enter into commodity relations with itself.

No less confusing is the question of the price of the means of production. On this occasion, in the textbook of political economy, only a brief remark is given: “Natural resources and state enterprises ... have a monetary value”¹⁸¹. The rationale for this statement is apparently provided to inquisitive readers.

Perhaps the only one in the economic literature who directly posed the question of the price of the means of production is I.V. Stalin. His reasoning so accurately reflects the views of official political economy that I will give them here in detail in the form of a long quote: “Firstly, ... they [the means of production] are only distributed by the state among their enterprises. Secondly, the owner of the means of production – the state, when transferring them to one or another enterprise does not in any way lose the ownership of the means of production, but rather, completely preserves it

¹⁸⁰ Ibid. P. 10.

¹⁸¹ Political Economy: Textbook for High Schools / Medvedev V.A., Abalkin L.I., Ozherelyev O.I. and others. – M.: Politizdat, 1988. – P. 512.

[I. Stalin, unlike a number of Soviet economists, rightly believes that the isolation of enterprises does not at all make them independent of the owner-state, does not at all contribute to the emergence of market relations. P.V.]. Thirdly, directors of enterprises who received means of production from the state, not only do not become their owners, but, on the contrary, are approved as authorized by the Soviet state to use the means of production according to the plans taught by the state. [Stalin, much better than many economists, expressed property relations in Soviet society. P.V.]. As you can see, the means of production under our system cannot be classified into the category of goods. Why, then, are they talking about the cost of the means of production, their cost, their price, etc.?

For two reasons.

Firstly, it is necessary for costing, for calculations, for determining the profitability and loss-making of enterprises, for checking and controlling enterprises. But this is just the formal side of things. Secondly, this is necessary in order to carry out the business of selling means of production to foreign states in the interests of foreign trade. Here, in the field of foreign trade, but only in this area, our means of production are indeed goods, and they are indeed sold. It turns out, therefore, that in the field of foreign trade turnover, the means of production produced by our enterprises retain the properties of goods, both essentially and formally, while in the field of economic turnover within the country, the means of production lose the properties of goods and go beyond the scope of the law of value, keeping only the outer shell of the goods (costing, etc.).

How to explain this peculiarity?

The fact is that in our social conditions, economic development does not take place in the order of upheavals, but in the order of gradual changes, when the old does not just cancel completely, but changes its nature in relation to the new, retaining only its shape, and the new does not just destroy the old, but it penetrates into the old, changing its nature, its functions, not breaking its form, but using it for the development of the new. This is not only the case with goods, but also with money in our economic circulation, as well as with banks, which, losing their old functions and acquiring new ones, retain the old form used by the socialist system.

If we approach the matter from the point of view of the formal, from the point of view of the processes occurring on the surface of phenomena, we can come to the wrong conclusion that the categories of capitalism seem to retain strength in our economy. If we approach the matter with a Marxist analysis that makes a strict distinction between the content of the economic

process and surface phenomena, then we can come to the only correct conclusion that we have retained from the old categories of capitalism mainly the form, the external appearance, essentially they have changed radically in relation to the needs of the development of a socialist national economy”¹⁸².

As for foreign trade, it should be noted that even during the Gorbachev perestroika of the USSR, occupying somewhere around one fifth of the world’s industrial production, it cost a few percent in world trade. And in 1987. the lion’s share in export was occupied by raw materials (fuel and electricity – 46.5%, ores and concentrates – 8.5%, chemical products, fertilizers and rubber – 3.4%), and machinery, equipment, vehicles – 15.5%¹⁸³.

Consequently, a small sale of the means of production on the foreign market did not serve as the reason that all means of production on the domestic market had a price that often differed sharply from the world. “Today in the USSR, some prices are underestimated by 100 or more times”¹⁸⁴.

Another reason that the means of production have a price is supposedly the need for their calculation. But it is not clear why this counting is done in counting, ideal money? Why not in hours of working time, so beloved by Marxists, but in money, which, on the contrary, is so unloved by them? Why not in natural units or any other arbitrary units? Following the logic of I. Stalin in our time, a primitive African tribe, too, if it wanted to, could very well use money as a measure of value for calculating its means of production, because it also carries out their control and calculation.

It can be seen that people learned only the conclusions of political economy, and not this science itself, and therefore, when we need to do an analysis of something new, then nothing clarifying phrases about the new “essence” and the old “form” fall upon us. The question arises – why did the new “entity” not change the old “form”? And why is the calculation and accounting of the means of production going in money, and not in hours of working time? And why, when moving toward the withering away of money (as declared by the Marxists), is this old “form” so tenacious and lasts so long (and lasted until the end of Soviet authority), etc.?

How can one not recall the young Engels: “... not bare conclusions, but, on the contrary, study is what we most need: conclusions are nothing without the development that led to them – we already know this from the

¹⁸² Stalin I.V. The economic problems of socialism in the USSR. – M.: State Publishing House of Political Literature, 1952. – S. 52-54. http://ciml.250x.com/archive/stalin/russian/1952_stalin_ekonomicheskie_problemy_socializma_v_ssr.pdf

¹⁸³ Foreign trade of the USSR in 1987. statistical collection. – M.: Finance and statistics, 1988. – P. 18 (table IX).

¹⁸⁴ Leontiev V.V. (Nobel laureate) // Arguments and Facts. – 1989. – No. 23.

time of Hegel, and the conclusions are more than useless if they turn into something self-sufficient, if they do not become again the premises for further development”¹⁸⁵.

Stalin here looks like a person who cheerfully issues long-known and learned formulas and conclusions about why a balloon flies. It seems that this is a smart person, but when asked why a life buoy is swimming, he mumbles for a long time in the spirit that for a drowning person it’s more convenient, that’s why the life buoy is swimming.

Many Soviet political economists were in the same position. They could smartly retell the conclusions of classical political economy, but when it became necessary to analyze new phenomena, previously unknown, they often began to sink in the vast ocean of common phrases like: “They [market relations] are integrated into a single system of socialist production relations, become its organic component. It is in this quality that market relations and the forms corresponding to them are included in the systematic regulation of the economy”¹⁸⁶. “The market serves as an important tool for ensuring the planned process of socialist reproduction. Market methods for regulating the economy are included in the single mechanism of socialist planned management and operate within it”¹⁸⁷.

Many people remember the parable about how blind people imagined each elephant. One felt his tail and said that the elephant is something thin and rope-like, the other felt his foot and said that the elephant is something thick and pillar-shaped. But, it turns out, the parable has a sequel. Considering the systematic distribution of the means of production, for which money is only calculating money, some economists, seeing their monetary value, say – look, this is the market, enterprises enter into the sale and purchase with each other. Other economists lean on the planned distribution – you don’t see it, it’s the same plan, because the whole sale is formally accounting in nature, and in essence it is a form of direct distribution of resources.

Passions are heating up, and in order to reduce all this to some kind of amicable agreement, a textbook of political economy of the Gorbachev perestroika period appears. It is popularly explained to the blind men about the elephant that the rope-shaped and pillar-shaped do not oppose each other, there are neither theoretical nor practical grounds for their opposition.

¹⁸⁵ Marx K., Engels F. *Collected Works*, second edition. Vol. 1. – M.: State publishing house of political literature, 1955. – P. 585.

¹⁸⁶ *Political Economy: Textbook for High Schools* / Medvedev V.A., Abalkin L.I., Ozheryev O.I. and others. – M: Politizdat, 1988. – P. 374.

¹⁸⁷ *Ibid.* P. 513.

It is explained that the rope-shaped and pillar-shaped are closely interconnected, but at the same time they have a certain independence: the thin interacts dialectically with the thick and vice versa, which means that the elephant is a real dialectical unity of the thick and thin. Arguing economists seek to reconcile the following reasoning: "... the plan does not oppose the market at all, does not fence itself off from it, but uses it in the interests of society. Thus, there are no theoretical and practical grounds for opposing the plan and the market as incompatible phenomena ... It does not follow from what has been said conclusion that there are no contradictions between the plan and the market. After all, they are not only closely related to each other, but also each have a certain independence. It is precisely due to the originality and specific laws of these two sides of the socialist economy that market relations, as a rule, to some extent correct the planned outlines. At the same time, with the help of the planned impact, the market conditions are turning in the direction necessary for society. In this contradictory interaction, the real dialectic of the plan and the market appears"¹⁸⁸.

It turns out that the existing problem can be very easily solved with the help of beautiful and vague phrases, with the help of the word "dialectic" inserted between two opposing opinions.

It is usually foggy to talk about an object when they do not have a clear idea about it. At one time, Rene Descartes wrote: "Everyone should be firmly convinced that not the most significant, but the darkest, but only from the simplest and most accessible things, the most secret truths should be deduced ... It is necessary to begin with a methodical study of the simplest questions and always learn to learn how to penetrate their innermost truth in an open and well-known way, for we will see that in this way we can gradually, but with a speed exceeding all our expectations, and with the same ease deduce from the obvious principles a multitude of provisions that at first glance seem very difficult and dark"¹⁸⁹.

2. The function of cashless ruble as a means of accumulation

Everything is obvious here – if a cashless ruble does not work as a means of circulation, then it will not work as a means of accumulation. The director of a Soviet enterprise does not make sense to save money on the account of his enterprise, because he cannot buy the means of production on them. It was also established the rule that only a certain limit was left on the account of the enterprise – everything else was taken to a higher budget.

¹⁸⁸ Ibid. P. 513-514.

¹⁸⁹ Descartes R. Selected Works. – M.: Politizdat, 1950. – P. 116.

There was no point in saving cashless rubles for the purpose of increasing salaries for employees, the higher authorities established a strictly standardized payroll fund at the enterprise, which was not related to the amount of funds in the enterprise's account (a more detailed analysis of the relationship between the world of cash ruble and the world of cashless ruble will be given at the end of the work).

Here is the accumulation of additional material resources – this is another matter. This was especially true of the deficit – here you could do a lot by knowing the moves and exits. Watch the comedy “Live in Joy” (1978) and there you will learn a lot on this subject. So the hero Leonid Kuravlev listens as Volnushkin, the deputy chief for the supply of the trust “Spetsmoststroy”, says on the phone something like this, – we would have built a hundred bridges for these transformers ...bring a letter of guarantee for the supply of 3 transformers, consider that an unscheduled bridge has already been built.

Note that Volnushkin is not asking for money, they are not interested in him, he needs to get funds, get material resources.

3. The function of cashless ruble as a means of payment

Let us now consider the cashless ruble as a means of payment for the means of production. This problem has already been essentially resolved – by proving that money is not a medium of circulation for the means of production, the author thereby proved that our ruble does not play the role of credit. After all, the function of credit is only a continuation of the function of the medium of circulation. If the means of production cannot be bought with money, then they cannot be bought with money taken on credit.

If we distract from the money-mediated loan, look at the nature of the loan in general (that is, lending with material resources, labor force, etc. without the help of money), it becomes clear that the owner cannot lend himself in any form, however, as and trade with yourself. If, from this angle, we look at our state, it becomes obvious that it cannot in any form lend to its enterprises.

For example, conduct a visual experiment – imagine that you are a state, and your left hand is your property under the name “collective farm”. You gave your hand money so that it would hold it. Then the hand took the money and lost. Could this be? Yes, could. Can you tell your hand – until the money is returned I will not feed. No you can not. Why? Because you cannot lend yourself. You will always forgive a loan to yourself. The owner cannot

lend himself; the state cannot lend itself (in the form of state enterprises and collective farms). The complete absence of bankruptcies of state enterprises and collective farms in the Soviet period just indicates that there was no real relationship of credit – so if the collective farm could not repay the loan issued to it at the end of the year, then this debt was debited to a special account, and the next year the collective farm was given a new loan.

We read the article “Debts written off” on the front page of the *Kaliningradskaya Pravda* newspaper: “The Council of Ministers of the USSR decided to write off from the collective farms, state farms, other agricultural enterprises and the processing industry of the agro-industrial complex the debt deferred by the decisions of the Union Government on loans of USSR banks in the amount of 40.3 billion rubles.

The decision to write off the debt was made in order to improve the economy and create favorable conditions for the work of collective farms, state farms and other agricultural enterprises in the context of the establishment of new forms of management, regulated market relations.

The Council of Ministers obliged the banks of the USSR to take measures to efficiently use the credit resources provided to agricultural enterprises and ensure their timely repayment”¹⁹⁰.

Now imagine what would happen to the collective farm if it were an independent owner. His property goes under the hammer in payment of debt, and he himself becomes bankrupt. There were no such bankruptcies in Soviet times, which suggests that the function of money as a means of payment (credit) did not work.

But let’s go back to a cash loan and, first of all, consider in more detail the part of the money that the state sends to “lending” to its enterprises. (Note. In this case, it is more correct to say that there is direct financing by the owner of their enterprises, rather than “lending”). The state monopoly on the means of production leads to the monopolization of banking. Various banks, which were branches of the State Bank of the USSR, during the perestroika period owned 98% of all the country’s funds (the rest accounted for commercial and cooperative banks). As shown earlier, cashless money flow is only a reflection of the material flow of the means of production, therefore, “credit”, like direct financing, is only a consequence of material flows. The state in the person of the State Bank kept records of these material flows, with the aim of controlling that their movement was carried out in accordance with the state plan, in ideal, calculating money. And as a result, the financial and credit plan was only a reflection of the logistics plans.

¹⁹⁰ *Kaliningrad Pravda* (Baltic). July 11, 1990.

“Specialized banks of the USSR, on the basis of draft plans for economic and social development of ministries and departments of the USSR, other materials characterizing the volumes, rates and proportions of development of production and the social sphere, as well as draft credit plans received from republican banks, determine the need for loans for their clientele.”¹⁹¹

A single “credit” plan is necessary for the state to coordinate cash and material flows. “To conduct a unified credit policy of the state, the State Bank is developing consolidated credit plans and resource allocation plans and credit investments by banks, defines the composition of lending facilities, conditions for issuing and repaying loans, credit concessions, credit measures for borrowers and the conditions for their application, mandatory for all banks. The State Bank also plays a leading role in the formation of the interest policy, sets interest rates for the use of loans, the size and procedure for making plans for the resources attracted by some banks from others”¹⁹². “... all banking operations are based on production and financial plans. For example, the predominant part of loans is issued for the purposes provided for in these plans”¹⁹³.

An agreed plan of “loans” to enterprises allows, in turn, to control the state’s implementation of the plan. “When lending by turnover, the bank has the ability to control the movement of inventory at all stages of their circulation, while lending by balance – only changes in balances at individual stages”¹⁹⁴.

The state lending to its enterprises for the purpose of monetary control over the implementation of state plans also leads to a wild situation, from the point of view of a Western banker, when the state continuously intervenes in the production process of the “borrower”, that is, state-owned enterprises. A Western bank, providing a loan to an independent owner, is often (especially with good provision with highly liquid assets) not interested in what the loan will be directed to. He is mainly interested only in guarantees of his timely payment. Our state gives “credit” to its enterprises only for allocated material resources.

“The principle of material security is that loans are provided for inventory items ... Its target orientation can be reliably established if material assets are available or production costs are incurred for which a loan was issued”¹⁹⁵.

¹⁹¹ Finance and credit of the USSR. – M, 1989. – P. 206.

¹⁹² Ibid. P. 102.

¹⁹³ Ibid. P. 108.

¹⁹⁴ Ibid. P. 189.

¹⁹⁵ Ibid. P. 188.

Money as a means of payment mediates purchase and sale only between independent owners, although not at the time of purchase. If the borrower is unable to pay the loan within a certain period, he becomes bankrupt. Within the framework of one owner, there can be no bankruptcies, since the state, being the owner of its enterprises, cannot demand the return of a “loan” both in cash and in material form from itself, which is confirmed by the absence of bankruptcies of state enterprises. That is why the following rights of the State Bank remain just a beautiful phrase:

“Institutions of the State Bank of the USSR and specialized banks are granted the right to establish increased interest for overdue loans, transfer enterprises and organizations to a special lending regime, stop lending and declare enterprises and organizations insolvent”¹⁹⁶.

Usually, if a state-owned enterprise cannot repay a “loan” to the state after a certain period of time, then this does not affect its activities at all, it continues to function quietly, and payment of the “loan” is delayed, or it is simply debited. “If there are insufficient funds in the current account, the corresponding part of the debt is transferred to the account of overdue loans”¹⁹⁷.

The New York Times correctly understood that the so-called “credit” of the state to its enterprises is not a credit in reality: “Poland is also expected to stop subsidizing industry, replacing government donations with loans that industry will have to repay. However, this was clearly not possible to achieve in practice, since not one of the Polish industrial enterprises declared bankrupt, as it would have probably happened if the practice of subsidies had been terminated”¹⁹⁸.

The fact that the “credit” of the state to their enterprises is not at all credit, and the contradiction is explained by the fact that the wide and cheap “credit” for 60 years did not stimulate the development of the Soviet economy, unlike the countries of private capital. Therefore, V. Zakharov, Doctor of Economics, said: “Credit has completely lost its stimulating and controlling role”¹⁹⁹. The non-obligation to repay “loans” by state enterprises to the state leads to a ridiculous situation from the point of view of a Western banker – when a “creditor” persuades the “borrower” to pay debts on time, that is, calls for “ensuring timely repayment of loans and strengthening payment discipline”²⁰⁰.

¹⁹⁶ Ibid. P. 274.

¹⁹⁷ Ibid. P. 194.

¹⁹⁸ The New York Times December 25, 1984.

¹⁹⁹ Zakharov V. // Issues of Economics. –1989. – No. 9.

²⁰⁰ Finance and credit of the USSR. – M., 1989. – P. 104.

A loan is one of the functions of the State Bank for accounting and control over the movement of material resources, and its other functions are also repaired by the need for monetary control over the implementation of plans. State subsidies to their enterprises make it possible to keep records and control the movement of material resources and the implementation of plans. “Objects of banking control: the implementation of quantitative and high-quality planned tasks, the compliance of own working capital with established standards, the expenditure of wage funds, the accumulation of material assets, compliance with contractual relationships and settlement rules, cash discipline, etc.”²⁰¹. “Banking institutions and financial authorities conduct a joint analysis of the financial and economic activities of associations, enterprises, construction and other business organizations, ministries and departments according to their annual and quarterly reports”²⁰².

“Bank institutions quarterly review the economic and financial activities of enterprises, paying particular attention to the implementation of product delivery plans in accordance with the agreements (orders) and profits, reduction of production and circulation costs, elimination of unproductive expenses and losses, implementation of resource saving measures, normalization of inventory and accelerating the turnover of working capital, studying the ongoing changes in the economy, finances, credit relations of enterprises”²⁰³.

So the cashless ruble does not act as a means of payment between the state and its enterprises.

4. Cashless ruble in the role of world money

This problem has already been solved, because if, as has been shown, the ruble is not a means of circulation, that is, “internally convertible” for the means of production within the country, then, therefore, it is not also externally convertible. If we look at developed capital countries for comparison, it is obvious that in private capitalist production there is a constant alternation of two types of transition in relation to the means of production: purchase and sale, their systematic use within the framework of one owner, purchase and sale, etc.

Thus, the circuit $C - M - C - \dots$ takes place, and since it does not matter for the product whether the buyer is domestic or foreign, the need arises for the exchange (convertibility) of domestic money to foreign currency, that is, $C - M$ (domestic money) – M (foreign currency) – $C - \dots$ In other

²⁰¹ Ibid. P. 105.

²⁰² Ibid. P. 106.

²⁰³ Ibid. P. 201.

words, in a country where there are many commodity producers (including capital goods), there is a need for convertibility of national money (of course, the degree of convertibility can be different).

If the owner of all means of production in the country is one (as in the planned economy – the state), then the planned distribution of means of production is no longer interrupted by sale. The means of production are now doomed to be systematically consumed, perished, and reborn again within the framework of one owner. The formula $C - M - C \dots$ in this case, as was shown earlier, does not work, which means that the formula $C - M$ (domestic money) – M (foreign currency) – $C - \dots$ does not work too.

Joint ventures created in the Soviet Socialist Republic during the perestroika period, having no opportunity to buy means of production for their earned rubles (as well as state-owned enterprises, which are much more interested in funds than money), bought Soviet products or raw materials for rubles, exported them and sold in dollars or other currency²⁰⁴. “... the obstacles hindering the development of joint ventures are still great. The most significant is the government’s inability to achieve ruble convertibility ... so far, out of almost 200 joint ventures registered in Moscow, less than 20 operate, mainly due to material and financial difficulties. technical support”²⁰⁵.

The correctness of the explanation that the convertibility of national money does not depend on the wisdom of economists or the government of the country, but on the number of independent producers within the country entering into the sale and purchase with each other, is also confirmed by world practice.

In all social countries, where the state was the sole owner of the vast majority of the means of production, with slightly developed private capital, national money was not convertible. Only the Yugoslav dinar was at the end of the list reflecting the degree of convertibility of national money, which is explained by the presence of a significant sector of group ownership in the Yugoslav economy, that is, the presence in the domestic market of a significant, although not very large number of independent producers (including means of production). In many underdeveloped African countries, especially tropical Africa, the state played a very important role in the economy (as well as in the planned economy). And as an inevitable consequence of this, the ruble was mentioned in economic publications published in the West along with non-convertible exotic money from such countries.

²⁰⁴ Izvestia October 27, 1989.

²⁰⁵ Michael Serrill // *Abroad*. – 1989. – No. 13.

Of great interest from the point of view of convertibility of national money are countries where the state owns a significant part of the means of production, but to a much lesser extent than in socialist countries, although to a greater extent than in developed capitalist countries. Such countries are a cross between them in terms of the weight of state property in the country's economy. The national money of such countries can be convertible to a certain extent. This primarily depends on the size of the public sector in the economy and on the level of economic development of a given country.

Thus, finding the answer to the question – why the ruble in a planned economy is not convertible, we found the answer to the question – how to make the ruble convertible. It became obvious that the real utopia is the desire to have a convertible ruble and to keep, at the same time, in the hands of the state the vast majority of the means of production. No less clear was the fact that the ruble will become convertible only when the state loses ownership of a very significant part of the means of production and becomes even large, but still one of many, one of a large number of independent producers of means of production that enter into the purchase-sale with each other.

The ruble, inevitably acting as a medium of circulation during this sale, becomes “internally convertible”, which means that if there is a sufficiently large number of producers, it is also externally convertible. For the emergence of a large number of independent commodity producers, a wide assumption of group and private ownership of the means of production is necessary due to a very significant reduction in the share of state ownership of the means of production. This is a necessary and sufficient condition for the convertibility of the ruble: the $C - M - C$ formula will work broadly within the country, and since it will work only when buying and selling between many independent owners, the formula $C - M$ (national money) – M (foreign currency) – C – ...will work too.

On the question of convertibility, one can go purely logically along the following line of reasoning. Why does the world money function not work? Because the second function does not work – the function of the medium of circulation. Why does it not work? Because state-owned enterprises do not enter into market relations with each other. What is needed for this relationship to arise? This requires two simultaneous conditions – the division of labor between independent owners. The division of labor already exists, it remains to make state enterprises independent owners through privatization (private and group property) and the destruction of the state's monopoly on the means of production.

The chain begins to work in the opposite direction, – market relations arise between now private enterprises “you to me – I to you”. I give you a tank of alcohol, you give me 5 wagons of coal. Quickly arises (as Adam Smith said) and the rustle of money. I already sell alcohol for money – the second function of money works. And then the rest begin to work, including the function of world money. Why is it now interesting for a foreigner to buy cashless rubles for convertible currency? Because for them he can acquire everything that is produced in the country, including the means of production – plants, oil, gas, land, equipment, various raw materials, etc. So the ruble became convertible. (Note. The main part of the above ideas was stated by the author in the article “Convertible ruble: realities and utopias” in the newspaper “Businessman” No. 6/1990, published by the Tallinn Business Club at that time.)

The ideas discussed above regarding the convertibility of the ruble were set forth in the collective monograph «The economy of the absurd or the absurdity of the economy?»²⁰⁶ (1990), written by the author together with V. Glukhov. Almost 30 years have passed since then (the author writes these lines in 2020). The ideas expressed on this issue were fully confirmed. All the socialist countries that carried out privatization and destroyed the state’s monopoly on the means of production came to convertibility of the national currency. The Polish zloty is convertible, the Russian ruble is convertible, the Czech koruna is convertible, the Bulgarian lev is convertible, etc.

Only two socialist countries remained in the world, in which, as a whole, the state monopoly on the means of production was preserved. This is Cuba and North Korea. And as a natural result of this monopoly – the national currency of these countries is not convertible, i.e. the cashless Cuban peso and the North Korean won are not needed by anyone. Practice has confirmed the theory. (Note: Cuba now has two currencies – the non-convertible peso and the convertible peso (CUC), which is about one dollar. But convertible pesos are used mainly in the tourism sector and when buying expensive goods in “dollar” stores. It is impossible to acquire means of production, but only means of subsistence. Therefore, the Cuban currency is considered non-convertible. In general, the possibility of making cash convertible in a planned economy, where it serves as a means of circulation only between labor force and means of life, is a separate issue).

²⁰⁶ Petukhov V.A. Glukhov V.I. The economy of the absurd or the absurdity of the economy? monograph. – Sverdlovsk: IMC “Inform”, 1990. – 62 p.

We read on the Internet at SPRINTinvest.RU about freely convertible currencies: “Of the currently known national currencies, the North Korean won and the Cuban peso are considered the most non-convertible. Their circulation outside the issuing countries is prohibited, and it is unlikely that anyone will be able to legally acquire them on the international currency market. Approximately the same degree of conversion is also characteristic of most African, a number of Central Asian, South and Central American currencies, as well as banknotes of micro-states of the Pacific region”²⁰⁷.

For additional considerations and comments regarding the convertibility of the currencies of the socialist countries during the Gorbachev perestroika period, see Appendix No. 9.

²⁰⁷ <https://sprintinvest.ru/chastichno-konvertiruemaya-valyuta-ponyatie-i-primery>
(date of the application 01/07/2020)

PART 4

INTERACTION OF THE WORLD OF CASH RUBLE AND THE WORLD OF A CASHLESS RUBLE

There is a clear border between these worlds – cash rubles cannot penetrate into the sphere of means of production and buy them, and non-cash money of state enterprises is sent to purchase means of subsistence. (Note. Life, of course, is a much more complicated thing than any scheme, and state-owned enterprises could, within very modest established limits and permission of higher organizations, purchase by bank transfer, for example, missing office supplies in ordinary retail stores. However, these values were so small that they can be neglected in this analysis.)

Almost all Western economists who wrote about the Soviet economy noted a clear boundary between the world of cash and the world of non-cash ruble. So Vorobey I.F. writes: “R. Hutchins identifies the following features of the Soviet financial and economic system: ... a strict separation of the areas of functioning of cash and cashless money circulation”²⁰⁸. The presence of this border between cash and non-cash money in the Soviet economy is also noted by the famous, former Soviet, and now American economist, Igor Birman²⁰⁹.

In the field of cash ruble, strict requirements were imposed in the implementation of the so-called cash plan, that is, there was strict control over the expenditure and receipt of cash rubles. In the sphere of cashless ruble in relation to cashless rubles, not secured by funds, this was not observed at all.

Another proof of the separate existence of these two worlds is the following consideration, – a huge amount of non-commodity rubles will willingly absorb the deficit thrown into the shelves (for example, good books or quality shoes). But this cash rubles cannot turn into cashless rubles, secured by material resources, which are necessary to increase the production of these books and shoes. In developed countries with market economies, an increase in the population’s demand for books and shoes would automatically lead to an increase in the means of production necessary for a larger production of books and shoes. There are no two worlds of money – cash

²⁰⁸ Vorobey I.F. *Lessons of the Past*. – M.: Zhukovsky. Kuchkovo field, 2003. – P. 38.

²⁰⁹ Birman I. // *Issues of Economics*. – 1989. – No. 9.

rubles easily turns into cashless rubles, any kind of money can easily acquire means of production, means of subsistence, labor force.

In the same developed countries, if the industry is unprofitable and is experiencing crisis phenomena, then the salaries there are low, and if the industry is on the rise (as in IT technologies), then the level of salaries there is very high. In a planned economy, the picture may be different – in a low-profitable (or even unprofitable) coal mining industry, there is a high salary of miners, and in a highly profitable manufacturing industry there are much more modest salaries of workers.

Why is this happening? Because there are two money worlds. In the world of cash ruble, a miner argues as follows: my work is harmful and dangerous, so I will only work for a high salary (high, of course, compared to the average salary in the country, and this average salary itself can be very modest compared to other countries due to the monopoly position of the state within the country when purchasing labor force). Further, the miner continues – I do not care what the estimated prices are between the coal mining industry and other sectors of the economy. This is the business of the state owner and they do not concern me. I sell only my labor force and I want to sell it more expensive. If in the coal mining industry they are ready to offer me the appropriate conditions, then I will work here.

Similarly, the employee in the manufacturing industry argues. Work here is easier and less harmful than that of a miner, which means I agree to a lower salary.

And I don't care what are the estimated prices between my industry and coal mining. I don't care how profitable my industry is compared to others.

In a planned economy, the world of the cash ruble and the world of the non-cash ruble are practically independent of each other. In the world of private capital, if a private enterprise has no money in its checking account, then it cannot pay salaries. In a planned economy, the absence of non-cash on the account of a state enterprise does not in any way affect the movement of cash rubles, and salaries can be regularly issued with a zero non-cash account at a state enterprise.

In 1989 a definite attempt was made to abolish the border between the two money worlds, – they say that in developed countries there is no such border, let us go in this direction. What did this really lead to while maintaining the state monopoly on the means of production? Cash rubles began to penetrate the sphere of means of production and buy them. An example is the well-known gold mining artel Tumanova. The guys from this artel began to buy old, decommissioned, spent gold mining dredges. As

skilled people, they brought them to normal working condition and as independent owners began to mine gold in an industrial way. (As they said, earlier we gave 9/10 gold to the state, but now we give it 1/10). The state's monopoly on the means of production began to collapse, and in addition, the private owner began to clearly show his clear advantage in organizing the economic process.

On the other hand, the cashless ruble (primarily “empty”, not provided with material assets) from the accounts of state enterprises has invaded the sphere of living resources. Enterprising directors of Soviet enterprises, taking advantage of the moment, began to buy up scarce consumer goods. Therefore, it is precisely 1989 was the beginning of a period of acute shortage, – the appearance of cards, business cards for Muscovites, etc. (I remember such a personal example of that time. I am standing behind some deficit in the Moscow GUM, the line is big, both Muscovites and visitors are standing. But the saleswoman is alone, the line is moving slowly. People begin to be indignant, to which the saleswoman answers – you will make noise, I will let go only on Muscovite's business cards. The queue immediately calms down).

The system, with the voluntary abolition of this border between the two money worlds, but with the preservation of the state's monopoly, obviously went wrong, and therefore, after a short time (several months) it was restored. And this border existed until the reforms of 1991-1992, when the privatization of state enterprises was carried out.

The division of labor between independent owners (which were former state enterprises) led to market relations in the field of means of production. Everything that is produced in society has become a commodity – living means, means of production, labor force. The state's monopoly on the means of production disappeared, and the world of a cashless ruble disappeared. Cash ruble and cashless ruble have become one world as in developed countries. They easily turn into each other, they can buy everything that is produced in society.

Under existing property relations in a planned economy, cash rubles are the state's obligations to employees (the population), and cashless rubles of state-owned enterprises are just “obligations” of the state to itself. These are two different types of money. These are two money worlds. The communication between the two worlds should be under the strict control of the state, since the unimpeded conversion of cashless money from state enterprises into cash rubles inevitably leads to the fact that the state's obligations to the population in this case grow like a snowball.

The state is forced to separate these two types of money. “The predominant part of the cash turnover mediates the relations of socialist enterprises and organizations with the population, as well as between citizens. The cash turnover between enterprises is insignificant, since the bulk of the settlements between them are made by cashless transfer.”²¹⁰ “The organization of the monetary system provides **a clear distinction between the areas of functioning of money in cashless and cash forms** [highlighted by the author – P.V.]. Internal economic turnover (between socialist enterprises) occurs mainly in cashless ways, and the circulation of population incomes through cash of money. In this regard, one of the tasks in the organization of money circulation is to maintain the established boundaries between the circulation of cash and cashless circulation. To this end, banks limit the issuance of cash to enterprises for settlements between themselves, monitor compliance with cashless payments for goods and services, which are mainly intended for sale to the population for cash. Banks exercise strict control over the conversion of cashless cash into cash.....”²¹¹

A number of additional general considerations on this issue can be found in Annex No. 10.

²¹⁰ Finance and credit of the USSR. – M., 1989. – P. 249.

²¹¹ Ibid. P. 248.

PART 5

THE PECULIARITY OF MAKING A PROFIT IN A PLANNED ECONOMY

1. About the nature of profit

If the physicist Ludwig Boltzmann says that the task of physics is to show the unity of the laws of nature, then we can say that the task of economic theory is to show the unity of the laws of economics in human history (but, here we can add – in the history of the animal world as a whole).

Man came out of the animal world and learned from it the basics of his activities and behavior. Figuratively speaking, we only look half a head out of the animal world, and everything else still belongs to this animal world. R. Carrington expresses a rather harsh opinion about this: “Man is the most successful and ruthless predator that evolution has ever created. He doesoms many creatures to extinction by exterminating them for meat and hides, or by unintentionally dramatically altering the environment. This process continues to this day, because, as man spreads over the Earth, he more and more destroys the animal kingdom, the kingdom to which he ultimately belongs»²¹².

The basis of the behavior of any living organism is the extraction of food and personal safety. Living organisms also have their own, albeit primitive, economy. The principles of this economy, the principles of food production in humans are the same as in any living organism. The most important principle is *the minimum cost while achieving the maximum result*. Or in other words, the energy spent on catching prey must be less than the energy gained from eating that prey. However, here it is necessary to take into account the personal safety of the animal, because the minimum cost of hunting implies a minimum of various concomitant injuries (up to the death of the hunter himself).

The comparison of humans and other representatives of the animal world is not new. So D. North notes: “In recent years, sociobiologists and economists have joined forces to study the parallels between the fundamental traits of genetic survival and evolutionary development of

²¹² Carrington R. *Mammalianae*/P. Harrington; translated from the English by A.D. Bazykin; preface by prof. V.G. Heptner. – M.: Mir Publishing House, 1974. – P. 44.

animals and similar patterns of human behavior. Many economists have come to the conclusion that this approach is not only noteworthy, but also allows us to draw important conclusions about human behavior»²¹³.

Following the above principle, every living organism, starting from the simplest bacteria, strives to ensure that the results of its activities are greater and the costs are less. So the bacterium in the water tends to move to where it has the optimal temperature, a lot of food and few predators. The squirrel does not live in the swamp, because the cost of getting food is very high – the nearest cone is located at a distance of several kilometers. She wants to live in the forest, where the cost of getting another cone is minimal – because the cone is hanging on a nearby branch. The squirrel chooses the conditions under which the principle is provided – the minimum cost with the maximum result, i.e. the minimum energy during the extraction of food and the maximum energy received from food. The squirrel tends to live where there is a lot of food, few predators, good conditions for breeding offspring, etc.

If a squirrel does not comply with this principle for a number of reasons (drought, disease, etc.) and receives less energy from food than the energy it spent on obtaining this food, then the squirrel genus is doomed to extinction in the near future.

The same situation is completely typical for a primitive hunting tribe – with a successful hunt, the hunters not only restore their energy spent on hunting, but also can feed the rest of the tribe for a certain time and do not hunt themselves, eating excess meat. The opposite heavy picture occurs if, for a number of reasons, the results of hunting are poor, and the caught prey does not even allow the hunters to restore their strength and energy.

If you take away the energy received from food, from the energy spent on obtaining food, then you can talk about getting a kind of “profit”, or, conversely, a kind of “loss”. Receiving a “profit” indicates the successful existence of the animal organism, and receiving a “loss” for a certain time raises the question of the very existence of the animal.

In other words, if the inequality

$$E(\text{obtained from food}) > E(\text{spent on obtaining food})$$

is observed, then the living being functions normally and reproduces. And the greater this “profit”, this gap between the two types of energy, the more opportunities the animal has. (Although, as studies of the animal world

²¹³ North Douglass Institutes, institutional changes and the functioning of the economy / Douglas North; translated from English by A.N. Nesterenko; preface and scientific ed. by B.Z. Milner. – M.: Foundation of the Economic Book “Beginnings”, 1997. – 38 p. (Modern institutional and evolutionary theory).

show, in some cases this leads to the conservation of biological development and a stop at this stage of development).

The same principle of the animal world – a minimum of costs while achieving the maximum result – is guided by us people in everyday life. So, in an effort to get home in Moscow faster after work, we choose a route that requires us to spend a minimum of time, energy and money, although no one prevents us from going around the Moscow ring road 10 times to get home. If your friend by car offers you a ride home, and you see that this is an even more profitable route, then all other things being equal, you will choose this option.

If we turn to a commercial firm, which is a “quasi-living” entity in the sense that its activities are based on the above-mentioned principles of the existence of the animal world (including, as has been shown, man), then it also strives to maximize the result (in this case, to maximize revenue, to maximize income) and to minimize costs. If the income exceeds the costs, the firm makes a profit, and if the income (revenue) is less than the costs, then a loss occurs. Thus, Article 247 of the Tax Code of Russia states “Profit for the purposes of this chapter is recognized.... income received, reduced by the amount of expenses incurred»²¹⁴.

In the first case (making a profit), the firm successfully exists further (like the successful existence of an animal organism). In the second case (receiving a loss), the company begins to experience crisis phenomena and after a while, while maintaining losses, it will be forced to stop its activities (like the death of an animal under similar conditions). More specifically, the profit (loss) accounting department of a commercial firm, which is located on the general tax system (OSNO), counts on the 90th and 91st accounts, calculating the monthly balance of the debit and credit of these accounts.

After calculating the balance (for example, a positive balance on the credit of these accounts means a profit) at the end of the month, these accounts are reset to zero, and using the double entry principle, the final result of the month (profit or loss) is transferred to another account.

Thus, the ratio of costs and results, while striving to minimize costs and maximize results, is characteristic of both the animal world economy and the human economy. Here it is quite appropriate to recall the economic imperialism of Becker, and to emphasize that the general principles of economics can be applied not only to different branches of human activity, but also to the animal world (or rather, on the contrary,

²¹⁴ Tax Code of the Russian Federation: Part Two of 05.08.2000 No. 117-Federal Law (as amended on 17.02.2021).

the principles of the economy of the animal world are also applicable to the economy of people, since people as biological organisms came out of this animal world (more precisely, only a few “lifted up”) and still obey many of the laws of this world).

If we use Marxist terminology, then the prey in the animal world and among primitive hunting tribes can be considered as a kind of “commodity”, which was “exchanged” from the surrounding nature for a certain amount of energy needed to obtain this “commodity”. In this case, the “exchange value” of this “commodity” is equal to the energy spent on obtaining production, and the “use value” is equal to the energy obtained from eating this food. The difference between the “use value” of prey and its “exchange value” creates a “profit” (or loss), which is clearly expressed in the fact that living beings can have free time without worrying about food.

This free time can be used in different ways – for example, to care for wool and collect supplies for the winter from squirrels, ritual dances and rituals, preparing food for the future from primitive hunters. (It should be noted that in the Marxist paradigm, the emergence of profit (and hence the difference between exchange and use values) is associated only with the use of living human labor – primarily wage labor).

In general, if we continue to use the Marxist approach, then the above situations can be considered not from the point of view of the energy received and given away, but from the point of view of the amount of labor, i.e., comparing the time required for obtaining food (production) and the time that allows the animal to function normally after eating this food (production). In the case of a successful hunt, when, for example, an animal (or primitive hunters) hunted for 2 days, and the resulting prey is enough for a normal weekly existence, the ratio of these 2 types of time will be 2:7. This situation creates the necessary favorable conditions for the existence of both the animal and the hunters.

If the situation is unfavorable, when the time spent on hunting is more than the time that allows the animal to function normally after eating this prey, and the ratio of these 2 types of time is, for example, on the contrary, 7:2, then both the animal and the hunters fall into a crisis situation. And if this crisis situation continues to recur for a certain time, then the starvation of both animals and hunters is guaranteed. In general, we can say that the approach from the point of view of time costs gives the same result as from the point of view of energy costs.

However, let’s look at the animal world in the above situations more specifically. A living organism can only exist to the extent that for its vital

activity it is forced to spend energy, proteins and hydrocarbons, fats and vitamins (however, there are a number of simple organisms that spend a completely tiny amount of them in suspended animation). The process of food processing is almost automatic and does not cause any difficulties in animals. But the other side – getting food, is a big and difficult problem for the vast majority of animal organisms.

Such a well-known specialist of this world as Alfred Bram writes about the need for effort (work) for any living being: “No matter how beneficent Mother nature is, no matter how wisely God’s world is arranged, animals find their food only with great difficulty. Not everywhere is a ready-made table set for each of them, and not at all times. Not always insectivorous birds can find the insects necessary for their food; these latter, in turn, do not always find succulent stems or fruits of plants – in short, the life of every animal is closely dependent on the life of other animals or on plants, and all this, in turn, is completely dependent on various natural phenomena, on the physical conditions of the area they inhabit»²¹⁵.

He further notes: “Every animal takes food, without which its very existence is unthinkable. The necessity of constantly introducing new masses of nutritive matter from outside into the body is due to all animals to the fact that the particles that make up a living organism are constantly changing, breaking down, and therefore must be constantly renewed. The most vital process consists mainly in this continuous change and renewal of the substances that make up the body. Oxygen comes from the outside, which oxidizes the complex organic substances that make up the animal’s tissues, and destroys them, and less complex compounds are formed, namely: carbon dioxide, water, urea, some mineral salts that are removed from the body: carbon dioxide through the respiratory organs, the rest of the substances with the help of special excretory organs. It is this incessant change in the chemical composition of the matter from which the organism is composed that is the source of all the forces (heat, electricity, muscular and nervous work, etc.) that characterize the living organism.

It is obvious that with the constant loss of substances carried by the organism during its life, they must also be constantly renewed by the introduction of new substances, which, if processed in a certain way, could take the place of the destroyed ones, since only in this way can the existence of a living organism be maintained. Under the influence of such a necessity,

²¹⁵ Bram A. Animal Life Volume I Mammals Chapter Three. “Basic properties of animals. Food”. <https://avidreaders.ru/read-book/zhizn-zhivotnyh-tom-i-mlekopitayuschie.html?p=12>.

each animal feeds, i.e., feeds. he introduces various substances from the surrounding nature into his body, processes them in a certain way, and places the new particles obtained in various tissues of his body, where they are felt to be needed; thus, the substances lost in various life processes are restored. The organism of the animal is continually renewed; in every organ, in every particle of its tissue, the destruction of matter is continually carried on, and its replacement by new substances, newly acquired from without»²¹⁶.

The desire to minimize the costs of hunting leads predators to the appearance of effective camouflage-without camouflage, faster game will notice the enemy from afar, and the effectiveness of hunting will be reduced to a dangerous limit. A similar pattern is observed in herbivores – masking makes it possible to seriously reduce the costs and associated risks when eating plant food. The same A. Bram notes: “The lion that lies in wait for its prey, hiding between the rocks of the desert, is painted to match the color of these rocks. The Bengal tiger is painted with black stripes, which represent a complete similarity to the stripes of shadows that, in the bright light of the southern sun, cast the stems of numerous plants of the Indian jungle, where the tiger lives. The jaguar, looking for a victim from behind a tree trunk, is dotted with rounded dark spots that present a complete resemblance to the shadow of the dense foliage of trees. Our common hare in summer wears a modest gray robe, which is surprisingly in harmony with the color of darkened tree trunks and soil. But with the onset of winter, when the earth is covered with a white snow shroud, the hare changes his fur coat and puts on a fur coat as white as the snow itself..... Hide, hide, put on an invisible hat-both a powerful predator and its weak victim are equally successful»²¹⁷.

The level of predator camouflage reaches the point that in Norway there is a predatory wasp (family Crabronidae), which looks completely similar to the flies on which it hunts, and therefore can easily approach its victims.

In addition to camouflage, hunting tactics can increase the effectiveness of hunting (i.e., reduce costs and increase the result). So it is well known that the predators of the cat family sneak up on their prey with smooth, inaudible steps with extreme care and sensitively listening to the entire environment. The slightest rustle or movement attracts their attention, and they carefully find out its cause. At the same time, they move in a semi-bent position and, if necessary, freeze for a long time, while keeping to the wind from possible prey. Having determined that they are close enough to the prey, they catch up with their prey in one or more jumps, developing

²¹⁶ Ibid. Chapter three. “Basic properties of animals. Food”.

²¹⁷ Ibid. Chapter three. “Basic properties of animals. Food”.

maximum speed. Then, using their claws and teeth, they grab the prey and make several bites. Then they loosen their jaws a little, but so that the animal can not escape and watch the prey, and if there are signs of life, they bite it again. So that other predators do not covet their prey, cats usually drag it into a hidden or inaccessible place (for example, a tree), where they devour it with calmness and pleasure.

To this I can add my observations of the hunting of my own cat. When I drag a stuffed mouse on a string, the cat crouches down and presses his ears only with full attention watching the “mouse”. As soon as the “mouse” turns the corner, the cat quickly rushes after it and grabs it. This tactic gives the cat 2 important advantages: first, – the victim, turning the corner, should be strongly distracted by the study of a new space while instinctively believing that the space passed behind it is very safe, and secondly, – the angle hides from the victim the main part of the cat’s throw, so that the cat gets into the field of view of the victim at the very last moment, which practically does not give the prey time for the appropriate reaction.

An important factor in increasing the effectiveness of hunting is the preliminary collection of information about a potential victim. A number of experts note that even the lion, tiger and puma are initially afraid of man and almost cowardly leave at his approach; but when they find out his cowardice and other weaknesses, after a considerable time carefully watching him and studying him, they become his most terrible enemies.

Also, predators widely use the advantages of collective hunting – it is widely known that both lionesses and wolves hunt in the following way: some predators sit in ambush, while others drive their prey at them. A. Bram describes it this way: “When there is little prey, especially in winter, wolves, as if realizing the benefits of cooperative labor, unite in packs for joint hunting. The pack goes, usually stretched out in a long column, and each wolf tries not only to go in one row, but also to get into the trail of its predecessor. Because of this, it is sometimes difficult to determine the number of pack members for an experienced hunter. In case of need, the pack quickly disintegrates, as if on command, taking up certain places.

Romance tells how a hunter saw two wolves, one of which lay down in a ditch, and the other went across an open plain, where at that time a herd of antelopes was grazing. The wolf – apparently on purpose-skirted the herd, startled it, and drove it, just as a sheepdog drives a flock of sheep, straight to the place where his companion was sitting. As the antelopes were running across the moat, a wolf in ambush jumped out

and grabbed one of the animals. After that, he was joined by an ally to share the loot»²¹⁸. In the sea, dolphins often form a semicircle around the fish to push them out to the shallow water, and eat them there. And in this case, dolphins as social animals do not immediately rush to the school of fish, but continue to keep it in a circle so that all members of the dolphin pack can get enough of food.

In the event that a predator, due to a number of reasons (inexperience, extreme hunger, etc.), ignores the principle of minimizing costs and risk, it seriously risks receiving damage incomparably higher than the benefit from the resulting prey. With such hunting, the predator may well get serious injuries and injuries that make it generally unsuitable for further hunting, not to mention its death. Similar situations are common in the wild. This is pictorially described by A. Bram on the example of a fight between several lions and a wild buffalo: “The horned giant [wild buffalo], with its formidable weapons, is beyond the power of even a powerful “king of beasts”, and blind rage makes the buffalo a doubly dangerous opponent. This is not a timid antelope, and the lions have to endure a desperate struggle before they can take possession of such prey. The outcome of the battle is doubtful. It often happens that a giant dies in a fight, defeated not so much by strength as by the dexterity of his opponents. But if the lion does not have time to dodge the all-crushing blow of the horns, there is no escape for him. The maddened animal tramples and tears at its royal enemy, sometimes tossing him into the air like a ball. Having finished with one, the horned giant takes on another opponent, who is not saved by either terrible teeth or powerful claws. Sometimes the wild boar also deals with the “king of beasts” in the same way»²¹⁹. In some cases, a whole herd comes to the aid of one buffalo, and the lions wisely run away.

Therefore, if the lion pride has a choice, then they choose the best option – for example, there is an opportunity to attack a healthy strong buffalo near his herd, or to attack the same, but weakened buffalo, stuck in a swamp far from the herd, then the second option will undoubtedly be chosen. Minimum cost (and risk) and maximum result is the unspoken slogan of these experienced predators who strive to survive in the wild (those who do not follow this rule are quickly eliminated). People would call it choosing the optimal investment from the available options.

²¹⁸ Bram A. *Animal Life Volume I Mammals*. Chapter seven “The system of the animal world”. <https://avidreaders.ru/read-book/zhizn-zhivotnyh-tom-i-mlekopi-tayuschie.html?p=12>.

²¹⁹ Ibid. Chapter seven “The system of the animal world”.

In addition to the above methods of hunting, there are many other techniques (the right choice of hunting location, time of day, taking into account the direction of the wind, the use of poison glands, the ability to switch to other food sources, preparing food for the future, etc.). Carrington had a major impact on the evolution of the human ancestors: “The existence in the swaying crowns of trees made such high demands on the coordination of muscle work and on the control of movements that the distant ancestors of apes and humans began to develop a complex brain, which is still a distinctive feature of only the primate order»²²⁰. Also, the very high ability of man to switch to other sources of food played, according to R. Carrington, an important role in general: “It was the outstanding ability of the human race to adapt to a wide variety of food that played an important role in the fact that man spread throughout the Earth»²²¹.

The energy received from food is different for different animals. In many herbivores, it takes a long time to absorb food, which takes up a large volume, and when selectively eating various plants, this is also associated with moving over a large area. Such herbivores are forced to spend several hours a day eating every day. Predators are saturated much faster in time, but the process of tracking and chasing prey takes a considerable time-sometimes up to several days.

To complete the picture, it can be noted that in addition to the food itself, the animal body also needs minerals – it is widely known that wild animals visit natural and artificial salt flats. For example, the elk (male) needs salt not only to maintain the normal chemical composition of the blood, but also for the normal growth of the horns. During the initial period of horn growth, about three-quarters of the mineral salts consumed are used for their development, and only the remaining quarter is used for other needs of the animal's body. In the absence of nearby salt lick, moose migration to more distant similar places is observed. This circumstance increases the amount of time and energy required for the normal reproduction of the animal organism. (It can be noted that in agriculture, salt-lizunets are widely used as a necessary part of the cattle diet).

Various kinds of birds need small stones, which play an important role in the processing of food. Therefore, the birds regularly visit the banks of rivers, roadsides and highways to peck at small stones. This also increases the cost of reproduction of the bird organism.

²²⁰ Carrington R. *Mammalianae* / translated from the English by A.D. Bazykin; preface by prof. V.G. Heptner. – M.: Mir Publishing House, 1974. – 38 p.

²²¹ Ibid. P. 84.

But when animals can reduce various kinds of such costs, they undoubtedly resort to them – so many hunters note that for wolves, the proximity of water is the main condition when choosing a den for breeding offspring. Therefore, hunting for wolves often begins with a preliminary search for possible watering places.

So after a detailed review of obtaining food in the animal kingdom, we can say that the principle of minimizing costs and maximizing the result (minimum expenditure of energy for costs and maximum energy from the obtained food) operates in this world comprehensively and immutably.

1). If Energy (obtained from food) > Energy (spent on obtaining food), then (all other things being equal) an animal organism can safely exist and continue its race.

2). If Energy (obtained from food) = Energy (spent on obtaining food), then (other things being equal) the animal is forced to devote all its time (except for sleep) to hunting and obtaining food. This puts the animal on the edge of a critical situation, not to mention the fact that there is clearly no additional energy for breeding.

3). If Energy (obtained from food) < Energy (spent on obtaining food), then (all other things being equal) the beast, bird, insect begin to weaken, and if this situation continues, they are doomed to die after a while.

And since the instinct of self-preservation is the most important and deepest in nature, the entire animal world strives for the first above position. Therefore, under unfavorable conditions – for example, in winter, when food is scarce and it takes noticeably more energy to prey than in summer, a vital element of survival for many animals is to reduce costs through hibernation, when the need for food is reduced to a minimum.

In the human world, the first position would be called a profitable investment, the second – a break-even investment, and the third – a loss-making one. The animal world is overflowing with investments, because in the broadest sense, an investment is all sorts of costs (energy, time, nerves, etc.) to obtain a certain useful result. On planet Earth, animals eat plants and other animals. Life on our planet is an endless cycle of investments, when some eat and others are food.

A wild cat hunts for a reason, but for the purpose of obtaining prey; sleeps for a reason, but to restore the normal functioning of his body; licks itself for a reason, but to maintain the good condition of its coat and the absence of its smell when hunting, etc. The life of a person, as a creature from the animal world, is also overflowing with investments – buying groceries in a store is aimed at acquiring food, sleep is aimed at restoring the

vitality of the body, making money is aimed at obtaining means of subsistence. Even a simple visit to the museum pursues the goal of satisfying human curiosity, and an empty pastime is to enjoy quiet rest and idleness.

Comparison of costs and benefits is one of the main points when choosing from several possible investments (it should be noted that other equally important points are the degree of risk, experience in this area, etc.). This is true for both animals and humans. Hyenas will primarily hunt lame and crippled zebra, not healthy zebra. the result of hunting in both cases will be the same, and the costs in the first case are much lower. Primitive hunters will no doubt also choose the first option with a crippled zebra.

When buying groceries, a modern person will also go to the nearest store, and not to one located on the other side of the city (of course, subject to the same assortment, product quality, prices and level of service). The result will be the same and the costs will be lower.

The activities of a commercial firm are based on the interests of the person – the owner of this firm, and therefore it also seeks to minimize costs and maximize profits. The results of the activities of a commercial firm for the month are calculated in the form of balances on 90 and 91 accounts. This balance shows the profit (or loss) for the past month. (This is true for firms operating under a common tax system). If a small business (various individual entrepreneurs, LLCs, CJSCs, etc.) conducts a commercial activity, then it keeps a book of income and expenses, where income and expenses (including depreciation) for the quarter are taken into account without any double accounting. Comparing income and expenses at the end of the quarter shows small businesses how they performed – at a profit or at a loss.

So we can draw the following conclusion – a kind of “profit” appeared in the animal world from the very beginning, and in the human world it was slightly transformed (in form, but not in essence) into the profit of commercial firms and organizations known to us. Therefore, profit is not an “invention” of exclusively human society, incl. modern capitalism.

2. Obtaining “profit” as a result of the interaction of various “biological” and “non-biological mechanisms”

A living organism can be figuratively compared to a “biological mechanism”. (In general, this approach is not new – this was done by Leonardo da Vinci, and later by the French materialists of the 18th century La Mettrie (Julien Offray de La Mettrie). A number of other things, in turn,

can be called “non-biological mechanisms” (soil, climate, beaver dams, numerous machines and equipment in humans). Why is this done? This study is done by the author primarily in order to analyze the origins of the human economy, and therefore these names make it possible to do this most easily and clearly (as the author will show in the future).

Previously, the different behaviors of animals have been considered, which in various ways have sought to minimize costs and maximize the result of foraging. Now let’s see how the environment affects this (amount of moisture, soil condition, sunlight, air temperature, etc.), i.e. a kind of “non-biological mechanism”. If this “non-biological mechanism” has moved in a favorable direction for the animal world, i.e. there was more grass, more watering places, the drought time was noticeably reduced, the favorable temperature began to hold almost always, there was more of any food, etc., as a result of which the number of various animals, birds and insects increased, it is obvious that the time spent on various kinds hunt will be reduced, but the result will remain the same.

For example, some bird used to spend 4 hours a day looking for large fat caterpillars. Let us also assume that one such caterpillar was enough for it to ensure the normal functioning of its body during the day. Now, having fallen into such favorable conditions described above, when there are much more such crawling animals, it spends only 2 hours hunting for such a caterpillar. Obviously, she reduced the amount of energy (2 hours, not 4 hours) while obtaining food, and the result (the amount of energy contained in the caterpillar) remained the same. As a result of this, a kind of “profit”, i.e. the difference between costs and results has grown.

Now let’s mentally remove these favorable conditions and replace them with the previous, more meager ones. It is clear that now you will have to spend 4 hours on the extraction of the caterpillar – the costs will increase, but the result will remain the same. The difference between them (a kind of “profit”) will decrease. *It follows that the environment (this “non-biological mechanism”) creates additional “profit” for the bird.* If you look at human society, then the same “non-biological mechanism” creates differential rent No. 1. A farmer on poor dry soil gets a small crop that allows him to recoup the costs and get a small profit, while another person, working on fertile land and bearing the same costs as the first, grows a bountiful harvest, and receives noticeably greater profits.

Let’s look at our time – the population of the modern United Arab Emirates (UAE) practically does not work. Why? Because nature has created extremely favorable conditions for these people – nature has created

huge reserves of high-quality oil under their ground, which are located near the surface, these reserves are located next to the non-freezing Persian Gulf, which is also free of charge connected with the Indian Ocean by its benevolent nature. The queue is free of charge connected to all other oceans (we also take into account that transportation by sea is (as Adam Smith noted) the cheapest of all modes of transport – only pipeline can be compared with it, the efficiency of which, however, depends on the volume of pumped liquid). As a result, the costs of extracting and transporting oil are very small, which means that the profit from the above rent is very high.

Thus, changing the environment (the functioning of a “non-biological organism”) from an economic point of view works in the same way in animals and in humans.

(Note: David Ricardo would call this situation as a demonstration of the state of “rarity.” The less common a thing, the more expensive it is, and vice versa. is forced to “exchange” it for 4 hours of searching, but when there is a lot of such food and it is not rare, the bird “changes” the caterpillar for 2 hours of hunting.

Using Marxist terminology, it could be said that the required working time decreased by 2 hours, and the efficiency of the bird’s labor increased. It may also be noted that although Marx stated that he would show that land rent was part of surplus value, he was never able to prove it.)

We all know about the existence of seasonality in nature. Nature sometimes “smiles” at the animals, sometimes it becomes very, very harsh. That is why most animals breed during favorable periods (summer in temperate latitudes), when the costs for themselves and their offspring are relatively low, and resort to different methods to reduce costs in the winter. The principle for survival is the same everywhere – the expenditure of energy that is consumed by the body should be less than the energy received from the prey. Here is what A. Bram writes about the change of seasons: “The essence of hibernation lies in the fact that the vital metabolism in the body during this time is reduced to a minimum, so that the waste of substances that make up the tissues of the sleeping animal decreases, and as a result, the need for their restoration, that is, in nutrition. Animals of the temperate zone go into hibernation in winter: in warm countries there is no winter, and only two seasons differ sharply from each other: rainy and dry. The lack of moisture in the dry season affects the life of organisms in the same way as we have a decrease in temperature, and is associated with a decrease or complete absence of food for animals; therefore, the hibernation of animals in hot countries coincides with the dry season. Many birds have developed a

completely different kind of adaptation to avoid unfavorable winter conditions. Having at their disposal a powerful organ of movement – wings, they leave their homeland for the entire winter period and fly to another country where there is no winter. Such a correct flight of birds from one country to another, sometimes at a distance of more than 1000 versts (1 versta = 1,0668 km.) , is made by very many birds of our countries”²²².

But those who do not have wings, and who do not hibernate, also avoid unfavorable conditions in every possible way – this is clearly seen in the example of massive seasonal migrations of numerous animals. Watch films about the Serengeti Reserve in Tanzania (Africa) or read about it on Wikipedia: “One of the features of the park is animal migration. Every year, during the dry period of October and November, more than a million wildebeest and about 220 thousand zebras move from the northern hills to the southern plains, where there is a short tropical rainfall at this time. Then, with the onset of the rainy season in April-June, the animals migrate west and north. The ancient instinct of animals drives them so strongly that neither drought nor predators, including crocodiles that fill the rivers, can stop them. At the same time, herds migrate not only within the Serengeti, but also across the territory of other parks and reserves. During this annual long journey, the animals travel 3000 km. Scientists estimate that all this giant biomass requires 4,000 tons of grass every day. Many animals die on the way, but about a quarter of a million cubs are born”²²³.

Many predatory animals, when the environment deteriorates, when prey becomes scarce, are forced to change their menu. R. Carrington notes: “Predators in difficult times begin to feed on carrion, as many of their usual prey go into hibernation and become inaccessible”²²⁴.

In the journal *Science and Life*, V. Vishnevsky describes the feeding habits of the spotted woodpecker, depending on the season: “Unlike its brethren, who hammer tree trunks all year round, the great spotted woodpecker uses this method of foraging mainly in the warm season, when the abundance of insects fully justifies the woodwork. In autumn and

²²² Bram A. *Animal Life Vol. I Mammals*. Chapter four “Adaptability of animals.” <https://avidreaders.ru/read-book/zhizn-zhivotnyh-tom-i-mlekopitayushchie.html?p=12>

²²³ Wikipedia (free encyclopedia) [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%BD%D0%B3%D0%B5%D1%82%D0%B8\(%D0%BD%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B9%D0%BF%D0%B0%D1%80%D0%BA\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%BD%D0%B3%D0%B5%D1%82%D0%B8(%D0%BD%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B9%D0%BF%D0%B0%D1%80%D0%BA))

²²⁴ Carrington R. *Mammals* / per. from English A.D. Bazykina; foreword prof. V.G. Heptner. – M.: Publishing house “Mir”, 1974. – P. 95.

winter, he almost completely switches to feeding on seeds of coniferous trees. Most likely, it is this factor that determines the successful existence and prosperity of the species”²²⁵.

Consider a more complex situation when an animal does not just adapt to the environment, but rises higher in its development and transforms this environment. Beaver dams are probably the best example. Many experts note the scale and solidity of these structures, as well as the engineering abilities of the beaver tribe: “Like ants and bees among insects, among mammals, the beaver stands out sharply in its building abilities. He is a true engineer, skillfully adapting to all environmental conditions. The structures of the beaver bear the character of not only a high development of instinct, but also traces of an undoubted, consciously acting mind. Indeed, take a look at his artistically deduced buildings, often fathoms high and up to 2 fathoms in diameter, take a closer look at the giant beaver dams (up to 150 fathoms), pay attention to the networks of canals skillfully drawn by him, covering vast expanses of the earth, compare all this with the size of the animal itself – and you will really be amazed at the mind of a four-legged engineer”²²⁶.

A similar transformation of nature was clearly continued in human activities. The farmer also improves his living conditions – he drains the land, limes it, fertilizes it, conducts ditches and canals, builds bridges, barns, water mills, etc. As a result, differential rent № 2 arises in the human economy.

However, let us consider in somewhat more detail the economic feasibility of the construction of their dams by beavers. Note that beavers feed exclusively on plants. They feed on shoots and bark of aspen, poplar, birch, as well as many herbaceous plants – water lily, cattail, reed, etc., (up to 300 items). Experts point out that the abundance of softwood trees is a necessary condition for beavers to live.

Let us leave aside the fact that when the dam is built, the water surface increases, which leads to an increase in various aquatic vegetation (an increase in many types of beaver food), and also increases the safety of the beaver house. For simplicity of analysis, let us consider beaver feeding only on shoots and bark of soft trees. With this method of obtaining food, the beaver uses the same principle mentioned above, which is the same for all living organisms – minimum costs and maximum results (i.e. minimum energy consumption when obtaining food and maximum energy obtained

²²⁵ Vishnevsky V. Feathered woodcutters // *Science and Life*. – 2021. – № 1.

²²⁶ Bram A. *Animal Life Volume I Mammals*. Chapter seven “The system of the animal world.” <https://avidreaders.ru/read-book/zhizn-zhivotnyh-tom-i-mlekopitayuschie.html?p=12>.

from food). Therefore, he strives to keep his costs of delivering tree trunks to his house to a minimum. The least costly method is transportation by water (let me remind you that this method is such for both humans and animals, not to mention a tail current or wind), while dragging over land significantly increases energy costs. A. Bram so colorfully describes this activity: “To knock down a tre... Beavers grind its trunk at the base, and moreover, more on the side that is farther from the water; as a result, the tree falls to the water. As soon as it falls, the beavers bite off branches that are 2 to 6 inches in diameter, peel them of small twigs and finally gnaw into pieces large enough to be easy to carry... The clever animal displays great ingenuity in carrying said stumps. First of all, it tries to use natural routes of communication – streams, ponds, lakes, etc., along which it fuses the extracted material; when there are no such water communications nearby, the beaver tries, without unnecessarily spending energy, to use the natural slopes and only as a last resort he himself drags the stumps. At the same time, he pushes and rolls them with his hips, and with his legs and tail acts like levers. Having dragged such a stump to the water, the beaver clamps one end of it under the throat and swims with it to the hole of the hole, or, taking the thick end in its mouth, sticks it firmly into the bottom. Thus, reserves are sometimes stored right in the water, since beavers are well aware that water will keep branches and young shoots for the whole winter without any trouble on their part. This work is carried out by the whole family of the beaver, and it is remarkably unanimous”²²⁷.

Assuming for simplicity that the beaver feeds only on the shoots and bark of soft trees, we see that the construction of a dam (as well as the construction of canals associated with it) increases the water space and increases the number of trees (or various parts of the tree – branches, etc.) that can be transported with minimal cost by water. So, on the one hand, the construction of a dam increases the energy expended by the animal, and on the other hand, it decreases the energy required for transportation. What is the final relationship between these quantities? As a result, more energy is saved or wasted?

Let’s take a numerical example for clarity. Suppose a beaver spends 5 hours a day to obtain and transport one tree, the bark and shoots of which allow the beaver to fully reimburse the energy expended in a day. Let’s also assume that the beaver needs an additional 500 hours of work to build the dam (and associated canals). This means that if, in addition to the above 5 hours of work, he spends another 5 hours daily on the construction of the

²²⁷ Ibid. Chapter seven “The system of the animal world.”

dam, then (all other things being equal) he will need the energy obtained from the bark and shoots of two trees. Let's also assume that he has a supply of bark and shoots from 100 trees, which will allow him to compensate for the energy spent on the construction of the dam ($500h / 5h = 100$).

Having built a dam and built a series of canals that allow it to reduce the cost of transporting food to a minimum, the beaver discovers that if earlier it spent 5 hours of its time "harvesting" one tree, now it "harvests", for example, 5 trees. If his vital activity returns to its former course, and he still spends 5 hours a day on food preparation, and he only needs one tree to replenish his energy, then 4 trees will be his additional "profit". This means (all other things being equal) he will be able to restore his wasted stock of 100 trees after working for 25 days ($100/4 = 25$). Consequently, the additional energy for the construction of the dam by the end of the 25th day will be equal to the energy savings due to the reduction of labor costs during transportation. Or as they would say in the human economy, the payback period of the investment was 25 days. On the 26th day and beyond, the beaver will no longer work for the dam, but, on the contrary, it will work for him. The energy saved by the dam will be greater than the energy expended on the dam. On the 26th day, additional 4 trees will already give a net "profit".

A. Bram perfectly describes the construction activity of beavers: "Often, in order to save themselves the trouble of dragging their prey on dry land, beavers arrange a whole network of canals for rafting. This work requires already such ingenuity, which is difficult to expect from a dumb creature.

These canals are usually dug on the low-lying coast and serve as convenient waterways of communication with the nearest forest area. They are 3 to 5 feet wide, 3 feet deep, and hundreds of feet long. They are dug in the form of trenches with steep sides and steep edges. Throughout their lengths, beavers carefully select tree roots, brushwood, etc., so that the passage through the canals is completely free. All the power of the mind of a four-legged engineer is manifested in these structures. When, for example, a canal must pass along a sloping surface, so that it is impossible to keep water in it, beavers block it in several places; in this way, something like a gateway is obtained.

Morgan gives an extremely interesting description of one such channel. "It stretches," the researcher reports, "along the low bank for 450 feet and is supplied with water from the pond all the way, being at the same level with it. Here he meets the first rise in the soil; at the start of the lift, a dam was built across the canal, then the canal is extended another 25 feet. The water level in this second bend of the canal is 1 foot higher than in the first.

The second elbow, with a higher level, is supplied with water collected by the second dam from even higher places; this dam stretches 75 feet on one side of the canal and 25 feet on the other and draws all the soil water into the second elbow of the canal. Behind the second dam, the soil rises steeply again by 1 foot, and the canal extends 47 feet further, where it abuts the third dam, arranged in the form of a crescent, in order to collect more water.”

Beavers expand and lengthen their canals as needed. And since hundreds of generations have taken part in this work over the course of centuries, in the end, huge structures are obtained, covering a huge area with a network of canals”²²⁸.

The above example with a beaver is exactly the same for a farmer who built a bridge, which cost him, for example, 100 monetary units, and which allowed him to reduce the cost of transporting his goods to the market from 5 monetary units to one monetary unit. The farmer will receive an additional 4 monetary units for each trip, which will go to reimburse the costs of building the bridge (of course, provided that prices remain unchanged). After 25 trips, the farmer will recoup the cost of the bridge ($100/4 = 25$). For the rest of its operation, the bridge will bring additional profit, which economists call differential rent № 2. This type of rent is also provided by the laying of canals, drainage and reclamation systems, irrigation systems, the construction of various kinds of outbuildings, water mills, etc., that is, all investments that ultimately yield a profit.

Thus, both in the animal kingdom and in the human world, various kinds of “non-biological mechanisms” (such as in our example – a dam) create profit. (Note: Using Marxist terminology, one could say that the exchange value of the bridge was 100 monetary units (which can be conditionally equated to 100 hours of working time), and its use value as a result of rational calculation of the farmer turned out to be much higher, since the bridge operated for a number of years. The difference between the use value of the bridge and its exchange value gave additional profit in the form of differential rent № 2).

The next type of rent, monopoly rent, is clearly observed in animals. It is generally accepted that representatives of the same species (lions, bears, etc.) engage in fierce battles while defending the borders of their possessions, which serve as their food base. Monopoly possession of a territory where there is a greater amount of food in comparison with neighboring areas allows the animal to reduce energy expenditures during hunting, which significantly increases the chances of survival of both the

²²⁸ Ibid. Chapter seven “The system of the animal world.”

animal itself and its offspring. From the animal world, monopoly rent has successfully passed into the human world, for example, in the form of monopoly ownership of a plot of land, the soil of which allows the grapes to give a specific and unique taste to the wine produced.

As for the absolute rent, the author considers this concept to be far-fetched to a certain extent, since in practice, he often saw that many owners of houses with plots in the Tver region, who later moved to live in Moscow, were ready to let other people live in these houses free of charge (without any rent), so long as the site was intact and the houses were not burned, or completely robbed.

The general conclusion is that various types of rent (differential rent № 1, 2 and monopoly rent) exist in the animal kingdom, and they have successfully passed into the human economy. “Profit” in various animals, arising from the favorable functioning of “non-biological mechanisms” – climate, temperature, amount of water, dams in beavers, etc., was transformed (in form, but not in essence) into profit for humans from various types of rent, and this profit is also generated by the favorable functioning of “non-biological mechanisms” – climate improvement, approaching the optimal temperature regime, the creation of dams, bridges, various systems and communications.

But if a number of “non-biological mechanisms” that do not depend on the will of man begin to act in the opposite direction (tsunamis, large volcanic eruptions, earthquakes, river shallowing, floods, etc.), then there is not a profit, but a noticeable loss. Therefore, man has long sought to be closer to those miraculous “non-biological mechanisms”, from which there is more benefit than harm. (Note: The Sun is obviously one of the most important “non-biological mechanisms”. Extinguish it mentally, and the process of photosynthesis will stop immediately, plants will die, and then a huge mass of animals, birds and fish. The circulation of water in the atmosphere will stop, rivers will dry up, and the oxygen content in the atmosphere will begin to fall. A person, despite his ingenuity, will also find himself on the verge of death – the cost of obtaining food will grow incredibly, and the result will sharply decrease. Only the simplest anaerobic bacteria and other most primitive forms of life will have a chance to survive. A noticeable change in the distance from the Sun to the Earth will also lead to the fact that the latter will be outside the “zone of life” – too close the Sun will make life impossible due to the very high temperature (as on Mercury), and too far – on the contrary, due to the extremely low temperature. No wonder in many ancient religions there was a cult of the Sun).

Now consider the following example of making a profit as a result of the interaction of “biological” and “non-biological mechanisms”. For simplicity, we will assume that various external conditions (climate, temperature, amount of water, etc.) are constant and unchanged. Next, imagine that the bird preys on fat, fat larvae. If this is projected onto human society, then figuratively we can say that the bird acts as an individual entrepreneur (a small business entity), which in one person is both an entrepreneur and an employee. If we continue this figurative comparison, then the muscles and the stomach system of the bird will be an “employee”, and the brain of the bird will be the “entrepreneur”. In fact, it doesn’t matter for the bird’s body as well as for the employee how successful the hunt was (or how profitable the entrepreneur’s business turned out to be). Both the bird’s body and the employee require reimbursement of the costs of their functioning. As a result, the bird’s brain (as well as the entrepreneur) receives a “profit” that is equal to income minus the cost of normal reproduction of the body (economists call this “residual income”).

Let us further suppose that this bird is engaged in prey of larvae 4 hours a day and preys two larvae, and one larva per day is enough for it to replenish the expended energy. This means that the cost per day for the “employee” will amount to 1 larva, and the “profit” will also amount to 1 larva, which will be expressed in the fact that this larva will either be stored in reserve, or will be eaten, which will allow the bird not to hunt the next day (speaking in Marxist language, the required working time will be 2 hours, and the surplus labor time is also 2 hours).

But there is such a bird – a woodpecker finch, which rose above such a primitive way of foraging and began to use the tool of labor (thorn) created by it, which stood between it and the larva. Much later, chimpanzees will resort to a similar method, removing termites from termite mounds using a stick that has been peeled from leaves. Much later, man will begin to produce tools of labor in ever increasing quantities – from bone and stone tools to computers, nuclear reactors and space automatic stations flying out of the solar system.

Let’s return to the woodpecker finch. This bird lives in the Galapagos Islands, and is almost the only bird that obtains food with the help of tools created by itself. Moreover, the finch is even capable of further processing its tools – shortening too long sticks and breaking off the branches on the sticks. Here is what Akimushkin I. writes: “... .. after tapping the trunk of a tree with its beak and listening carefully, the finch finds out if there are beetle larvae worth his attention under the bark and in the wood.

How then, if the larvae betray themselves with a cowardly fuss, he tears off the bark, often acting as a lever with a stick, finds the path of the woodworm, and then ... then something incredible happens! The finch breaks a thorn of a cactus with its beak and, taking it into its beak, sticks it into the hole left in the tree by the beetle larva. He energetically turns a thorn there, trying to chop the “worm” or drive it out of the labyrinth of wood passages. Often, his ingenuity is rewarded immediately, but sometimes it takes a lot of tinkering before the fat, stupid larva leaves its tree chambers, seeking salvation from the outrageous thorn in a reckless flight. Then the finch, sticking a thorn into a tree or holding it with its paw, grabs the larva. If there are no thorns, the woodpecker finch picks off a small twig with its beak, breaks off twigs on it. It also breaks it off so that it is convenient to work with it”²²⁹.

Let’s return to the same conditions for the activity of the bird that were given earlier, namely, the bird is engaged in the extraction of larvae for 4 hours a day and takes two larvae, and one larva per day is enough for it to replenish the expended energy. But now our woodpecker finch began to use a thorn, which significantly increased the efficiency of its labor and allowed it to harvest 4 larvae in 4 hours (for simplicity, we will include in one hour, necessary for the extraction of one larva, 10 minutes of the time needed to make a suitable thorn or stick). Obviously, the “profit” of the finch will increase significantly, from one larva to three larvae. Remove the thorn in your mind, and the “profit” will immediately fall to one larva, give the finch a thorn again, and the profit will grow again. It is clear that such a “non-biological mechanism” as a cactus thorn creates a “profit” for the finch.

Just as the “biological mechanism” (bird) requires costs for normal reproduction (50 minutes of work for the direct capture of the larva), so the “non-biological mechanism” (rods) requires costs for its production (10 minutes of work). Just as the “biological mechanism” (the bird) works for several hours and gets more food than is needed to cover the costs (which leads to the emergence of “profit”), so the “non-biological mechanism” (the stick) works intermittently for several hours (which also causes the emergence of additional “profit”). (Note: Expressed in Marxist language, we can say that the “exchange” value of both “mechanisms” is less than their use value).

In human society, the entrepreneur does the same. He constantly compares which “biological” or “non-biological mechanism” will give him the minimum costs and the maximum result (ie, give the maximum profit)

²²⁹ Akimushkin I.I. The world of animals. Volume 3 [Stories about Birds] <https://bio.wikireading.ru/19947>

when performing the same work. For example, if a computer performs calculations per hour as much as 10,000 people orally, and its cost is noticeably lower than the salary of these 10,000 people, then the entrepreneur will choose a computer. There is nothing mysterious and sacred in living human labor (of course, a standard well-functioning production process is considered here, where a person acts as a “biorobot” and the process of creativity is excluded) compared to the labor of machines – both of them can create profit for an entrepreneur. Examples can be cited endlessly – replacing the cultivation of the land with a simple stick for cultivating the land with a plow, replacing manual sewing with a sewing machine, replacing washing clothes by hand with washing machines, replacing lifting loads and people manually upstairs with elevators and mechanisms, replacing manual loading of rifles with various automatic machines and machine guns, replacement of living labor when moving goods with steam locomotives and electric motors, etc. Henry Ford cites in his book *Today and Tomorrow* many examples of machines working more efficiently than people – not to mention harmful and dangerous jobs. Henry Ford also makes the following reasoning from the point of view of an entrepreneur when choosing between a tractor (“non-biological mechanism”) and a horse (“biological mechanism”): just a few hours. The horse needs to be fed all year round. To feed the four pairs of horses serving the farm, it will take at least what can be harvested from forty acres of land. The tractor should be powered only during operation”²³⁰. From an economic point of view (comparison of costs and benefits), it is almost always more profitable to send various automatic stations with instruments to study the planets of the solar system than living people.

(Note: It can be argued that employees only need to be paid their wages and they will do the work themselves, and “non-biological mechanisms” require constant monitoring and control. To this it can be answered that many “non-biological mechanisms” have reached a level that requires minimal control – for example, an air conditioner operating in automatic mode. As for hired workers, practice clearly shows that for successful work it is not enough just to pay a salary. The entrepreneur (or his HR manager) is forced to incur additional costs – to check whether people came to work on time (especially if they work at home with a client, such as furniture assemblers), whether they drink at work, do not whether marriage, whether they steal, is not a newly hired employee (especially in IT and accounting) a person sent by competitors, etc.).

²³⁰ Ford G. *Today and Tomorrow* / Nauch. ed. and a foreword by prof. E.A. Kocherina; Foreword by P. Frohlich. M.: “Journal” Controlling “, 1991. – P. 29.

It is also necessary to briefly dwell on how some “biological mechanisms” use other “biological mechanisms” in order to obtain additional benefits. Researchers have long established that the caterpillars of the silver butterfly live quietly in colonies of sharp-bellied ants, where ants feed them (sometimes even with ant larvae) and care for them. In response, these caterpillars secrete a certain sap that the ants eat. In general, it is clear that the ant tribe finds that the benefit of keeping this «cow» in this way is greater than the cost of keeping it.

In the human world, the picture is the same – keeping a cow or a horse suggests that this “biological mechanism” gives the owner more income than the cost of it (that is, creates a profit). Here it is very appropriate to answer the question that was posed to David Ricardo, but to which he could not clearly answer. The question was: if Mr. Ricardo believes that the cost is based only on human labor, then how will he explain that grape juice, fermented for a number of years to make wine from it, very noticeably increases its value in the form of a final quality wine, despite the fact that there are no labor costs of living people at this time (there are only minor costs for depreciation of the storage and barrels)? Ricardo never gave a clear enough answer.

The author offers his own version of the answer – the cost of fermenting wine is increased by “biological mechanisms” in the form of beneficial wine bacteria, the vital activity of which causes the necessary biochemical reactions leading to an improvement in the quality of wine. Bacteria, as a result of their vital activity, create the result necessary for the entrepreneur, and the latter creates conditions for their normal functioning (optimal temperature regime, the required type of wood for barrels, the absence of other harmful wild bacteria, etc.) and incurs costs for this, i.e. “Pays” bacteria a kind of “salary”. Upon a favorable completion of the entire process, the entrepreneur subtracts the cost of the wine received from the cost and fixes the profit.

Is there a difference in this case between the living labor of hired workers and the vital activity of beneficial wine bacteria? In form – yes, in essence – no, tk. both create a useful result, but at the same time require costs. Almost the same picture with bees and a beekeeper in an apiary, or with a farmer and his horses and cows (many more examples can be cited).

Conclusion: for an entrepreneur, it does not matter what “biological” or “non-biological mechanisms” (or their various combinations) create profit for him as a result of his life, he chooses the most effective of them for performing this work, guided by minimizing costs and maximizing the result,

i.e. e. maximizing profit. (So, for example, it is clearly more profitable to use bees for collecting honey than hired workers, although a person is also theoretically able to collect a certain amount of honey from flowers).

So, in the animal kingdom, you can clearly observe various types of “rent”, as well as the influence of the simplest tools of labor on the “profit” of various animals and birds. Various kinds of “biological” and “non-biological mechanisms” (or their combinations) create “rent” and “profit” in the animal kingdom. A person, as a native of this world, is forced to apply the above-described rules of his physical survival and existence, which leads to the transformation of “rent” and “profit” from animals to rent and profit in the human economy.

3. An important feature of making a profit in a planned economy

The planned economy is one of the four types of economic systems known to mankind (this also includes a subsistence economy, a market economy, and a mixed economy). In the human economy, there are various types of rent (differential rent No. 1 and 2, monopoly rent), which, according to the author, are created by various “non-biological mechanisms” – climate, temperature, soil, amount of moisture, etc. Indeed, here on Earth, nature in many places “works” for man and creates various kinds of rent for man (that is, in fact, additional profit). But nature as such is indifferent to the problems of people. On the Moon and Mars, nature is clearly “working” against humans – there is no free suitable atmosphere, liquid water, suitable temperature, etc. A person cannot exist there with modern technologies without external “feeding”. Nature there does not add free additional profit (in the form of rent) to the value of the product produced, but, on the contrary, subtracts a huge value from the value of the product produced (that is, creates a kind of “anti-rent”).

Other “non-biological mechanisms” (machines, equipment, etc.), as well as many “biological mechanisms” (beneficial wine bacteria, bees, horses, cows, etc.) create profit for their owners. (If we speak in Marxist language, then the exchange value, for example, of a certain machine tool is 15 hours of working time, and its use value is 20 hours, i.e. the machine itself works 20 hours a day, and thereby creates profit. Here there is a complete analogy (both in essence and in form) with an employee whose labor costs 6 hours of working time, and he works 8 hours a day, thereby creating profit. This picture from the inside was observed by the author

himself, when he worked in workshop No. 69 at «Uralmash» in 1988-1989, where large carousel machines worked around the clock in 3 shifts, and people worked in shifts for 8 hours).

So, in human society, landowners and tenant farmers receive various types of rent, entrepreneurs profit from the rational organization of the work of various “biological” and “non-biological mechanisms” (machines, equipment, employees, wine bacteria, bees, draft animals, etc. .), the owners of labor (employees) receive wages, and the owners of capital (both in monetary and material form) receive interest. (Note: The owners of material capital – machines, machines, etc., when they are rented out, receive a certain percentage plus the cost of depreciation). In essence, the author showed how another way can be approached to the well-known position of economic theory that each factor of production gives income (land – rent, entrepreneurial ability – profit, labor – wages, capital – interest).

What is the important feature of making a profit in a planned economy? The answer is quite obvious – all types of profit (entrepreneurial profit, various kinds of rent, interest) belong in a planned economy to one owner – the state. This is due to the fact that the state was the monopoly owner of land, capital (factories and plants) and entrepreneurial ability (in the person of the State Planning Commission and the State Committee for Supply). If ordinary citizens tried to widely demonstrate their entrepreneurial abilities, then they were threatened with criminal liability for private entrepreneurial activity. (Note: Of course, life is incredibly richer than any dry theoretical scheme – so in socialist Poland, a significant part of the land and agricultural implements was in private hands, and in Transcaucasia, many small state enterprises were state-owned only in form, but in essence belonged to the director and his environment).

In order to understand what the concentration of all types of profit in the hands of one owner – the state – led to, let us turn a little to history and see how the planned economy is related to the previous development of the economy. In adulthood, K. Marx repeatedly pointed out that capitalism differs from previous economic epochs in two important features: 1) labor power becomes a commodity; 2) production is carried out as expanded reproduction.

At the beginning of this monograph, the author gave quite a lot of evidence that in a planned economy, labor is a commodity, and the analysis of the monetary worlds proceeded precisely from the position that in this system the labor force from the side of the ordinary citizen and the means of subsistence from the side of the state enter in exchange and become goods.

At the same time, the planned economy is a vivid example of expanded reproduction, when the pace of economic development is at the forefront. Take any five-year plans, decisions of the Party and government on economic issues – everywhere in the foreground – to increase the production of electricity, machine tools, tractors, steel, fertilizers, etc. Economic growth, its rate, are decisive indicators. One of the main economists of that time (1980s), Professor L.I. Abalkin wrote the following: “It does not matter to us whether we need some expenses or not, it does not matter how many machines, metal, oil, or something else are required. The main thing is tempo, tempo, tempo”²³¹.

This means that if expanded reproduction is characteristic of a planned economy, and the multimillion masses of ordinary citizens are hired workers for the state, which is the monopoly owner of the means of production, then it is quite logical to conclude that *the planned economy is a new type of capitalism*.

Indeed, the history of mankind knows many types of capital manifestations – from merchant and usurious capital in antiquity to industrial, banking and state capital in recent centuries. No wonder the mature Marx once remarked that those who think that capitalism has shown all its forms are mistaken, and that it may well be that the subsequent development of mankind will give the world new forms of capitalism. Therefore, it is quite logical to assume that Soviet Russia gave the world a new kind of capitalism, where ordinary citizens are hired workers of the state as the monopoly owner of the means of production.

In this case, the above peculiarity of obtaining various types of profit in a planned economy, namely, all types of profit are received by the state as a monopoly owner of the means of production, obviously occurs in the absence of competition within the country from any other owners of the means of production. But long historical experience has shown that capitalist production can develop effectively only if there is significant competition within the country. Reduced competition leads to slower economic development.

Thus, at the beginning of the 20th century, the emergence of a large number of private capitalist monopolies in the country's economy (a classic example is Germany at that time) led many economists to the conclusion that capitalist monopoly tends to decay economically. Indeed, if a given monopoly can achieve its main goal (namely, making a profit) due to its monopoly position in the market, and not by reducing costs, improving the

²³¹ Abalkin L.I. Renewal strategy // Ogonyok. – 1989. – № 13.

organization of production, introducing new technology, etc., then the monopoly chooses the first way as the easiest and most accessible. Therefore, many inventions and innovations are unclaimed. But since it is impossible to completely abolish competition with private ownership of the means of production, this phenomenon appears as a *tendency* towards economic decay.

In the case of a planned economy, we are faced with the same capitalist, but under a different flag, namely, he acts as a state that has a complete monopoly on the means of production. This leads to a complete lack of competition within the country. Vasily Selyunin, a well-known writer-publicist, who worked as a correspondent for the newspaper «Socialist Industry» for many years and had a good understanding of the internal mechanism of the Soviet economy, describes the overall picture as follows: “The place of the expropriated individuals is taken, so to speak, by the collective Ryabushinsky – with the difference, however, that the former owner operated in a risky manner and bore economic responsibility for his activities, while his multiplied successor, in principle, is not capable of doing business sensibly. After all, he has no competitors ready to take advantage of his blunders”²³². One of the consequences of the lack of competition is economic inefficiency.

A prime example of this inefficiency is the death of capital in the form of redundant new equipment in warehouses. V. Selyunin writes: “The ruble invested in the farm brings in 15 kopecks of profit a year. Equipment worth 1.5 billion lay this very year – 225 million was lost. The money vanished into thin air along with the unused electricity. In fact, there are more losses, since precious aggregates lie unpacked for five or ten years. According to Stroybank, the equipment of nuclear power plants arrives for installation on average three to four years after delivery to the site”²³³. He continues: “The mountains of dead technology are rapidly growing at the facilities of metallurgy, chemistry, and petrochemistry. T. Abramova, a specialist of the USSR Gosnab, shared with me alarming calculations: some types of expensive electrical equipment at construction sites accumulated 5-6 times more than the norm”²³⁴. Such a very dry question as the mortification of new equipment becomes quite humorous from time to time. Selyunin writes: “The anecdotal case was told by the director of VNIImetmash V. Belyaninov. Non-ferrous metallurgy urgently needed a special rolling mill.

²³² Selyunin V. Origins. Shmelev N. Advances and Debts. – M.: Pravda, 1990. – P. 322.

²³³ Ibid. P. 47-48.

²³⁴ Ibid. P. 49.

Through high authorities, the Minsvetmet ordered machine builders to design and release it in a fire order. The old employee of the institute, fortunately, remembered: it seemed that this had already been designed about twelve years ago. We figured it out – yes, the mill was made at the same time, it lies to this day. Apparently, it is easier for metallurgists to repeat the order than to find the finished product in the rubble of unpacked equipment»²³⁵.

Consequently, the complete absence of competition under the capitalist mode of production should lead *directly* to economic decay. Indeed, rich historical experience shows that the countries with planned economies have not been able to catch up with the developed capitalist countries either in terms of technology development, or in terms of the level and quality of life.

This economic lag was theoretically foreseen by K. Marx when he wrote: "... if capital formation became the lot of only a few large capitals ... then the fire reviving production would have extinguished altogether. It would fall asleep"²³⁶. Marx emphasizes that without competition, capitalist production is doomed to a rapid catastrophe: "The capitalist mode of production constantly reproduces these conditions by the fact that it ... by concentration (and competition) of capital, kills small capitals and combines them into large capitals, although in parallel with this process of attraction into developed spheres, the process of being pushed back into the newly emerging spheres of employment, etc., is taking place. If this were not the case, then bourgeois production would very simply and soon come to its disaster"²³⁷.

The economic collapse of the planned economy, which lasted only a few decades, clearly shows that this economy was a new type of capitalism, which, due to the lack of internal competition, quickly collapsed. It is quite possible to call this type of capitalism monopoly capital, where the state acts as a monopoly capitalist on the means of production, and the rest of the population acts as hired workers. This position of ordinary citizens as employees is shown in detail in the previous parts of this work when analyzing commodity-money relations.

²³⁵ Ibid. P. 51.

²³⁶ Marx K., Engels F. Collected Works, second edition. Vol. 25. Part 1. – M.: State Publishing House of Political Literature, 1961. – P. 284.

²³⁷ K. Marx, F. Engels Collected Works, second edition, v.48 – Moscow: State Publishing House of Political Literature, 1980. – P. 159.

REFERENCES

1. Abalkin L.I. Strategiya obnovleniya [Update Strategy] // Ogonek. – 1989. – No. 13 (in Russian).
2. Akimushkin I.I. Mir zhivotnykh. Tom 3 [Rasskazy o ptitsakh] [The world of animals. Volume 3 [Stories about Birds]. <https://bio.wikireading.ru/19947> (in Russian).
3. Alekseev A.N. Slovo chitatelya [Reader's word] // Ogonek. – 1988. – No. 33. – P. 6 (in Russian).
4. Argumenty i fakty [Arguments and Facts]. – 1989. – No. 19 (in Russian).
5. Argumenty i fakty [Arguments and Facts]. – 1989. – No. 27 (in Russian).
6. Birman I. // Voprosy ekonomiki [Issues of Economics]. – 1989. – No. 9 (in Russian).
7. Borisov S. Vashi voprosy 02.26.1988 [Your questions from 02.26.1988] // Arguments and facts. – 1988. – No. 9 (in Russian).
8. Bram A. Zhizn' zhivotnykh Tom I Mlekopitayushchiye Glava tret'ya. «Osnovnyye svoystva zhivotnykh. Pitaniye». [Animal Life Volume I Mammals Chapter Three. "Basic properties of animals. Food"] <https://avidreaders.ru/read-book/zhizn-zhivotnykh-tom-i-mlekopitayushchie.html?p=12> (in Russian).
9. Brylov A. // Moscow News. – 1989. – No. 20 (in Russian).
10. Bukharin N.I. Ekonomika perekhodnogo perioda. Ch. 1. Obshchaya teoriya transformatsionnogo protsessa [Economy in transition. Part 1. The general theory of the transformation process]. Moscow: Trudy Sotsialisticheskoy akademii obshchestvennykh nauk, 1920, 157p. (in Russian)
11. Bystrov E.I. // Moskva [Moscow] – 1989. – No. 1 (in Russian).
12. Carrington R. Mlekopitayushchiye [Mammals]. – M.: Izdatel'stvo «Mir», 1974. – 192 p. (in Russian).
13. Control figures of the national economy of the USSR for 1927/28 / State Planning Committee of the USSR. – M.: Planovoye khozyaystvo, 1928. – 592 p. (in Russian).
14. Descartes R. Izbrannyye proizvedeniya [Selected Works]. M.: Politizdat, 1950. – 240 p. (in Russian).
15. Devis R.U. // Ekonomicheskiye nauki [Economic sciences]. – 1990. – № 1 (in Russian).
16. Filshin G. // Komsomolskaya Pravda. October 13, 1989 (in Russian).
17. Finance and credit of the USSR. – M., 1989. (in Russian).
18. Ford Genri Moya zhizn', moi dostizheniya [My life, my achievements]. M.: Finansy i statistika, 1989. – 206 p. (in Russian).
19. Ford G. Segodnya i zavtra [Today and Tomorrow]. – M.: «Zhurnal «Kontrolling», 1991. – 176 p. (in Russian).

20. Foreign trade of the USSR in 1987. statistical collection. Moscow: Finance and Statistics, 1988. (in Russian). http://istmat.info/files/uploads/17074/vnesnyaya_torgovlya_ssr_v_1987_godu.pdf (date of the application 29.01.2020) (in Russian).

21. Frey D., co-director of General Electric, from a report at the USSR Academy of Sciences, November 1988.

22. Galayev V.I. // Ekho planety [The Echo of the Planet]. – 1989. – No. 12 (in Russian).

23. The history of the socialist economy of the USSR in 7 v. / Acad. Sciences of the USSR, Institute of Economics; ed. I.A. Gladkov [et al.]. – M.: Nauka, 1976 – 1980. V. 1: Soviet economy in 1917-1920, 1976, 448p. (in Russian).

24. The history of the socialist economy of the USSR in 7 v. / Acad. Sciences of the USSR, Institute of Economics; ed. I.A. Gladkov [et al.]. – M.: Nauka, 1976 – 1980. V. 2: Transition to the NEP. Restoration of the national economy of the USSR, 1921-1925, 1976, 479 p. (in Russian).

25. The history of the socialist economy of the USSR in 7 v. / Acad. Sciences of the USSR, Institute of Economics; ed. I. A. Gladkov [et al.]. – M.: Nauka, 1976 – 1980. V. 3: Creating the foundation of a socialist economy in the USSR 1926-1932, 1977, 536p. (in Russian).

26. Ilf I., Petrov E. Zolotoy telenok [Golden Calf] http://ga-la.ru/book/proze/ilf_i_petrov/telenok/?page=4 (in Russian).

27. Izvestiya [Izvestia] October 27, 1989. (in Russian).

28. Kaliningradskaya pravda [Kaliningrad Pravda] July 11, 1990 (in Russian).

29. Kovalenko D.A. Oboronnaya promyshlennost' Sovetskoy Rossii v 1918-1920 gg. / AN SSSR. In-t istorii SSSR [The defense industry of Soviet Russia in 1918-1920 / USSR Academy of Sciences. Institute of History of the USSR]. Moscow: Nauka, 1970, 411 p. (in Russian).

30. Labor in the USSR Statistical Handbook / Ed. A.S. Popova; Central Administration of National Economic Accounting of the USSR State Planning Commission. Department of labor accounting. Moscow: TSUNHU Gosplan of the USSR: V/o Soyuzorguchet, 1936. – 386 p. (in Russian).

31. Lenin V.I. Polnoye sobraniye sochineniy izd.5. t.44. [Complete Works Vol. 5. t. 44.]. – M.: Izd-vo polit. Literatury, 1967. (in Russian).

32. Leontiev V.V. (Nobel laureate) // Arguments and Facts. – 1989. – No. 23 (in Russian).

33. Marx K., Engels F. Sobraniye sochineniy, izdaniye vtoroye, t.1. [Collected Works, second edition, Vol. 1.]. – M.: Gosudarstvennoye izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1955. (in Russian)

34. Marx K., Engels F. Sobraniye sochineniy, izdaniye vtoroye, t.13. [Collected Works, second edition, Vol. 13.]. – M.: Gosudarstvennoye izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1959. (in Russian).

35. Marx K., Engels F. Sobraniye sochineniy, izdaniye vtoroye, t.23. [Collected Works, second edition, Vol. 23.]. – M.: Gosudarstvennoye izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1960. (in Russian).

-
36. Marx K., Engels F. Sobraniye sochineniy, izdaniye vtoroye, t.25 ch.1. [Collected Works, second edition, Vol. 25, part 1.]. – M.: Gosudarstvennoye izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1961. (in Russian).
37. Marx K., Engels F. Sobraniye sochineniy, izdaniye vtoroye, t.48. [Collected Works, second edition, Vol. 23.]. – M.: Gosudarstvennoye izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1980. (in Russian)
38. Mauri Carlo Kogda risk – eto zhizn'! [When risk is life!]. – M.: Fizkul'tura i sport, 1986, 272 p. (in Russian).
39. Merinov Yu.N. Dal'nevostochnyye perspektivy [Far Eastern prospects] // Ogonek. – 1988. – № 52 (in Russian).
40. Nadezhko A. // Moscow News. – 1989. – No. 16 (in Russian).
41. The New York Times December 25, 1984.
42. North D. Instituty, institutsional'nyye izmeneniya i funktsionirovaniye ekonomiki [Institutions, institutional changes and the functioning of the economy] – M.: Fond ekonomicheskoy knigi “Nachala”, 1997. – 180 p. (in Russian).
43. Pavlov V.S. // Trud [Labor] August 8, 1989 (in Russian).
44. Petrakov N. // Izobretatel' i ratsionalizator [Inventor and rationalizer] – 1989. – № 4 (in Russian).
45. Petrov N. Talant na eksport [Talent for export] // Ogonek. – 1989. – № 43 (in Russian).
46. Petukhov V.A. Glukhov V.I. Ekonomika absurdov ili absurd ekonomiki? [The economy of the absurd or the absurdity of the economy?] monograph. Sverdlovsk: IMC “Inform”, 1990. – 62 p. (in Russian).
47. Petukhov V.A. Analiz stoimosti i issledovaniye ekonomicheskoy tsiklichnosti : monografiya [Cost analysis and research of economic cycles: monograph]. – M.: Kreativnaya ekonomika, 2019. – 192 p. (in Russian).
48. Political Economy: Textbook for High Schools / Medvedev V.A., Abalkin L.I., Ozherelyev O.I. et al., Moscow: Politizdat, 1988. – 735 p. (in Russian).
49. Reznik I. Bratislavskaya lira–89. O konkursakh, pesnyakh i krizise zhanra [Bratislava lira – 89. On contests, songs and the crisis of the genre] // Argumenty i fakty [Arguments and Facts] – 1989. – № 26 (in Russian).
50. Results of the implementation of the first five-year plan for the development of the national economy of the USSR. – M.: Edition of the State Planning Commission of the USSR, 1934. (in Russian).
51. Russian newspaper February 20, 1992 (in Russian).
52. Russian industry in 1923. Yearbook of the Supreme Economic Council (Report to the 11th Congress of Soviets of the USSR). – M., 1924. (in Russian).
53. Self-financing: purpose and reality. (at the “round table” – party workers, journalists, economists, business executives, scientists) / comp. V.G. Ivanovsky. Moscow: Ekonomika, 1988, 95p. (in Russian).
54. Selyunin V. Istoki [Origins] Shmelev N. Avansy i dolgi [Advances and debts]. Moscow: Pravda, 1990. – 512 p. (in Russian).
55. Serrill Maykl // Za rubezhom [Abroad] – 1989. – № 13 (in Russian).

-
56. Shmelev N.P. Libo sila, libo rubl' [Either force or ruble] // Znamya [Banner] – 1989. – № 1 (in Russian).
57. Sitaryan S.A. // Pravda November 6, 1989 (in Russian).
58. Soviet Russia July 2, 1987 (in Russian).
59. Stalin I.V. Ekonomicheskiye problemy sotsializma v SSSR [The economic problems of socialism in the USSR]. – M.: Gosudarstvennoye izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1952. http://cimpl.250x.com/archive/stalin/russian/1952_stalin_ekonomicheskie_problemy_socializma_v_ssr.pdf (date of the application 09.01.2020) (in Russian)
60. Tax Code of the Russian Federation: part two of 08/05/2000 No. 117-FZ (as amended on 02/17/2021) (in Russian).
61. Tikhonov V.A. // Literary newspaper August 3, 1988 (in Russian).
62. Tikhonov V.A. // New World. – 1989. – No. 5 (in Russian).
63. Tizyakov A.I. // Pravda November 6, 1989 (in Russian).
64. Trade unions of the USSR: documents and materials: 1905-1963: in 4 volumes. Vol. 2. – M.: Profizdat, 1963. (in Russian).
65. Vishnevsky V. Pernatyte drovoseki [Feathered woodcutters] // Nauka i zhizn'. – 2021. – № 1 (in Russian).
66. Vorobey I.F. Uroki minuvshogo [Lessons of the Past]. – M.: Zhukovsky. Kuchkovo field, 2003. – 637 p. (in Russian).
67. Website SPRINTinvest.RU <https://sprintinvest.ru/chastichno-konvertiruemaya-valyuta-ponyatie-i-primery> (date of the application 07.01.2020) (in Russian).
68. Yeltsin B.N. // Za industrial'nyye kadry [For industrial personnel] – Sverdlovsk: – UPI, January 5, 1989. (in Russian).
69. Zakharov V. // Voprosy ekonomiki [Issues of Economics] – 1989. – № 9 (in Russian).
70. Shmelev N.P. Znamya [Banner] – 1989. – № 5 (in Russian).

ANNEX

Annex 1

In the ancient Indian community there was a division of labor, but the distribution of products took place mainly in a planned manner, since basically the means of production were the property of all members of the community. The famous Italian traveler Carlo Mauri observed the same thing in the 70s of our century among Arabs living in the marshes of Shatt al-Arab: "The work is equally divided between everyone ... Life inside the ancient bog community is regulated by exact unwritten laws. For example, fish and rice are brought to the elder of the village, and he distributes them among the residents of Al-Sukhayn [village name]"²³⁸.

Similarly, within the modern enterprise, there is a systematic distribution of the entrepreneurial means of production and the labor force of hired workers. There is a division of labor between employees at this enterprise, but market relations do not arise between them, because they are not independent owners for the duration of the work. They only perform certain functions like organs in the human body.

The division of labor only in the case leads to the sale, when there is a transition of material goods or services from one independent owner to another. Independent in the sense that they do not know any authority over themselves other than the elements of voluntary exchange with each other. Thus, the division of labor is a prerequisite for the sale. The exchange between independent owners is the basis from which market relations develop.

So in 1921 the Bolsheviks, trying to establish exchange of goods (as they were expressed) between the state and the peasantry, were surprised to find that the transfer of products between independent owners can exist only in the form of sale. "Trade has failed: it has broken in the sense that it has spilled over into the sale."²³⁹

And if the marsh Arabs have a systematic distribution of material wealth created within the community, then exchange, purchase and sale takes place between the communities, as independent owners. "The remaining products (after distribution among community members) are subject to sale or exchange; revenue is shared between families"²⁴⁰.

In general, the question of the relationship between the plan and the market is so important for understanding any economy that the author considers it necessary to consider it in more detail. This problem – the problem of the plan and the market, despite its external complexity, is actually quite simple, one might even say trivial. To understand it, simple common sense is enough.

²³⁸ Mauri Carlo When risk is life! – M.: Physical education and sport, 1986. – P. 83.

²³⁹ Lenin V.I. Complete Works Edition 5. t. 44. – M.: Publishing house of polit. literature, 1967. – P. 207-208.

²⁴⁰ Mauri Carlo When risk is life! – M.: Physical education and sport, 1986. – P. 83.

Both the plan and the market arise on the basis of the division of labor, that is, when the producer is separated from the consumer, and as a result of this a transition of material goods arises between them. But there is no division of labor in general, but there are two specific forms of division of labor.

The first form arises when the division of labor occurs within the framework of a single owner, and this owner can be represented as an individual or a group of persons. This form of division of labor corresponds to the plan, consistent systematic movement of created material goods or services from producer to consumer.

The second form of division of labor occurs when the division of labor occurs between independent owners. This second form of division of labor corresponds to the market, corresponds to the exchange of created material goods in the form of sale, occurring between the producer and the consumer as independent owners. As a result of the fact that these material goods enter into exchange, they become goods.

Accordingly, independent owners producing for sale, become producers.

It is from the second form of the division of labor – from the division of labor between independent owners, in which only exchange, purchase and sale occurs, that the whole variety of market relations in society develops.

What is the confrontation between the plan and the market? It lies in the fact that the division of labor within the framework of one owner cannot be simultaneously a division of labor between independent owners. The division of labor between a specific producer and a specific consumer can exist either as a division of labor within one owner, and then the transfer of material products between them will be planned, that is, these products will not enter into exchanges, will not become goods, or as a division of labor between independent owners, and then the manufactured products will enter into exchange and become goods, that is, they will fall into the market.

But although these two forms of the division of labor cannot be combined into one, they can nonetheless exist and exist next to each other. On the example of any human society, you can see this coexistence of the plan and the market. In order to show this, we will more clearly consider the main types of human society from the point of view of the plan and the market.

Let's start with the primitive community. In a primitive communal society, the community mainly acts as a single owner, inside of which there is basically a systematic distribution of products of joint labor. In relations between communities, as independent owners, an exchange occurs, that is, a market, which, however, is extremely limited and primitive.

If we take a slave-owning society and consider it from the point of view of the plan and the market, then we will see that the plan again exists where there is a division of labor within the framework of one owner. Such an owner is a slave owner. He determines what and how his slaves will produce, how they will use his means of production. Consequently, in the estate where his slaves labor, the plan prevails.

The plan also dominates the economy of the artisan and free peasant. But the division of labor between independent owners, with the development of a slave-owning society, received significant development, which led to the development of the market, the emergence of money, the emergence of merchants, etc. The market arose from an exchange between independent owners, that is, from an exchange between slave owners, artisans, merchants, peasants, etc.

In feudal society, a plan exists on the estate of the feudal lord, landowner, in the workshop of the artisan, that is, where the owner can plan his activities and use his means, material wealth, and land. At the same time, the division of labor between independent owners was more significant. The emergence of industrial production, the development of transport, the development of new technologies in agriculture contributed to a significant expansion of the market.

In capitalist society, the question of plan and market is also quite clear. The plan exists within the framework of a single property, and this is either a private entrepreneur, as a rule, or a group of shareholders, or the property of the employees themselves (group). Here is how Henry Ford described his automobile production: "When assembling the chassis, forty-five different movements are made, and the corresponding number of stops is arranged. The first working group reinforces the four safety covers to the chassis; the engine appears at the tenth stop, etc. Some workers make only one or two small hand movements, others do much more. The worker, on whose duty it is to set up any part, does not fix it – this part is sometimes fixed only after many operations ... We started by assembling the entire car in one factory. Then we began to fabricate individual parts ourselves and immediately set up departments, in each of which only one part was produced. In the form in which our production exists now, each department manufactures only one known part or assembles it. Each department in itself is a small factory. The part is delivered there in the form of raw material or cast, passes there, through a number of machines or heating processes, or through some other special department, and leaves its department already in the form of a finished product."²⁴¹

We see the market where there is a division of labor between independent owners. And such a division of labor dominates in the sphere of exchange, sale and purchase, both between entrepreneurs themselves, and between entrepreneurs and hired workers.

As for the planned economy, where the state is a monopoly of the means of production, there is also a systematic distribution of material products within the framework of a single owner. Such a single owner, within which the division of labor occurs, is the state. Inside this gigantic super factory, the plan dominates, the systematic movement of the created material goods dominates. As for the market, it exists between the state, as an independent owner of the means of production and living means, and an employee who is independent the owner of his labor force.

²⁴¹ Ford Henry, *My Life, My Achievements*. – M.: Finance and Statistics, 1989. – P. 73-74.

Here the state buys, in exchange for means of subsistence, labor force, and hired workers in exchange for their labor force, acquire means of subsistence. Thus, in Soviet society, the plan dominates in the sphere of distribution of means of production, and the market dominates in the field of exchange, purchase and sale of vital means and labor force.

As for the plan, you can see that it also reigns in every family, because there is a division of labor in it, but family members do not enter into the sale and purchase with each other. On the contrary, they as a family, being a single owner, systematically share their responsibilities. In this regard, the family is a small copy of the ancient community, where there was also a division of labor, but community members, however, did not enter into the process of exchanging, buying and selling with each other. (In fairness, it should be noted that if the family is on the verge of collapse, and family members practically treat each other as independent owners, then the features of exchange, sale and purchase will clearly appear – “I will do this, but in return you have to do something”).

An interesting observation can be made here. The most important condition for the existence of such a community was the mutual assistance of its members, that is, here in practice (life made) the commandments were carried out borrowed later by Christ – “love your neighbor as yourself”, “do not kill”, “do not steal”, etc. In fact, the need to abide by these commandments can be seen firsthand by the example of a modern family, by the example of this reduced copy of the ancient community. And indeed, to save the family, its members must feel affection and love for each other, that is, fulfill the commandment – “love your neighbor as yourself.” It is impossible for a family to exist if its members begin to steal from each other, etc.

In other words, the division of labor within the framework of one owner led to the need to comply with such principles. It is these principles of the existence of the ancient community that were borrowed by Christ and preached by him. But by the time Christ appeared, there wasn't very much from the ancient community, and it was replaced by independent owners, who, unlike members of the community, constantly entered into the process of buying and selling with each other. A different spirit corresponded to these relations – the spirit of individual egoism and personal enterprise.

Thus, if the division of labor within the framework of one owner (i.e., the division of labor in the ancient community) brought to life the commandments of Christ, then the division of labor between independent owners required completely different commandments. Therefore, Christ was perceived by his compatriots quite alienated, because his commandments did not correspond to real reality.

Subsequently, when the ancient community more and more receded into the past, and the division of labor between independent owners more and more intensified, the commandments of Christ became more abstract and illusory. They were replaced by the glorification of the freedom of the selfish interests of an individual and freedom of private enterprise. Therefore, Adam Smith, who loudly

proclaimed these principles as the main basis for the economic prosperity of the nation, was accepted with a bang. (Note. The author is aware that the issue of moral commandments under consideration is very complex and is influenced by a huge number of factors. Therefore, he expresses his opinion as an amateur and very carefully, realizing that real life is incredibly richer than any human thought or idea, which is only a pale reflection of a much more complex and colorful life).

You can also notice that in the twentieth century in countries where there was a monopoly of the state on the means of production, and where therefore there was a systematic division of labor across the whole society (a kind of single community throughout the country), spells very similar to Christ's commandments began to sound, the essence of which boiled down to the same thing – “love your neighbor as yourself”, “do not steal”, etc. Wasn't the moral code of the builder of communism a modern modification of the Christian commandments? At the same time, the principles glorifying individualism and personal entrepreneurship, the principles that prevail in a society where there is a significant division of labor between independent owners, that is, in a society of private capital, have been eradicated in every way. They were very unsuitable for a planned economy.

Annex 2

Bukharin's views on labor mobilization were typical of the leadership of that time: "... the regime of labor service and the state distribution of labor expresses a relatively high degree of organization of the whole apparatus and the strength of the proletarian power in general...From a broader point of view, proletarian coercion in all its forms, from executions to labor conscription, is, paradoxically as it sounds, a method of working out communist humanity from the human material of the capitalist era"²⁴².

²⁴² Bukharin N.I. Economy in transition. Part 1. The general theory of the transformation process. – M., 1920. (Proceedings of the Socialist Academy of Social Sciences). – P. 145-146.

Annex 3

“– You will answer for this, comrade Talmudovsky! – shouted the long-sexed, taking away from his face an engineering cookie.

– And I am telling you that not a single decent specialist will come to such conditions, – Talmudovsky answered, trying to return the cookie to its previous position.

– Are you talking about salary again? We have to raise the issue of ravage.

– I do not care about salary! I will work for nothing! – the engineer shouted, excitedly describing all kinds of curves with a cookie.

– I want to – and generally retire. You give up this serfdom. Everywhere they write: “Freedom, equality and fraternity”, and they want to force me to work in this rat hole.

Then the engineer Talmudovsky quickly unclenched the cookie and began count on the fingers.

– The apartment is a pig, there is no theater, a salary ... A cabman! Went to the station!

– Where to? Where to? – the secretary fluttered, rushing after the crew. “You are a deserter of the labor front!”²⁴³ Let us leave engineer Talmudovsky, who still remembered those times when the normal desire to sell his labor more expensively was considered natural and ideological labels were not hung on him.

²⁴³ Ilf I., Petrov E. Golden Calf. http://ga-la.ru/book/proze/ilf_i_petrov/telenok/?page=4.

Annex 4

The freedom of overflow of wage workers forced the Bolsheviks to declare at the 12th Party Congress that “the general policy of wages should be aimed at equalizing the average wage in all industries, so that workers of uniform or equal skill are paid everywhere approximately the same if the actual condition of the individual wage is actually generated”²⁴⁴. Although the main reason for the overflow of labor is the mismatch between the monetary payment of the intensity and duration of the work performed, other factors play a significant role. “Violations of the law of distribution according to work, insufficient concern for the cultural and living conditions of workers increased the turnover of labor, including among the skilled part of workers”²⁴⁵.

If we consider the later period of the 1920s – early 1930s, the situation was as follows. At that time, as a rule, there was a massive outflow to cities, but, nevertheless, backward fluctuations were also observed when payment in the village became higher than in the city. English historian R.U. Davis noted: «The monthly Planning Review of the State Planning Commission for July 1932 noted serious problems in relations between the city and the village: as a result of attempts to improve the living conditions of the peasants, the workers promptly left work in cities and construction sites....Already in the spring of 1932, the lack of bread in cities was a serious obstacle to the growth of the workforce. Many construction projects could not work efficiently due to the departure of hungry workers»²⁴⁶.

Data for 1923-1935 talk about that the % of workers hiring in the main industries to the average number (for the year) ranged from 91.6% (1935) to 176.4% in (1930), and the % of workers retirement to the average number (for the year) – from 86.1% (1935) to 152.4% in (1930) (See P.95 table 27²⁴⁷).

One can judge how serious this problem was by Stalin’s speech at the June meeting of business executives in 1931, where he stated that there were few enterprises where the composition of workers would not change over the course of six months or even a quarter, at least by 30-40%²⁴⁸.

²⁴⁴ The history of the socialist economy of the USSR in 7 t. / Acad. Sciences of the USSR, Institute of Economics; ed. I. A. Gladkov et al. – M.: Nauka, 1976 – 1980. T. 2: Transition to the NEP. Restoration of the national economy of the USSR, 1921-1925 – 1976. – P. 232.

²⁴⁵ The history of the socialist economy of the USSR in 7 t. / Acad. Sciences of the USSR, Institute of Economics; ed. I.A. Gladkov et al. – M.: Science, 1976–1980. T. 3: Creating the foundation of a socialist economy in the USSR 1926-1937. – 1977. – P. 70.

²⁴⁶ Davis R.U. // Economic sciences. – 1990. – No. 1.

²⁴⁷ Labor in the USSR Statistical Handbook / Ed. A. S. Popova; Center. control Nar households Accounting State Planning Commission of the USSR. Sep. labor accounting. – M.: TSUNHU of the State Planning Commission of the USSR: Higher education institution Soyuzorguchet, 1936. – P. 95. Also, labor turnover in different areas of the Soviet economy, see P. 109, 116, 131, 145, 155.

²⁴⁸ Banner – 1989. – No. 5.

Annex 5

But in the system of a planned economy, there are various administrative restrictions on the overflow of labor, for example, such as registration, closed cities, etc. All this contributes to the fact that in these closed cities a higher standard of living is formed compared to what is available throughout the country.

Take, for example, Moscow, where the standard of living is higher than the national average. And above, mainly because the overflow of labor from the periphery to Moscow is strictly limited. On your own initiative you will not be able to move to Moscow and get a job there, even if you have found an exchange with Moscow and as many people enter as you leave. All this does not mean anything – it does not mean at all that you will receive a Moscow residence permit.

The conditions for registration in Moscow are stringent, and they are approximately the same (as of May 1991) – you can get a residence permit in Moscow if your department, ministry solicits a special letter asking to bring such a specialist closer to the place of work.

You can get a residence permit if you need to take care of a disabled person of a certain group living in Moscow, as well as if you are related to the Ministry of Defense, the Ministry of Internal Affairs, the KGB and have previously had a Moscow residence permit, etc. Government officials have long realized that restrictions on overflow of labor force change in living standards and put this into practice. In order to create a higher standard of living in Moscow, where many different state institutions are located, in relation to the rest of the country, various restrictions on the overflow of labor were introduced to a large extent. And the more such restrictions, the greater the difference in living standards can be.

Annex 6

If the mass of money in circulation is more than the sum of the prices of all the means of life that are for sale (taking into account, of course, the speed of money turnover), then two options are possible. Or the sum of the prices of the same means of subsistence automatically rises until the supply equals demand. This is exactly what was done in Russia in early 1992. In this case, the struggle for raising wages comes to the fore. This was clearly seen in the example of strikes for raising wages in Poland, Yugoslavia, and in Russia in the early 1990s.

Or, if the sum of the prices of living means remains the same, then the ability to buy money is of paramount importance. Hence the talk about social justice, about the equality of the ruble of the cleaning lady and the minister.

Prior to that, in the history of the USSR, the most acute problems of the imbalance of money and commodity stocks appeared twice: during the period of collectivization and after the war. The most characteristic is the period of collectivization. This is how the situation developed by the beginning of the 30s – in 1925/26, the total income of the population increased by 34.8% compared to the previous year, commodity output of agriculture and industry producing consumer goods increased by 25%: in 1926/27, incomes of the population increased by 12.4%, and the mass of goods opposing them increased by only 4.3%²⁴⁹.

The planned estimates envisaged at the end of the first five-year plan were exceeded in 1932 by the general salary fund by about two times²⁵⁰. Here is how this provision is commented on in the multivolume History of the USSR Socialist Economy: “This fact alone, if one takes into account that in 1932 the five-year plan for the production of consumer goods was not implemented, could not but affect the ratio of demand and supply of goods”²⁵¹.

To extract excess money from circulation, by the way, paid to the population for performing certain works, the state resorted to the following maneuver. To ensure the necessary minimum, a card system was introduced for the most necessary food products and consumer goods. This transition to card supply began in January 1929. The rest of the goods (about 40%) began to be sold through state commercial trade at commercial prices. These prices were only slightly below market prices. The gap between these prices and “card” prices reached 10 times.

²⁴⁹ Control figures of the national economy of the USSR for 1927/28 / State Planning Committee of the USSR. – M.: Planning economy, 1928. – P. 466.

²⁵⁰ Results of the implementation of the first five-year plan for the development of the national economy of the USSR. – M.: Edition of the State Planning Commission of the USSR, 1934. – P.170, 178, 179.

²⁵¹ The history of the socialist economy of the USSR in 7 t. / Acad. Sciences of the USSR, Institute of Economics; ed. I.A. Gladkov et al. – M.: Science, 1976–1980. T. 3: Creating the foundation of a socialist economy in the USSR 1926-1937. – 1977. – P. 443.

In addition, there was the so-called Torgsin, where prices were initially lower than market prices, but trade was in foreign currency and precious metals. The state took a similar step after the war and in the early 90s, also with the aim of withdrawing cash from the population.

In all these cases, the state is true to itself – to throw in exchange for labor force only as much of the means of life as necessary for its reproduction, but not more than this minimum, because an increase in real wages leads to a decrease in profit received by the state (*ceteris paribus*).

Annex 7

Annex 8

Let us now consider in more detail the possibility of exchanging cash ruble for foreign currency. In a planned economy, money exists as a medium of circulation – it is a cash ruble that provides a circuit between a commodity – labor force and commodities – by means of life. Therefore, cash ruble is much easier to exchange for currency than cashless ruble. But from this cash ruble did not become a convertible currency (in the Western sense).

In order for other countries to recognize the money of a country, that is, to show considerable interest in buying this money, it is necessary that there is a significant market within the country for the goods they are interested in, including capital goods. For countries with a significant share of state property, fundamental changes in property relations are necessary for this, that is, a transition from a state monopoly to private and group property. And this process is much longer and painful than the legalization of the exchange of cash ruble for currency.

About how difficult this process can be seen on the example of Poland, which much earlier than the USSR began economic reforms, but by the beginning of the 1990s. did not achieve the convertibility of the zloty, as in Poland there was no significant market for goods that would be of interest to a foreign buyer. And the main reason for this is that the Polish economy of that time remained planned, that is, most of the manufactured products (namely the means of production) did not enter the market, but were distributed within the owner – the state. As a result, Western countries, and especially the IMF (International Monetary Fund), did not consider the Polish zloty to be convertible currency. And the Poles themselves cautiously determined the exchange of zloty for so – “partial zloty reversibility”.

The state uses the ruble’s non-convertibility, along with administrative measures, to prevent ordinary citizens from selling their own labor force in other countries on their own. A typical example is the sale by athletes of their abilities to foreign clubs with the “help” of the state.

Explaining the difference between foreign and Soviet athletes in concluding transactions with sports clubs V.I. Galaev, general director of the foreign economic association Sovintersport writes: “The bottom line is this. In a deal involving foreign athletes, two clubs and an athlete are involved. We are adding another link – the state. The salary of an athlete, as well as other Soviet citizens traveling under contracts abroad, is regulated, sorry for the long name “Payment scheme in foreign currency for specialists sent abroad to provide technical and other services”. It was approved on the basis of the Decisions of the Council of Ministers of the USSR of October 7, 1958. and of October 23, 1973”²⁵². Here is a specific example with our athletes – the football player Zavarov received \$ 1,200 per month under the contract, and «Dynamo» received 2 million dollars for it, the State Sports Committee received 2 million dollars, and 1 million was allocated to the state budget. Tennis

²⁵² Galaev V.I. // The Echo of the Planet. – 1989. – No. 12.

player Zvereva, who tried to independently conclude a contract, was told that it was invalid, because she is not a legal entity.

“Arguments and Facts” describes the activities of the VAAP (All-Union Copyright Agency): “Fees for all types of the use of works of science, literature, and art by Soviet authors abroad go to the account of the All-Union Copyright Agency and are paid to the authors through it. The fee for the publication of works, as well as for the public performance of dramatic and musical-dramatic productions, is determined by the contract concluded by the UAAP or with its assistance. If a work was created specially by order of foreign organizations and was not previously printed or performed in the USSR, then a fee of 15% is charged for the fees for these works, and an income tax of 1.5 to 13% is deducted from the remaining amount.

In other cases, a fee of 25% is levied on the fee, and an income tax of 30 to 75% is deducted from the remaining amount, depending on the amount. received during the year. If the fee is transferred from a socialist country, the amount of income tax from the first thousand rubles is reduced by 50%”²⁵³.

And here is the opinion of I. Reznik about VAAP (All-Union Copyright Agency): “And we don’t even have to talk about what we get from abroad, because VAAP manages to calculate 65% of these pennies...I believe that such a system is legalized theft, because VAAP does nothing in the sense of helping the artist, but only regularly calculates huge percentages”²⁵⁴.

Nikolai Petrov, a Soviet musician widely known abroad, writes about the State Concert: “... the only impresario in the country, one for all – the State Concert. He is a monopolist. No competition. Therefore, he may not do anything, no one will take a piece of bread from him. But an ordinary impresario would have been burned out for a long time, allowing such overlays, and the State Concert would not care...The State Concert is not even a tax collector. He walks near the field where people work, he waits for them to grow crops. Then he will take it from them....The State Concert is an expropriator in the best traditions of military communism. He does not collect food tax, but the surplus. He is a typical robber ... I survived seven or eight directors of the State Concert, not one of them, with all the desire, could change anything. We need to change the system itself”²⁵⁵.

A.N. Alekseev, professor, shares his experience: “I have been abroad many times ... as a visiting expert of the World Health Organization. WHO pays me \$ 103 a day. But do you know the rules of the Ministry of Health of the USSR, according to which you can stay at a hotel no more than 66 francs a day (about 33 dollars), and spend only 46 francs (23 dollars) on yourself. And the rest I have to return to the accounts department of the Ministry of Health. What for? Presumably, for travel officials who are paid out of pocket of the ministry, or rather, out of my pocket, an expert invited by the WHO for consultations”²⁵⁶.

²⁵³ Arguments and Facts. – 1989. – No. 19.

²⁵⁴ Reznik I. Bratislava lira – 89. On contests, songs and the crisis of the genre // Arguments and Facts. – 1989. – No. 26.

²⁵⁵ Petrov N. Talent for export // Ogonek [Spark]. – 1989. – No. 43.

²⁵⁶ Alekseev A.N. Reader’s word // Ogonek [Spark]. – 1988. – No. 33.

Annex 9

For simplicity, the author in this annex will consider the situation in the early 1990s in the present tense, including talking about the existing name of the state of that time – Czecho-Slovakia.

So the understanding that the internal non-convertibility of money for the means of production inevitably leads to external non-convertibility also makes it possible to analyze the mutual trade between the socialist countries. Suppose that the USSR wants to sell oil to Czecho-Slovakia, but not for cashless Czech crowns (practically nothing can be purchased for them), but for certain Czech goods. In the same way, Czecho-Slovakia is completely not interested in selling its goods to the USSR for cashless Soviet rubles. Therefore, it is necessary to exchange only goods for goods, where money acts only in its ideal, counting function.

If you look at it a little differently, it is obvious that the USSR is selling its goods to Czecho-Slovakia to one buyer – the state, since it is an almost exclusive owner of the means of production. The USSR is forced to buy Czech goods from the same owner due to its monopoly position, unlike, say, England, where you can sell goods to one company and buy from a completely different one.

So the USSR sells and buys goods from almost only one owner – the Czech-Slovak state, as well as the Czech-Slovak one from the Soviet one. Here, involuntarily, an exchange of goods for goods occurs, that is, a barter transaction, where the money is just countable. Thus, in mutual trade between socialist countries, their national money is not a medium of circulation, but only acts as counting money.

Czecho-Slovakia could not sell its goods in the USSR for cashless Soviet rubles, and then decide to buy something for these rubles no longer in the USSR, but, for example, in Hungary, and even more so in France.

Now they are offering (and trying to make) mutual payments so that the social countries pay each other in freely convertible currencies, for example, in dollars. Czecho-Slovakia pays for oil in the USSR in dollars, so to speak with real money, the USSR purchases equipment from Czecho-Slovakia also for dollars. What will come of this and how realistic is it if the old property relations remain, that is, the state remains the owner of almost all means of production? After all, the Czecho-Slovak Republic and the USSR can buy the goods they need for this currency in other countries. But here it is necessary to take into account the existing division of labor. Soviet industry is already combined with Czech-Slovak equipment, and the main oil pipelines stretch to Czecho-Slovakia from the USSR. There are two sellers, and everyone needs to sell their goods to another.

Why are only two sellers mentioned? Because earlier it was found out that these two states are the owners of the vast majority of the means of production in their countries. So, Czecho-Slovakia buys Soviet oil for dollars, the USSR immediately gives them back for Czech goods. This movement of dollars back and

forth immediately becomes redundant. It is much easier to conduct a barter transaction, where the dollar will be the unit of account. But what happens if the oil industry workers are strictly prescribed that oil can only be sold for currency, no barter? And the following will happen and is already happening. The USSR has no currency for the purchase of Czech goods and Czecho-Slovakia has no currency. And on both sides of the border, goods are beginning to pile up, which both owners are eager to sell to the other side, but cannot, because of the order, sell only for currency.

This situation really developed in September 1990 on both sides of the Soviet-Czech border. Both parties suffer big losses. There is only one way out – barter, which is what the Soviets do, giving permission to barter, despite the previous instructions. So again, barter. Everything remained the same, only instead of “ruble” they began to say “dollar”.

Another example from the Russian-Bulgarian trade of the beginning of 1992 “... Bulgaria has a surplus in trade with Russia, reaching \$ 380 million. How to do business further than pay? Both sides have no currencies. Therefore, they agreed on the option of a clearing agreement using the US dollar”²⁵⁷.

Thus, real economic laws immediately put in place the various projects invented in the ministerial offices. The situation would be different if the USSR sold oil to Czecho-Slovakia, but such Czecho-Slovakia, where the state would be the owner of a certain share of the means of production, but still one of the many owners of the means of production within the country. This would lead to the convertibility of the crown for the means of production, and the question of barter transactions would not be raised. The Soviets would sell oil for crowns to one firm, and they would buy goods from other firms, that is, as is happening in the trade of a socialist country with a developed capitalist country. Barter between them is the exception rather than the rule.

A closer look at the convertibility of the Soviet ruble during the period of perestroika. Many Soviet economists raised this issue. In particular, N. Petrakov, corresponding member of the USSR Academy of Sciences, declares: “With joint ventures, it’s very difficult because of inconvertibility. Ours at first thought – we would sell “joint” goods in the West for currency, pay it with foreign partners and replenish the treasury. But the businessmen explained that if they could sell there, they would not begin to build factories here, the risk is great. And now you have to pay with them, saving currency on reducing imports. This is not an option. But what should they do next? They cannot expand production to their ruble profits – concrete, pipes, etc. are not sold, they are distributed by the Gosplan, Sovmin, Gosstab. There are more questions than answers. If the ruble is convertible, questions are removed”²⁵⁸.

Further, he, like many Soviet economists, says that there are no economic or political obstacles to the introduction of ruble convertibility. Yes, there are no significant obstacles to the introduction of an open exchange of cash ruble for curren-

²⁵⁷ Russian newspaper February 20, 1992.

²⁵⁸ Petrakov N. // *Inventor and rationalizer*. – 1989. – No. 4.

cy (just what will already be done on the “black currency market” will be openly done). This is really true. But Petrakov means the convertibility of the ruble precisely the ability to buy means of production in rubles. And for this, enormous economic changes are needed – a change in ownership, here is an obstacle, so to speak. Only to the extent that the market of means of production in the country appears, the Soviet ruble will be of interest to Western countries, and in accordance with this, the IMF will determine the ruble as a convertible currency of a certain category.

The utopianism of the views of many leaders of this era consists in the fact that they believe that the comprehensive state ownership of the means of production and the recognition by other countries of the convertibility of the ruble are compatible things.

The state, acting on the foreign market as a producer of goods, with the same right of owner disposes of the received currency. A. Brylov, head of Aeroflot’s International Commercial Directorate, notes: “Aeroflot ... receives 2 percent of it [foreign exchange profit] ... we play the role of a collection bag: we earn and give to the state budget even super-planned foreign exchange profit”²⁵⁹.

Yu. N. Merinov, First Secretary of the Nakhodka City Committee of the CPSU, speaks about local problems: “As soon as the decree on the creation of joint ventures with foreign companies was issued, we immediately began to study our capabilities: will we be able or not to make Nakhodka attractive to foreign investors? Ho Ministry of Finance has been alert. It immediately attributed a limitation to the decision: on our own, we have the right to create a joint venture with capital not exceeding a certain, extremely small amount. That is, large joint ventures can be formed only with the permission of the Ministry of Finance. How difficult it is to obtain his permission, we know all too well. Another clarification was received: currency accounts are opened exclusively in cities of regional subordination. Therefore, additional chains hung on our hands. Even if we have joint ventures, we will be obliged to transfer their foreign exchange profit to higher authorities and ask for their permission to spend the money we have earned”²⁶⁰.

²⁵⁹ Brylov A. // Moscow News. – 1989. – No. 20.

²⁶⁰ Merinov Yu.N. Far Eastern prospects // Ogonek [Spark]. –1988. – № 52.

Annex 10

As mentioned earlier, in countries with market economy there is a single money world and there are no obstacles to turning cash into cashless and vice versa.

(As a last resort a small percentage will be deducted from you when transferring non-cash to cash). Here there is a single money world where the difference in the form of money does not affect their essence as a universal equivalent for all products produced in society. In this society, everything that is produced becomes a commodity.

Unlike all other forms of economics, a planned economy is the only type of economic system known to mankind when in society there is one sole owner of all means of production, or at least a very large part of the means of production. As a result of this, the state, like any owner, is compelled systematically to distribute its property, namely, means of production. But since their share in the country's economy is very large, a world of cashless ruble arises.

If you try to look at other types of economic systems (subsistence economy, market economy, mixed economy) that have ever existed in the history of mankind, it becomes obvious that the existence of two worlds of money (and, therefore, the border between cash and cashless money) they don't know at all.

This situation can be explained by the fact that for all other types of economic systems – from ancient Egypt to the modern mixed economy, there are many owners of the means of production in society (free communes, hunters, artisans, slave owners, peasants, merchants, entrepreneurs, landowners, etc.), and therefore the means of production constantly enter the market and enter into the sale.

As a result of this, there is a single commodity world and a single money world.

The existence of a border between cash and non-cash rubles is explained by the fact that it is striking to an eyewitness that, along with the huge mass of non-commodity cash rubles (during Gorbachev's perestroika, according to various estimates, this mass exceeded the mass of goods by 2-2.5 times) there are a large number of idle production facilities. But, these non-commodity cash rubles cannot cross this border, which the state is vigilantly watching. Otherwise, the state would lose its monopoly on the means of production, which would lead to the collapse of this economic system.

The state seeks to preserve itself as a monopolist, which leads to a clear and almost insurmountable border between the world of cash ruble and the world of cashless ruble. As a result of this, the cash ruble does not set in motion a non-cash ruble secured by the means of production.

A huge number of examples can be given. A large, and often huge deficit for various consumer goods, on the one hand, and a large mass of non-commodity cash rubles, on the other hand, clearly show that cash does not move the means of production, that is, they do not invade the region where it reigns the systematic

distribution of these funds and the non-cash ruble, which here acts only as calculating money for the means of production.

Take, for example, the Kaliningrad Book Publishing House, which for many years has produced good fiction that is in high demand (Pikul, Dumas, adventure literature, cookbooks, etc.), but could not increase this production. If the publisher could freely purchase the means of production he needed for the cash received, then the amount of literature would increase significantly, and the deficit would disappear. But with this economic system, this is impossible, because the state, as the owner of this publishing house, takes the cash rubles received, and then allocates a certain amount of non-cash rubles to this publishing house, provided with material resources (means of production) necessary to continue production activities. (The same situation with many state-owned enterprises – despite the significant shortage of their products and the desire of the population to buy it, these enterprises cannot increase their production on their own).

The state allocates for the publisher a certain amount of material resources that have a monetary value. But since money worlds are practically independent of each other, then for each enterprise producing consumer goods, the ratio between cash rubles received and non-cash rubles secured by material funds can be completely different.

This primarily depends primarily on which enterprises the state intends to expand and which only to maintain at the same level. So, the Volga Automobile Plant, despite the fact that the state receives a large amount of cash from the sale of the products of this plant, cannot master the production of a more modern model, because the state decided to allocate an insufficient amount of non-cash rubles secured by material resources to it.

Just as a cash ruble does not set in motion a non-cash ruble secured by funds, just like a non-cash ruble does not set in motion a cash ruble. For example, at a certain enterprise they saved raw materials, electricity, transportation costs, materials, etc. But this company cannot arbitrarily, at its discretion, turn these saved non-cash rubles into cash to increase salaries. The state here regulates the reverse transition of non-cash to cash, and allows an increase in the wage fund, taking into account only the additional labor costs of the employee in the implementation of this economy. (So, from my own experience I know that, for example, a rationalization proposal that could save material resources by tens, or hundreds, or thousands of rubles was valued the same way – 10 rubles in cash.)

Of course, in order to stimulate interest in saving means of production, the state may try to establish a certain percentage of cash payments for saving material resources. But then the percentage of cash paid for saving material resources will almost always be set in each case, and will only take into account the additional labor costs of the employee. Otherwise, the state runs the risk of getting a very rich and smart and independent worker who can, at least, look with different eyes at what is happening in the country.

In general, only at first it may seem that the state establishes some proportions for its enterprises when converting non-cash rubles secured by material assets into cash rubles. In reality, everything happens much easier. The state simply takes cash rubles received from the sale of consumer goods to the public and allocates to the enterprises the material resources necessary for the continuation of the production process, the value of which is perfectly expressed in non-cash rubles.

The proportions between cash and non-cash can be completely different in different enterprises, and it can only seem to inexperienced people that there are some stable proportions of “exchanging” non-cash rubles covered in material funds for cash rubles at state-owned enterprises. If for some reason a state-owned enterprise will need to significantly increase wages, then this proportion will immediately change.

Based on the understanding that the existence and deep “divide” between the two money worlds arises from the existing form of ownership in Soviet society, it is worthwhile to express thoughts about the actions of those statesmen of that time who in their practical activities faced the question of what to do with the difference between cash and non-cash? Do they allow their free transformation into each other? Or is it strictly controlled? Or allow their transformation into each other, but with certain restrictions?

Two approaches have usually been practiced here. The first group is those who did not want to basically change the system, that is, did not want to abandon the state’s monopoly on the means of production, but sought to somehow upgrade it. The second group is those reformers who really wanted to change the existing economic system, but did not quite clearly imagine what it really is.

Turning to the first one, it was possible to say – you do not want changes in property relations, but at the same time you want to do something, to modernize in the sphere of relations between cash and non-cash money. You hope that this modernization will revitalize the economy to some extent. You begin to experiment – you allow more or less free flow of money back and forth, then, seeing that cash, therefore, grows like a snowball, stop this flow.

But you need to know that maintaining a state monopoly inevitably leads to the restoration of the border between cash ruble and cashless. If you succumb to some kind of persuasion or your own fantasies and allow a fairly free flow of money, then very soon a huge mass of cash will appear in the hands of the population that you can’t buy money. This will force you to return to the old practice of controlling the flow of money, but now you will face the problem of how to remove these piles of uncommitted money from the population.

This kind of sad experience has already been acquired in recent years Gorbachev perestroika. Do not tempt fate, keep tight control while there is a state monopoly on the means of production, so that these two types of money circulate only in their own circle, otherwise one day another experiment on the free transfer of non-cash rubles into cash will cover you with the ninth shaft of non-commodity cash rubles. If you recognize the state’s monopoly on the vast majority of the

means of production, then whatever your wishes would be, you will have to admit the consequence of such a monopoly, that is, the existence of a clear border between cash and non-cash money.

The following considerations could be presented to the same statesmen who really strove to transform economic relations during the perestroika period and who faced the question of what to do with the border existing between cash and non-cash. No matter how good your intentions are, when you find yourself at the leverage of state power, initially you will have to put up with the division of money into cash and non-cash. And only, since in the future the state's monopoly on means of production will disappear, and the owners of the means of production will become more and more independent on the domestic market, it will only be necessary to remove the restriction on the flow of cash into non-cash, and vice versa.

The emergence of the opportunity for anyone to buy any product on the market, including the means of production, makes money a universal purchasing tool. Now his money will permeate the entire fabric of productive life, they will mediate the exchange between all products produced in society.

Now in 2020, one can clearly see that these considerations were justified, and the destruction of the state monopoly and the emergence of independent owners of the means of production led to the disappearance of individual money worlds and the border between them. Now it's a single money world, where you can purchase any product or service produced in society for various types of m

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Петухов Валерий Александрович – кандидат экономических наук, старший преподаватель, доцент Департамента экономической теории Финансового университета при правительстве Российской Федерации.

Petukhov Valeriy Alexandrovich – Candidate of Science, Economy (PhD in Economics), Senior Lecturer of the Department of Economic Theory, Financial University under the Government of the Russian Federation

Научное издание

Петухов Валерий Александрович

**К ИССЛЕДОВАНИЮ
ПЛАНОВОЙ ЭКОНОМИКИ**
монография

Scientific publication

Petukhov Valeriy Alexandrovich

**TO THE STUDY
OF THE PLANNED ECONOMY**
monograph

Технический редактор Доронкина Е.Н.
Подписано в печать 24.05.2021.
Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman.
Формат 60×84 1/16.
Печать трафаретная. Печ. л. 16,75.
Тираж 500 экз. Заказ № 024-21.

Отпечатано в типографии ИД «Академия Естествознания»,
440026, г. Пенза, ул. Лермонтова, 3